

ОЧЕРКИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

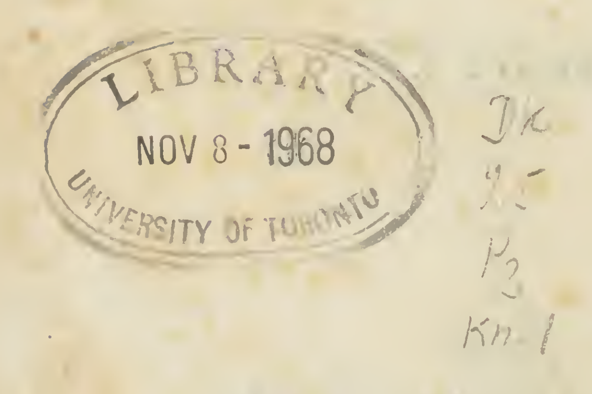
=

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 16-го Іюня 1838 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ
Тебя благословляя?

Жуковскій.

Отечество наше раскинулось въ трехъ частяхъ свѣта, богато разнообразіемъ странъ и климатовъ, населено народомъ съ самобытнымъ характеромъ и отличительною историческою жизнію, и такъ богато прошедшимъ, настоящимъ и надеждами на будущее, что намъ предстоитъ только собирать свѣдѣнія для изученія его по свойству природы, по историческимъ событіямъ и памятникамъ, по обычаямъ и быту народа. Каждому изъ насъ извѣстна одна какая-нибудь часть Россіи, но смѣло можно ска-

зать, что вполнѣ никто не знаетъ ея богатства и глубины ея жизни, тѣмъ болѣе, что эта жизнь не одинакова съ жизнію европейскихъ и азіятскихъ государствъ. Во всѣхъ сословіяхъ общества, вездѣ замѣтенъ или недостатокъ или невѣрность знаній о своемъ отечествѣ.

Очеркамъ Россіи предназначается сосредоточивать, по возможности, всѣ разсѣянныя понятія и знанія, пріобрѣтенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія; предназначается сдѣлать возможно доступными труды, о нашемъ отечествѣ, путешественниковъ, естествоиспытателей, любителей древности и разныхъ ученыхъ заве-

деній, труды, которыми мы довольно богаты, но не всѣ и невездѣ можемъ ими пользоваться; предназначается завлечь къ содѣйствію въ наблюденіи и изслѣдованіи всего отечественнаго; развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ: вотъ цѣль, предназначаемая Очеркамъ Россіи.

Въ этомъ отношеніи, Очерки Россіи не могутъ и не должны быть дѣломъ однѣхъ силъ, знаніемъ и чувствованіемъ одного человѣка; въ этомъ отношеніи, они не принадлежатъ мнѣ, какъ издателю: они принадлежатъ равно каждому изъ насъ — принадлежатъ отечеству. Я счастливъ тѣмъ, что раскрываю книгу, въ которой каждый можетъ вписать

свою мысль, свое чувствованіе, знаніе, даже замѣчаніе о той странѣ, гдѣ онъ живетъ — и да поможетъ намъ Богъ принести послѣднюю лепту на алтарь отечества.

Издатель.

ПОЛОЖЕНІЕ ГОРЪ

ВЪ

РОССІИ.

Горы составляютъ основу земнаго шара. Онѣ тянутся по всѣмъ направленіямъ и даютъ видъ и направленіе всѣмъ частямъ свѣта и всѣмъ островамъ. Однѣ изъ нихъ образовались дѣйствіемъ огня, другія посредствомъ морскихъ переворотовъ. Было время, когда вода покрывала всю землю и осаждала даже на вершинахъ горъ цѣлые слои раковинъ и другихъ животныхъ, изъ которыхъ иныя совершенно обратились въ известь или мѣлъ, а другія въ разныя каменистыя породы. Въ иныхъ мѣстахъ видны значительныя горы, состоящія изъ слоевъ осажденной глины и другихъ земляныхъ породъ. Всѣ эти слои лежатъ или въ линію съ землею, или подняты однимъ концомъ къ верху, или совершенно отвѣсны, смотря потому, какъ сбывало море, тихо ли и спокойно, или внезапно и бурно, и потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по осажденіи этихъ слоевъ, земля

была въ движеніи отъ дѣйствія огня. Въ нѣкоторыхъ горахъ насчитываютъ по нѣскольку десятковъ, даже по нѣскольку сотъ, подобныхъ слоевъ. Другія горы были образованы огнемъ, и выдвинуты его силою изъ нѣдръ земли. Быть можетъ, даже нѣкоторые изъ этихъ огненныхъ переворотовъ сопровождались переворотами водяными, такъ что огонь и вода дѣйствовали заодно, и выдвинувши силою паровъ изъ глубины земли каменныя громады на нѣсколько тысячъ верстъ въ длину, и поднявши огромныя пространства, которыя составляютъ теперь обширныя равнины и степи, обнесли неприступными предѣлами воды, образовали моря, озера и открыли подземныя бездны, въ которыя схлынула часть безмѣрнаго океана. Эти горы состоятъ обыкновенно изъ гранита, разнаго рода шпатовъ, сланца, кремней, множества рудъ и пр. Въ иныхъ мѣстахъ, несмотря на плотность камней, встрѣчаются отпечатки растеній и водяныхъ животныхъ.

По этимъ слоямъ можно видѣть, въ какомъ порядкѣ слѣдовали перевороты, и въ какомъ являлись одни животныя вслѣдъ за другими. Извѣстно, что послѣдній и самый глубокій слой состоитъ изъ гранита, и никто навѣрное не знаетъ, что слѣдуетъ за нимъ въ самыхъ нѣдрахъ земли. На этомъ слоѣ находятся другія, первообразныя породы, какъ-то: шиферъ или сланецъ, гнейсъ, порфиръ, разные виды глины, крѣпкая известь, пески, мѣлъ, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣе всѣхъ породъ извести, глины и песчаника, а сверхъ всего

черноземъ или остатки растительнаго царства. Въ иныхъ мѣстахъ эти слои перемѣшались, вѣроятно, отъ сильныхъ потрясеній земли; но главный порядокъ, сколько доселѣ извѣстно, нигдѣ не нарушенъ.

При образованіи первыхъ слоевъ еще не только человѣкъ не былъ жильцемъ земли, но, кажется, не было ни одного живаго существа; по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ слѣда ни животныхъ, ни растеній. Въ послѣдующихъ, особенно въ известковыхъ слояхъ, находятся окаменѣлыя или превратившіяся въ известь раковины и растенія или только отпечатки ихъ.

Прежде всего замѣтно появленіе раковинъ; за ними показываются рыбы, разныя породы ящерицъ, крокодиловъ; спустя долгое время и послѣ многихъ переворотовъ, явились грубыя, огромныя животныя: мамонты, носороги, бегемоты и др., которые питались растеніями; потомъ хищныя, которыя могли питаться травоядными; и наконецъ явился человѣкъ. Онъ ступилъ на землю послѣ пяти долгихъ дней ея жизни и образованія; онъ сталъ на цвѣтущемъ гробѣ нѣкогда живаго міра существъ; подъ нимъ были погребены милліоны жизней, погибшихъ задолго прежде его созданія, и образовавшихъ своимъ прахомъ цѣлыя горы.

Наше отечество, занимая въ трехъ частяхъ свѣта, по-крайней-мѣрѣ, въ пять разъ болѣе земель, нежели всѣ остальныя европейскія имперіи, королевства и княжества, богато всѣми родами

горъ, сильно ихъ неприступностію, и, отъ направленія ихъ, естественно раздѣляется на обширныя полосы или страны, разнообразныя климатомъ и произведеніями. Чтобъ яснѣе сдѣлать обозрѣніе Россіи въ этомъ отношеніи, разсмотримъ отдѣльно всѣ главныя горы, съ землями, къ нимъ прилежащими.

Самое общее раздѣленіе Россіи можно сдѣлать по тремъ частямъ свѣта, на европейскую, азіятскую и американскую.

Въ европейской части главныя возвышенности: Кавказская, Финская и, такъ называемая, Плоская. Сверхъ того, съ запада входятъ въ нее отрасли Горъ Карпатскихъ, а съ востока вѣтви Урала, рубежующаго между Европою и Азіею.

Кавказъ занимаетъ все пространство между Морями Чернымъ и Азовскимъ. Главный его хребетъ идетъ отъ Анапы къ Баку, въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку. Во многихъ мѣстахъ онъ переступаетъ черту, за которою образуются и лежатъ вѣчные снѣга. Высочайшія его части составляютъ: Эльбрусъ, Казбекъ, Змѣиная Гора, Кинжалъ-Гора, Пятигорье или Бештау, и др. Изъ нихъ, первый возвышается почти на пять верстъ надъ поверхностію моря, а второй слишкомъ на четыре версты, такъ что высочайшая изъ европейскихъ горъ, всѣми прославленный Монбланъ, ниже Эльбруса почти полуверстою. Весь Кавказскій Хребетъ состоитъ изъ гранита, песчаника, мѣстами изъ породъ известковыхъ, и принадлежитъ къ величайшимъ произ-

веденіямъ огня. По мнѣнію Гумбольдта, вмѣстѣ съ изверженіемъ Кавказскихъ Горъ образовалась впадина между Оренбургомъ, Саратовомъ — къ р. р. Яксарту и Аму-Дарьѣ, которой низменныя части лежатъ на 300 футовъ, или слишкомъ на 40 саженей, ниже поверхности океана. — Вѣроятно, въ это же время схлынула въ бездны часть океана, покрывавшаго нѣкогда степи Новороссійскаго Края и Средней Азіи, такъ что уцѣлѣли только его остатки въ четырехъ логовищахъ, составляющихъ теперь моря Черное, Азовское, Каспійское и Аральское, изъ которыхъ поверхность Каспійскаго ниже прочихъ. Это мнѣніе поддерживается многими окаменѣлостями, находимыми въ Кавказскихъ Горахъ, расположеніемъ слоевъ, барометрическими наблюденіями и слѣдами переворотовъ, которые сохранились на всемъ пространствѣ степей. Впрочемъ, немногимъ изъ естествоиспытателей доводилось проникать въ ущелья Кавказа, и онъ во многихъ отношеніяхъ не изслѣдованъ, и еще не всѣ его богатства сочтены и дознаны. Драгоцѣнные металлы, камни и каменный уголь, извѣстны только по незначительнымъ пріискамъ. Представляя почти на каждомъ шагу едва одолимыя преграды для переходовъ и завоеванія, примыкая къ двумъ морямъ, онъ богатъ плодоносными, живописными долинами, огромными буковыми, кленовыми, ясеновыми и другими лѣсами, изобиленъ южными растеніями и дичью; орошаемый большими рѣками и горными источниками вкусной и чистой воды, кипитъ цѣлебными ключами, и

своимъ богатствомъ и вѣрнымъ пріютомъ, всегда привлекалъ къ себѣ всѣ скитавшіяся племена, сохранилъ ихъ воинственные остатки, и съ древнѣйшихъ временъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ народовъ. Здѣсь была древняя Колхида, куда пускались Аргонавты за золотымъ руномъ; здѣсь находятся знаменитый Дербентскій Выходъ и каменная стѣна, сдѣланная, слишкомъ за 1200 лѣтъ до нашего времени, персидскимъ шахомъ Нуширваномъ. Сюда стекались поклонники огня къ нефтянымъ, вѣчно неугасаемымъ, источникамъ; здѣсь, среди грозной и плѣнительной природы, среди роскошныхъ долинъ, страшныхъ безднъ и гигантскихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, перепоясанныхъ облаками и фантастически одѣтыхъ туманомъ — родилось много чудныхъ вымысловъ и преданій и многимъ извѣстная сказка о *живой* и *мертвой* водѣ, къ которымъ съѣзжаются теперь со всей Россіи, называя ихъ, очень просто, горячими и кислыми водами.

Вѣтви Кавказскаго Хребта идутъ съ нѣкоторыми уклоненіями на югъ, на сѣверъ и западъ. Южныя, пройдя чрезъ наши закавказскія области, даютъ источники рѣкамъ Араксу, который впадаетъ въ Куру, и Курѣ, которая вливается въ Каспійское Море. Онѣ соединяются почти на самыхъ предѣлахъ нашего отечества съ отраслями Тавра, и доходятъ до подножія Арарата, откуда, нѣкогда, послѣ гнѣва Божія и гибели рода человѣческаго, принесла голубица масличную вѣтвь и съ нею надежду на спасеніе нашему праотцу

Ною. Этотъ Араратъ стоитъ теперь, какъ священный стражъ, на предѣлахъ Русскаго Царства, и подъемлется надъ поверхностію моря слишкомъ на четыре съ половиною версты.

По своему положенію, Кавказскій Хребетъ можетъ быть признанъ *рубежемъ между Европою и Азіею.* — Было время, когда всю Россію готовы были причислить къ Азіи; потомъ отодвинули Европу до р. Дона, потомъ до Волги; теперь, болѣе по привычкѣ, нежели по естественности, наши географы ведутъ этотъ предѣлъ по отрасли Урала, извѣстной подъ названіемъ Общаго Сырта, по Волгѣ и рѣчкамъ Сарпѣ и Манычу, хотя ни народность, ни произведенія, ни мѣстность не полагаютъ здѣсь предѣла Европѣ, между тѣмъ какъ Хребетъ Кавказскій, берегъ Каспійскаго Моря и р. Уралъ, впадающая въ него и получающая начало въ главномъ хребтѣ Уральскихъ Горъ, поставленныхъ между Европою и Азіею, могли бы и здѣсь положить точный, вѣрный и рѣзкій предѣлъ между двумя частями свѣта. На югъ отъ этой линіи начинается растительность жаркихъ странъ Азіи, и безъ примѣси живутъ азіятскія племена; на востокъ начинаются степи, и цѣлые народы турецкаго и татарскаго племенъ, постоянно здѣсь кочующіе, а не зашедшіе по обстоятельствамъ, какъ толпа Калмыковъ, кочующихъ между рѣкою Ураломъ и *по объ стороны* Волги. Мальтебрёнъ уже давно указывалъ на естественность этого рубежа между двумя частями свѣта, при-

нимая впрочемъ линію не по вершинѣ Кавказа, но по рѣкамъ Кубани и Кумѣ.

Сѣверныя отрасли Кавказа оканчиваются крутыми уступами при рѣкахъ Терекѣ и Кубани, даютъ начало Кумѣ и возвышаютъ всю степь къ устью Волги, и въ особенности къ устью Дона.

Западныя его отрасли переступаютъ чрезъ Керченскій Проливъ и образуютъ горы южнаго берега Крыма. Это доказывается ихъ направленіемъ и сходствомъ образованія. Высочайшею изъ Крымскихъ Горъ почитается Чатырдагъ или Шатеръ-Гора. Здѣсь природа не столь грозна, какъ среди Кавказа, но не менѣе живописна, плѣнительна и богата лѣсами и южными произведеніями.

На противуположномъ концѣ Россіи, на самомъ сѣверѣ ея, въ Финляндіи и губерніяхъ олонецкой и архангельской, пролегаютъ *Сѣверныя Финскія*, или *Олонецкія Горы.* Онѣ составляютъ продолженіе Скандинавскихъ Горъ, образующихъ съ своими отлогостями шведскій и норвежскій полуостровъ. Перешедши въ предѣлы Россіи, онѣ раздѣляются на три главныя отрасли: восточную, западную и среднюю. Западная отрасль даетъ видъ и направленіе Финскому Заливу и упирается въ Заливъ Ботническій. Восточная половина образуетъ выгибъ Бѣлаго Моря, — а средняя, пройдя двумя вѣтвями между Бѣлымъ Моремъ и Онежскимъ Озеромъ, и между Онежскимъ и Ладожскимъ Озерами, направляется къ востоку, возвышаетъ поверхность южной части ар-

хангельской губерніи, и оканчивается здѣсь высокими, каменистыми тундрами. — Восточныя ихъ оконечности сливаются съ отлогостями Урала, а южныя съ Плоскою или Волжскою Возвышенностію. — По всѣмъ признакамъ, онѣ еще недавно служили дномъ океану, и теперь посреди ихъ находятся огромныя болота и множество озеръ, окруженныхъ горными утесами вышиною не болѣе ста саженей; вездѣ видны куски гранита, округленнаго̀ дѣйствіемъ воды, и повсюду бѣдность природы и живописныя картины. Мѣстами попадается золото и серебро, болотная желѣзная руда и сѣверный мраморъ. Онѣ даютъ источники рѣкѣ Онегѣ, множеству небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ въ Финляндіи, и подымаютъ поверхность Ладожскаго Озера надъ Балтійскимъ Моремъ, такъ, что воды перваго склоняются въ послѣднее широкимъ протекомъ, или рѣкой Невою.

Между Сѣверными Горами и Кавказомъ, въ самой срединѣ Россіи, находится Плоская или *Волжская Возвышенность.* Она состоитъ равно изъ произведеній воды и огня. Въ иныхъ мѣстахъ, видны глыбы гранита, въ другихъ большія и довольно высокія полосы мрамора, известковые слои и большое количество морскихъ раковинъ и животныхъ, обратившихся въ известь и даже окремнѣвшихъ. Въ южныхъ ея отрасляхъ пролегаютъ, на нѣсколько десятковъ, а иногда на сто и болѣе верстъ, полосы чистаго мѣла. Во многихъ мѣстахъ находятся значительные желѣзные пріиски и много признаковъ другихъ металловъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели предполагаютъ, что здѣсь былъ нѣкогда огромный горный хребетъ, который опустился и погрязъ въ нѣдрахъ земли, какъ сталось со многими горами.

Эту возвышенность можно назвать матерью всѣхъ нашихъ лучшихъ рѣкъ, которыя оживляютъ торговлю и памятны для насъ по великимъ отечественнымъ событіямъ.

Самое большое протяженіе Волжской Возвышенности идетъ отъ запада къ востоку, чрезъ губерніи: смоленскую, тверскую, новгородскую, московскую, могилевскую, ярославскую, тульскую, хостромскую, владимірскую и южную часть вологодской; главная возвышенность занята четырьмя первыми губерніями. Изъ нея истекаютъ Волга, Днѣпръ, Донъ и Западная Двина. На сѣверѣ она склоняется къ вѣтвямъ Финской Возвышенности, на востокѣ соединяется съ отраслями Уральскихъ, а на западѣ съ плоскою и широкою полосою Карпатскихъ Горъ. На югъ она проходитъ чрезъ губерніи черниговскую, орловскую, курскую, сѣверную часть полтавской и харьковской. Здѣсь возвышеннѣйшую часть составляютъ губернія курская и южная часть орловской. Изъ нее истекаютъ рѣки по всѣмъ направленіямъ: на сѣверъ Ока, на западъ Сеймъ и Двина, болѣе къ югу Псёлъ, Ворскла, Сула и Хороль, къ югу Осколъ, Донецъ и др. Отсюда къ востоку она проходитъ чрезъ губерніи симбирскую, пензенскую, тамбовскую, воронежскую и снова приступаетъ къ Волгѣ, возвышая ея пра-

вый берегъ надъ луговою стороною и сближаясь съ отлогостями югозападной отрасли Уральскихъ Горъ, извѣстной подъ названіемъ Общаго Сырта, такъ, что въ углубленіи между ослабѣвающими возвышенностями Урала и Плоскою протекаетъ Волга, то подаваясь къ востоку то къ западу, смотря по силѣ тѣхъ или другихъ горъ. На этомъ пространствѣ самую возвышенную часть занимаетъ пензенская губернія съ частями прилежащихъ къ ней другихъ губерній. Отсюда вытекаютъ рѣки Сура, Свіяга, Цна и другія, обратившіяся къ сѣверу, и Хоперъ, Медвѣдица и другія, склонившіяся на югъ.

Высшія линіи этой возвышенности, какъ означено на приложенной картѣ, начиная съ запада, идутъ между вершинами рѣкъ Днѣпра и Двины, между Волгою и Ильменемъ-Озеромъ и потомъ дойдя до верховыхъ рѣкъ, составляющихъ Сѣверную Двину, сливаются съ вѣтвями Урала. Отъ этой главной полосы идутъ на сѣверозападъ—одна вѣтвь между Ильменемъ и Чудскимъ Озеромъ, другая между Чудскимъ Озеромъ и Балтійскимъ Моремъ, а на юго-востокѣ между Окою и Волгою, образуя возвышенный уголъ, на которомъ главное мѣсто занимаетъ московская губернія, и который сбиваетъ р. Оку къ сѣверовостоку. Далѣе на югъ Плоская Возвышенность теряется въ степяхъ губерній полтавской, харьковской и въ мѣстахъ между Дономъ и Волгою.

Такимъ образомъ, главная ея полоса раздѣляетъ среднюю Россію на двѣ части, сѣверную и юж-

ную. Первая поката къ океану, вторая къ Черному Морю и устьямъ Волги. Одна должна быть чувствительно открыта для сѣверныхъ вѣтровъ и закрыта отъ южныхъ; другая, напротивъ, довольно защищена отъ сѣверныхъ и открыта съ юга. Обѣ половины изобильны рѣками, ручьями, источниками и озерами чистой воды; въ иныхъ мѣстахъ открыты минеральные источники; повсюду богатство произведеній, свойственныхъ климату: огромные лѣса, сочныя травы, разнаго рода хлѣба, изобиліе водъ и дичи. Всѣмъ богата эта возвышенность. Правда, здѣсь нѣтъ грозныхъ, поражающихъ видовъ Кавказа или Финляндіи, за то почти вездѣ широкіе луга, и, то низменные то высокіе и обрывистые берега рѣкъ и ручьевъ; въ иныхъ мѣстахъ небольшіе каменные утесы, въ другихъ глинистые и песковатые обрывы, или бѣлыя, мѣловыя возвышенности, подернутыя коегдѣ тѣнью другой почвы, или расписанныя зеленью кустовъ и травъ, какъ во многихъ мѣстахъ Украйны и въ губерніяхъ курской, харьковской и воронежской. Какъ живописны берега Волги, Днѣпра и Дона! Кто не любовался прибрежьями Сейма, Оскола, Донца, Псла, рѣки Мечи и *красными* берегами Клязьмы? Вездѣ удобства для жизни; почти каждое мѣсто, не представляя ничего необыкновеннаго, поражающаго, влечетъ къ себѣ пріятностію и удобствами, располагаетъ къ спокойной сельской и семейной жизни, къ которой такъ наклоненъ весь славянскій міръ. Эта мѣстность, не раздѣляя насъ неприступными стремнинами, даетъ

полную возможность слиться въ одно цѣлое, и, не представляя сильной природной защиты отъ враговъ, невольно вызываетъ насъ къ силѣ и цѣлости народнаго характера. Здѣсь начала мужать Россія; отсюда посылала своихъ сыновъ на всѣ четыре стороны свѣта для покоренія и смиренія своихъ враговъ. Здѣсь сердце нашего отечества, средоточіе нашей народности. Здѣсь передѣланы удѣльныя княженія въ Русское Царство; отсюда смирена Орда, покорены Сибирь, Кавказъ и три моря — Черное, Балтійское и Каспійское; сюда спѣшили наши враги, сюда приводила Россія съ Мининымъ своихъ сыновъ; здѣсь Москва горѣла за Россію. И въ этомъ отношеніи, быть можетъ, Плоская Возвышенность несравненно для насъ значительнѣе и неприступнаго Кавказа и богатаго Урала.

Отъ южнаго предѣла Плоской Возвышенности начинаются равнины, которыя тянутся на тысячу и болѣе верстъ въ длину и до пяти сотъ въ ширину, склоняясь къ Морямъ Черному и Азовскому. Онѣ, вблизи большихъ рѣкъ взволнованы холмами и перерѣзаны лабиринтомъ неглубокихъ логовъ, а въ отдаленіи значительныхъ рѣкъ почти совершенно ровны, такъ что на всемъ пространствѣ, какое можетъ окинуть взоръ, часто не видно ни холма, ни лога. Почва ихъ вообще чисто черноземная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся соленыя озера, богатые прінски каменнаго угля и много песчаника. Онѣ богаты растительностію

и въ особенности травами и цвѣтами разнаго рода; но повсемѣстно бѣдны лѣсомъ.

Почти по самой срединѣ степей пролегаетъ отрасль Карпатскихъ Горъ, узкою, едва приподнятою полосою, отъ запада къ востоку. Она перерѣзываетъ рѣку Бугъ, приподымаетъ правый берегъ Днѣпра, сбиваетъ теченіе его къ востоку, заграждаетъ порогами, на пространствѣ почти 60 верстъ, сбиваетъ въ томъ же направленіи Донецъ и Донъ, и теряется, не достигнувши Волги. Изъ нея вытекаетъ много рѣкъ и рѣчекъ: однѣ изъ нихъ, какъ-то: Телигулъ, Ингулъ, Громоклея, Берда, Калміусъ и др., текутъ въ направленіи къ Черному и Азовскому Морямъ, а Самара, Волчья, Торецъ и другія склоняются въ противную сторону.

Почва этой полосы камениста, во многихъ мѣстахъ; особенно по оврагамъ и берегамъ небольшихъ рѣчекъ попадается крѣпкій песчаникъ, а въ порогахъ Буга и Днѣпра замѣтна гранитная порода.

Другая отрасль Карпатскихъ Горъ, проходя Галицію, даетъ начало рѣкамъ Днѣстру, Бугу и Вислѣ, изъ которыхъ два первые направляетъ къ югу, а послѣднюю къ сѣверу. Войдя широкою полосою въ предѣлы Россіи, она обращаетъ на сѣверъ рѣки Сѣверный Бугъ и Нѣманъ, а на югъ Березину, Припять, много мелкихъ рѣкъ, и соединяется, въ губерніяхъ витебской, могилевской и южной части псковской, съ отраслями Плоской Возвышенности.

На самомъ востокѣ Россіи, на ея рубежѣ съ Сибирью, подобно американскимъ Андамъ, въ направленіи съ сѣвера на югъ пролегаетъ *Уральскій Хребетъ.* Онъ начинается близъ вершинъ рѣки Тоболя и идетъ между вершинами рѣкъ Урала и Бѣлой. Здѣсь онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ горъ гранитнаго и шиферыаго образованія. Далѣе на сѣверъ простирается къ источникамъ Печоры и Туры, даетъ отрасли, которыя склонившись къ западу проходятъ между источниками Печоры и Камы, а другія къ Сѣверному Океану между Печорою и Двиною. Первыя изъ нихъ соединяются съ отлогостями Плоской Возвышенности, состоятъ изъ кварцовыхъ и сланцовыхъ породъ и богаты соляными источниками, а другія возвышаютъ почву сѣверной части архангельской губерніи. Главный же хребетъ идетъ отъ источниковъ Печоры, почти прямо на сѣверъ, и, раздѣлившись на двѣ вѣтви, образуетъ справа плоскій, длинный мысъ, а другою доходитъ до Пролива Вайгачскаго, скрывается въ морѣ, потомъ снова показывается островомъ Вайгачемъ, и, скрывшись еще разъ, подымается длинною, возвышенною полосою, составляющею Новую Землю. И какъ на западѣ отлогими возвышенностями, такъ здѣсь, въ океанѣ, посредствомъ острововъ соединяется съ Финскими Горами. Сѣверная его часть также прерывиста, состоитъ болѣе изъ гранитныхъ началъ, поднявшихся утесами и разрушающихся отъ времени, дѣйствія воды и непогодъ, или изъ мысовъ известковыхъ и растрѣснутыхъ во многихъ мѣстахъ.

вершины его здѣсь обнажены и только изрѣдка видѣнъ на нихъ мохъ и небольшіе искривленные кустарники. Повсюду множество болотъ, торфу и костей допотопныхъ животныхъ, какія находятся по Камѣ и на самыхъ низменныхъ мѣстахъ Западной Сибири. На восточной части Урала мало гранитныхъ скалъ, и вообще вся она по всему протяженію преобладаетъ породами серпентина, извести, шиферу, и богата жилами мѣдной руды, пріисками желѣза, золота, порфира, яшмы и проч.; одного золота добываютъ ежегодно около 400 пудовъ. Вся эта сторона Урала покрыта огромными лѣсами, болѣе сосновыми, лиственничными, кедровыми, и заключаетъ множество болотъ и озеръ. Изъ нея истекаютъ рѣки Сосва, Тура, Тавда, Конда, Исеть и другія, склонившіяся въ Сибирь къ теченію Иртыша. Западная часть, состоя болѣе изъ кварцовыхъ породъ, до-сихъ-поръ не можетъ сравниться съ восточною богатствомъ рудныхъ пріисковъ. Но въ ней, по замѣчанію Г. Энгельгардта, и потомъ по указанію графа Полье и Шмидта, открыты алмазы, и найдена порода изумрудной, просвѣчивающей мѣдной руды, столь драгоцѣнной и рѣдкой во всѣхъ европейскихъ музеумахъ, и названной, по имени открывшаго ея Бухарца, аширитомъ, а по своему свойству, діоптазомъ. Она даетъ начало рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Чусовой, Камѣ, Вяткѣ, Печорѣ и другимъ, склонившимся по разнымъ направленіямъ въ европейскую Россію.

Самая большая высота Урала не достигаетъ

двухъ верстъ и несмотря на это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ покрытъ вѣчными снѣгами. Южныя отрасли Урала, начинаясь близъ истоковъ р. Тобола, разбиваются на три вѣтви: западную, южную и восточную. Первая, давши начало рѣкѣ Уралу, идетъ къ Волгѣ, возвышаетъ все пространство между сею рѣкою, Камою, р. Ураломъ, и подымается холмами въ направленіи къ Каспійскому Морю. Верстахъ въ полутораста отъ теченія Волги, прямо на востокъ, въ черноярскомъ уѣздѣ, на ровномъ и довольно низменномъ мѣстѣ, находятся двѣ отдѣльныя горы, называемыя Большою и Малою *Богдою*; онѣ состоятъ изъ песчаника, глины и известковыхъ слоевъ. Странный ихъ видъ среди степи, большія трещины и огромныя бездны поселяли къ нимъ уваженіе въ кочующихъ народахъ. Калмыки думаютъ, что обѣ горы принесены сюда отъ Урала двумя святыми. Вѣроятно онѣ составляютъ продолженіе западной вѣтви Урала. Южная отрасль идетъ чрезъ Киргизскую Степь частію въ направленіи къ Аральскому Морю, частію на востокъ къ верховьямъ Иртыша, и не доходя до Алтайскихъ Горъ оканчивается при звѣриноголовскомъ меридіанѣ или подъ 82-мъ градусомъ долготы. Здѣсь замѣтно много шифера и шпата. Сѣверная покатость этой вѣтви, склонившись въ тобольскую губернію къ вершинамъ Ишима и Тобола, заключаетъ много озеръ и признаки обыкновенной и горькой соли.

Между Ураломъ и Алтайскими Горами идетъ *цѣпь высокихъ холмовъ*, и два эти хребта такъ

отдѣльны по своему образованію, что землетрясенія, происходящія часто въ Алтаѣ, никогда не отзываются въ Уралѣ, и даже не переходятъ на лѣвую сторону Иртыша.

На востокъ отъ Урала до Охотскаго Моря и отъ Сѣвернаго Океана до предѣловъ Средней Азіи лежитъ страна почти на пять тысячъ верстъ въ длину и слишкомъ на двѣ тысячи пять сотъ верстъ въ ширину, по прямой линіи.

Эта страна — Сибирь.

Она раздѣлена самою природою на двѣ части — восточную и западную.

Западная Сибирь отдѣлена отъ восточной, во всю ея длину, рѣкою Енисеемъ. Со стороны Уральскаго Хребта она возвышена его отраслями, которыя, впрочемъ, не доходятъ до лѣваго низменнаго берега Иртыша. О рѣкахъ, впадающихъ съ этой стороны въ Иртышъ, было сказано при обозрѣніи Уральскаго Хребта. Съ южной стороны западная Сибирь замыкается отраслями Урала рядомъ холмовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ несправедливо назначали Алгинскія Горы, и Алтайскими Горами, пролегающими отсюда на востокъ къ Байкалу и далѣе.

Алтай на Калмыцкомъ языкѣ называется Алтаинъ-сола, что значитъ золотыя горы, по множеству находящихся въ нихъ золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ, доставляющихъ Россіи ежегодно до 1000 пуд. серебра и болѣе 25 пудовъ золота. Отъ Иртыша до Оби, онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Малаго Алтая* и подымается преры-

вистыми островерхими хребтами, покрытыми на вершинахъ снѣгомъ, которые, по ихъ виду, называются въ Сибири *Бѣлкàми.* Здѣсь, часто между двумя высокими горами раскидывается совершенно гладкая, цвѣтущая, но пустынная, долина. Главныя породы камня составляютъ: шиферъ[1], порфиръ, яшма, плотный и зернистый известковый камень и слоеобразный гранитъ. Повсюду изобильныя золотыя и серебряныя руды. Но и здѣсь богатѣйшія отрасли, подобно какъ въ Уралѣ и Андахъ, лежатъ въ направленіи по меридіану или съ сѣвера на югъ. По его западной покатости протекаютъ на сѣверъ рѣки: Иртышъ, Обь и другія. Правый берегъ Иртыша крутъ, возвышенъ и состоитъ, по близости хребта, изъ гранитныхъ скалъ, а далѣе на сѣверъ, до впаденія Оби, изъ осадной глины, напитанной мѣстами желѣзными частицами. Озеро Зайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, выше поверхности океана съ небольшимъ полуверстою. Отъ Оби къ Енисею и Байкалу, Алтай извѣстенъ подъ именемъ Саянскихъ Горъ, и вообще подъ неправильнымъ названіемъ Большаго Алтая, который идетъ по китайскимъ владѣніямъ, на юго-востокъ отъ полуденныхъ предѣловъ Сибири, и по величинѣ своей менѣе значителенъ, нежели, такъ называемый, Малый Алтай, который около Телецкаго Озера возвышается до двухъ съ половиною верстъ и богатъ пріисками порфира и яшмы, а около Колывани болѣе полуторы версты, и богатъ пріисками дорогихъ металловъ. Одна изъ его вѣтвей идетъ на сѣверъ,

образуя часть лѣваго берега Енисея. Она во многихъ мѣстахъ переступаетъ за снѣговую линію, и повсюду видны ея верхи, покрытые снѣгами. Изъ нихъ истекаютъ рѣки: Томъ, Чулымъ и пр. Вообще западная часть Сибири, роскошная и живописная на югѣ, бѣдна и пустынна на сѣверѣ. Здѣсь простираются обширныя тундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становятся низменнѣе, безплоднѣе и болотистѣе; самыя большія рѣки текутъ здѣсь тихо и при устьяхъ совершенно обезсиливаются и мелѣютъ.

Восточная Сибирь, напротивъ, отъ самаго Енисея до Охотскаго Моря, почти вся покрыта горами. Здѣсь рѣки быстры, во многихъ мѣстахъ пробиваются между скалъ; вездѣ много ручьевъ, ключей и водопадовъ. Эти горы, проходя изъ китайскихъ владѣній, соединены съ высочайшими хребтами Азіи, съ горами: тибетскими, китайскими и индѣйскими, извѣстными подъ названіями Тіанъ-Шана, Кунгъ-Луна и Гималайскихъ, — откуда вытекаютъ всѣ главныя азіятскія рѣки: Гангъ, Индъ, Гоанго, Буримпутеръ и др. Здѣсь находятся въ дикомъ состояніи почти всѣ роды хлѣбовъ и многія домашнія животныя. Пройдя въ восточную Сибирь, хребетъ Алтайскихъ Горъ обгибаетъ Байкалъ по всей его окружности, завязывается на востокѣ отъ него нѣсколькими узлами, извѣстными подъ названіемъ Нерчинскихъ или Даурскихъ Горъ, пускаетъ отрасли на сѣверъ, между Енисеемъ и Леною, частію между Леною и Алданомъ, а главною массою, извѣстною подъ названіемъ

Становаго Хребта, обступаетъ съ запада Охотское Море. По мнѣнію другихъ, Становой Хребетъ составляетъ отдѣльную цѣпь горъ. Еще далѣе на сѣверъ, этотъ хребетъ между верховьями Индигирки и Колыми соединяется съ Алданскими Горами, которыхъ высота между 153 и 156° долготы и между 60° и 62° широты, при рѣкѣ Аллахъюнѣ достигаетъ до полуторы версты. Здѣсь находится много остатковъ допотопныхъ животныхъ и цѣлые оставы мамонтовъ. Отсюда идутъ вѣтви къ сѣверу по теченію рѣкъ. Часть ихъ, соединившись съ Становымъ Хребтомъ, идетъ на востокъ, подымается къ Пенжинской Губѣ и, разбившись на двѣ вѣтви, пролегаетъ одною на сѣверовостокъ, оканчиваясь Чукотскимъ Носомъ, а другою, перегибаясь около Охотскаго Моря въ направленіи къ югу, образуетъ Полуостровъ Камчатскій и оканчивается Мысомъ Лопаткой. Сѣверныя отрасли Алданскихъ Горъ скрываются въ Ледовитомъ Морѣ, и снова появляются островами: Новою Сибирью, Котельнымъ, Ляховскимъ и др. Вообще, горы восточной Сибири мало изслѣдованы, и трудно сказать что-нибудь удовлетворительное о ихъ направленіи и свойствѣ.

Часть Алтайскихъ Горъ между Енисеемъ и Байкаломъ почти вездѣ выше снѣговой линіи, состоитъ болѣе изъ гранита, и даетъ много отраслей въ направленіи къ сѣверу; изъ нихъ истекаютъ рѣки: Чопа, Канъ и др. Окружая Байкалъ, Алтайскія Горы становятся извѣстны подъ названіемъ Байкальскихъ. Здѣсь главное свойство

ихъ то же какъ и Саянскихъ: вездѣ много утесовъ и разсѣлинъ, изъ которыхъ въ иныхъ мѣстахъ вытекаетъ горное масло и добывается нефть. Образованіе Байкальскаго Моря, вѣроятно, сопровождалось великими переворотами: оно составляетъ провалъ слишкомъ въ пятьдесятъ верстъ шириною и болѣе 700 верстъ въ длину. Вода въ немъ вкусна и такъ чиста, что на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ видно дно и остатки лѣсовъ, которые росли и погибли, быть можетъ, за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Оно, несмотря на прѣсную воду, имѣетъ, подобно океану, свои приливы и отливы. Въ немъ постоянно водятся тюлени и рыбы, свойственныя морской водѣ. Народъ называетъ его Святымъ Моремъ; и дѣйствительно, какъ чудо природы, оно поражаетъ своимъ явленіемъ—глубиной, чистотою воды, огромными обрывистыми горами, покрытыми на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, и страшными бурями, какія рѣдко удается испытать въ самомъ океанѣ. Въ него впадаютъ рр. Селенга и Баргузинка, по берегамъ которой ловятся лучшіе соболи. Изъ него вытекаетъ Ангара, впадающая въ Енисей; вода въ ней чиста и такъ холодна, что среди самыхъ жаровъ нельзя въ ней долго пробыть. Нѣсколько восточнѣе, изъ Байкальскихъ Горъ беретъ начало Лена, и между нею и Ангарою идетъ ихъ отрасль прямо на сѣверъ, разбиваясь близъ Нижней Тунгуски на многія вѣтви, которыя чѣмъ далѣе идутъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе склоняются; съ забайкальской стороны выходитъ р. Витимъ,

протекающая пространство почти на полторы тысячи верстъ.

На югъ отъ Байкальскаго Моря, хребетъ, извѣстный подъ названіемъ Нерчинскихъ Горъ, подымается не островерхими но плоскими вершинами, и богатъ разнаго рода рудами и пріисками аквамариновъ, хризолитовъ, топазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Изъ нихъ вытекаютъ рѣки Амуръ, Олекма, Нигода и др. Восточная часть Сибири можетъ быть раздѣлена на три части: на южную, отъ впаденія Ангары, по прямой линіи на востокъ. Эта часть подраздѣляется Байкаломъ на восточную и западную; обѣ живописны, богаты произведеніями; но восточная во всемъ имѣетъ преимущество предъ западною. Отъ этой линіи до прямой же линіи отъ Охотскаго Моря, чрезъ устье Алдана къ Енисею простирается средняя часть, дикая и богатая лѣсами, исполненная горъ и болотъ. Отъ этой линіи къ сѣверу идетъ третья часть, пустынная, во многихъ мѣстахъ совершенно безлѣсная и наполненная тундрами; ея почва замѣтно выше тундръ западной Сибири; впрочемъ, рѣки при устьяхъ также ослабѣваютъ и становятся безсильны. Здѣсь три четверти года царствуетъ зима и мятели.

Сѣверовосточная часть къ Чукотскому Носу вездѣ болотиста, гориста и почти безлѣсна.

Камчатскія Горы образуютъ Полуостровъ Камчатку, и раздѣляютъ его на двѣ части, восточную и западную, изъ которыхъ первая гористѣе послѣдней. Въ Восточный Океанъ склоняются рѣки:

Олюторъ, Камчатка и др. Въ Охотское Море: Быстрая, Тигиль и др. На восточной сторонѣ находятся двѣ огнедышущія горы, Кроноцкая и Ключевая. Одна изъ нихъ вышиною почти въ двѣ съ половиною версты, слѣдовательно, превосходитъ Этну; а другая болѣе четырехъ съ половиною верстъ, слѣдовательно выше Монблана, самой высочайшей европейской горы.

Южная часть Камчатскихъ Горъ оканчивается Мысомъ Лопаткой, и скрывшись въ океанѣ, показывается изъ него цѣпью острововъ до самой Японіи.

Оба берега Камчатки безлѣсны; Лопатка почти совершенно обнажена, а ребра горъ покрыты огромнѣйшими лѣсами.

Американская часть Россіи гориста по всему ея протяженію. Эти горы, образуя Мысъ Аляску, далеко вдаются въ океанъ и направляются островами до восточнаго берега Камчатки. Наши американскія горы, поднявшись островерхими оконечностями, круто спускаются къ океану, и отъ самыхъ вершинъ до поверхности воды одѣты лѣсами, которыхъ не успѣлъ еще человѣкъ истребить, украсить и обезобразить. Одни американскія владѣнія Россіи занимаютъ болѣе пространства, нежели вся Франція.

Такъ отечество наше обширно, разнообразно и богато всѣми произведеніями природы и ея вліяніемъ на характеръ и умственное направленіе народовъ, которые, слившись нѣкогда въ одно цѣлое, вѣрно, образованіемъ и гражданственностію со-

ставятъ одинъ народъ, не только не лишенный своего характера, но сильный его разнообразіемъ и взаимнымъ дополненіемъ разнородныхъ способностей. Это обширный разсадникъ человѣчества еще юнаго, полнаго силъ и готовности къ развитію. Ему предоставлено начинать жизнь съ того періода, у котораго состарѣлся не одинъ европейскій народъ, и начинать свое образованіе съ тѣхъ успѣховъ ума, до которыхъ Западъ доходилъ вѣковыми усиліями и напряженіемъ, подобно какъ и самъ онъ воспользовался образованіемъ Рима и Греціи, и какъ Римъ, Греція ступили на приготовленное поле успѣховъ и опытовъ жизни Египта и восточныхъ царствъ.

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ приложены описанія и карты, объясняющія высоты горъ, теченіе рѣкъ, климаты, произведенія, населенность, историческое заселеніе и распространеніе Россіи и всѣхъ ея великихъ и удѣльныхъ княженій.

Наше отечество во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на труды многихъ изслѣдывателей, еще такъ ново и богато разнообразіемъ природы, глубиною и оттѣнками народнаго характера, что только въ продолженіе долгихъ лѣтъ взаимными безкорыстными усиліями будутъ исчислены и поняты многія изъ его сокровищъ, которыя съ нами — и нами не признаны, не вполнѣ оцѣнены, и которыми часто мы безсознательно богаты и сильны.

Вадимъ Пассекъ.

КІЕВОПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

....На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ великій градъ и много церквей воздвигнетъ Богъ....

Преданіе XI вѣка. *Несторъ.*

Съ высоты переяславльскаго собора, сооруженнаго гетманомъ Мазепою, вы видите подъ собою равнину, раскинувшуюся слишкомъ на сто верстъ. Съ сѣвера и востока она то опушена лѣсомъ то исчезаетъ, сливаясь съ синевою небосклона; съ юга и запада обнесена высокою горою, на которую опирается могучій Днѣпръ.

Какъ много великаго объемлетъ взоръ на этой равнинѣ! Какіе имена и памятники исторіи на каждомъ мѣстѣ! Вотъ Переяславль съ его трехугольнымъ стариннымъ валомъ и земляною крѣпостью, насыпанною Великимъ Петромъ: это мѣсто, гдѣ, по слову краснаго-солнца Владиміра, нашелся богатырь, *переявшій* славу у могучаго Печенѣга; а тамъ часовня надъ мѣстомъ гибели святаго мученика, князя Бориса; тамъ невѣдомые *курганы*; тамъ *могилы* нашихъ предковъ, раскиданныя на полѣ битвъ; здѣсь храмъ Божій, воздвигнутый *Мазепою*, а тамъ роковая Альта, на бере-

гахъ которой рѣшилось такъ много споровъ, и такъ много пролито крови, то въ борьбѣ междоусобной то въ борьбѣ съ кочевыми племенами; гдѣ вступали въ битву святый Владиміръ и братоубійца Святополкъ; Ярославъ и Мстиславъ Удалый, смирившій кавказскихъ горцевъ; Георгій Долгорукій, сынъ его Андрей Боголюбскій, и много другихъ князей удѣльныхъ и великихъ; тамъ за грудами сыпучаго песку протекаетъ прославленный Днѣпръ, качавшій колыбель нашего отечества, и первый донесшій нашу силу и славу до стѣнъ Царяграда; а тамъ, вдали отъ всего, за семьдесятъ верстъ отъ Переяславля, на высокой горѣ, какъ на синевѣ облака восходящаго на небосклонъ, едва, едва видиѣется *Кіевопечерская Обитель.*

Но если вы оставите мѣсто, съ котораго такъ много представлялось для взора, и станете спускаться къ землѣ, то рамы обширной картины сокращаются болѣе и болѣе — и наконецъ со всѣхъ сторонъ обступитъ васъ одна соборная ограда; а если выйдете изъ нея, то откроется городская площадь съ рядами лавокъ, нѣсколькими домами частныхъ людей и небольшою алеею около соборной стѣны. Тамъ встрѣтите или городскаго жителя, или Малороссіянина въ его простонародной одеждѣ, а чаще всего толпы вѣчно хлопочущихъ жидовъ. О вѣрно, все это не истребитъ впечатлѣній, произведенныхъ въ душѣ видами и памятниками окрестной страны! Вѣрно, Кіевъ, съ его минувшею жизнію, съ его храмами, дошедшими отъ первыхъ временъ введенія христіанской вѣры, съ

его Печерскою Обителью, сосредоточитъ на себѣ всѣ впечатлѣнія, привлечетъ къ себѣ все наше вниманіе.

Вотъ, мы уже за Переяславлемъ, переѣхали чрезъ Альту, и предъ нами открылась равнина, далеко потянувшаяся на сѣверъ и западъ и склоненная къ Днѣпру, который все еще скрывается то за рощею, то за песчаными волнами, то притаится за низкимъ лугомъ. Напрасно будете ожидать, что онъ сверкнетъ струею, или подымется волнами! Нѣтъ, онъ близокъ отъ васъ, но скрытъ и все манитъ далѣе, пока не заведетъ въ дремучій боръ и глубокіе пески, гдѣ волей или неволей должно ѣхать шагъ-за-шагомъ, пробираясь по всѣмъ направленіямъ между деревьями, и гдѣ волнуютъ васъ ожиданіе и нетерпѣніе. Это нетерпѣніе возрастетъ еще болѣе, когда заблеститъ изъ-за вершинъ деревьевъ глава Печерской Обители. Вотъ она прямо предъ вами — и вотъ скрылась за лѣсомъ; вотъ блеснула справа — и снова исчезла; вотъ загорѣлась слѣва — и скоро скроется.... но этотъ утомительный путь по сыпучему песку, среди сосноваго бора, располагаетъ душу къ сильнымъ впечатлѣніямъ и придаетъ Кіеву болѣе занимательности. Предъ вами внезапно предстаетъ во всемъ величіи Днѣпръ, и на немъ суда и барки, то спокойныя то распахнувшія свои бѣлыя крылья и близъ нихъ черный дымящійся пароходъ; подъ вами лѣвый берегъ Днѣпра, низкій, песчаный и покрытый мѣстами лѣсомъ, мѣстами опушенный красною розою. За Днѣпромъ

высокимъ уступомъ встаютъ горы и на нихъ красуется Печерская Обитель: всѣ главы храмовъ и колоколенъ горятъ золотомъ; зданія заступаютъ одно другое, подымаются одно надъ другимъ; мѣстами видна каменная стѣна, обнявшая всю Обитель, и все это оттѣнено зеленью садовъ, вездѣ перемѣшаны бѣлизна стѣнъ съ зеленью деревъ, съ золотомъ главъ и крестовъ. Ниже пещеръ замѣтны, между кустами и деревьями, бѣлыя хаты и обрывы горы. Направо отъ Обители, на той же горѣ видѣнъ Пустынно-Николаевскій Монастырь— кладбищенская церковь, сооруженная на мѣстѣ Олеговой могилы; еще правѣе видѣнъ мысъ, за которымъ сокрытъ древній Кіевъ, а внизу, надъ самымъ Днѣпромъ, какъ будто изъ воды возникаетъ *Подолье.* Оно съ своими бѣлыми зданіями, стройными, новыми церквами, и отличительнымъ характеромъ мѣстности, составляетъ какъ-будто особенный городъ. Далѣе за нимъ горы становятся едва замѣтны, уклоняются — и Днѣпръ исчезаетъ въ поляхъ и лугахъ. Налѣво отъ Обители, за глубокимъ рвомъ, по которому сдѣланъ теперь въѣздъ въ городъ, на той же горѣ замѣтна возвышенность звѣринецкой крѣпости, или древній Витичевъ Холмъ и Святополчъ Городокъ; за нею, по теченью Днѣпра, пріютился въ удольи Выдыбицкій Монастырь, окруженный садами и лѣсами; еще лѣвѣе — горы начинаютъ понижаться, исчезаютъ, и между ними и Днѣпромъ — на широкомъ лугу виднѣется Китаевская Пустынь, основанная Андреемъ Бого-

любскимъ. Надъ всѣми видимыми окрестностями и зданіями высится Печерская Обитель, выше всего горитъ святой крестъ спасенія, и весь этотъ видъ съ его горами, зеленью садовъ и разнообразіемъ зданій рисуется на спокойномъ лонѣ Днѣпра.

Сбылось предсказаніе Св. Андрея Первозваннаго, что «на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ великій градъ и много церквей воздвигнетъ Богъ;» — Не тщетно: «взошелъ онъ на эти «горы, благословилъ ихъ, поставилъ на нихъ крестъ «и помолился Богу (1).»

Уже близъ тысячи лѣтъ сіяетъ здѣсь благодать Божія и протекло слишкомъ семь сотъ лѣтъ отъ основанія Печерской Обители.

Но какихъ потребно было жертвъ и святаго самоотверженія, какъ необходимо было избраннымъ міра сего присутствіе воли и благодати Божіей, чтобы истины ученія Христова проникли въ души язычниковъ, чтобы новая вѣра съ цѣлостію своихъ обрядовъ замѣнила вѣру и обряды языческіе, къ которымъ привыкъ народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, которые внѣдрились во всѣ малѣйшія движенія его жизни, въ его ежедневный бытъ, въ понятія о самомъ себѣ, въ отношеніе къ другимъ людямъ, къ собственности, къ цѣлому обществу, ко всей природѣ — и, наконецъ, въ его посмертныя надежды и ожиданія. До принятія христіанской вѣры Славяне, наши соотечественники, признавали высшее невидимое существо; но оно, лишенное тѣлеснаго образа, не

могло вселить въ мысли сознанія грубаго человѣка — и было только предчувствіемъ, залогомъ святой вѣры. Для него необходимо тѣлесное изображеніе, ему надобно видѣть своего бога, или, по-крайней-мѣрѣ, признакъ его бытія, доступный ощущенію. Такимъ богомъ былъ у нашихъ Славянъ: Перунъ, — богъ грома и молніи; за нимъ слѣдовали Дажьбогъ, Стрибогъ, Мокошъ (2) и другіе меньшіе боги и божества, замыкавшіе полную систему языческаго вѣрованія. Всѣ условія жизни сопровождались особенными обрядами и все было проникнуто силою религіи.

Собственно браковъ не было; но люди обоего пола сходились изъ разныхъ селеній, и среди игръ и пѣсень мужчины выбирали дѣвушекъ и уводили ихъ къ себѣ какъ женъ. До сихъ поръ остались пѣсни, напоминающія этотъ обычай, находившійся вѣроятно подъ покровительствомъ боговъ, и вѣрно сопровождавшійся многими обрядами и пѣснями, которыхъ остатки сохранились до нашего времени. Трупы умершихъ сожигали и, собравши пепелъ и кости, складывали ихъ въ сосуды и ставили на столбахъ по дорогамъ. Надъ прахомъ князей насыпали курганы и дѣлали тризны или игрища. Идя на войну и возвращаясь съ нея, приносили жертвы богамъ и ввѣрялись ихъ помощи. Рожденіе, занятія, вся жизнь была проникнута понятіями языческой религіи.

Надъ всѣмъ признавались покровительствующія божества: воды, лѣса, поля, дома — все, по понятію и живому чувству, было наполнено бо-

жествами, и сильно хранилось самимъ народомъ, его правителями и жрецами, какъ святыня и запасъ необходимаго, испытаннаго вѣками, знанія. Дѣйствительно, доколѣ люди не познали лучшаго духовнаго міра, имъ было страшно разстаться съ своими религіозными понятіями и измѣнить свою жизнь по понятіямъ новой религіи; они не безъ права страшно защищали свое язычество и не безъ причины легче покорялись *слову*, нежели *мечу*.

«Когда Колумбанъ, въ началѣ VII вѣка, обративъ многихъ нѣмецкихъ язычниковъ въ вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея св. ученіе и въ земляхъ Славянъ, то, устрашенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христіанство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распространялось по Европѣ, Славяне ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворяя балтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ христіанъ; брали ихъ корабли въ добычу, а священниковъ приносили въ жертву идоламъ ([3]).» Даже въ XII вѣкѣ богемскіе Славяне жалѣли въ своихъ пѣсняхъ о падшихъ подъ нѣмецкою сѣкирою заповѣдныхъ рощахъ, гдѣ жили ихъ боги и души умершихъ ([4]). У насъ въ двухъ древнихъ и главныхъ русскихъ городахъ, Кіевѣ и Новгородѣ, были воздвигнуты идолы Перуну и другимъ богамъ. Самъ святый Владиміръ, доколѣ не просвѣтлѣла душа его благодатію Божіею, «поставилъ кумировъ на холмѣ

внѣ двора теремнаго, деревяннаго Перуна, съ серебряною главою и златыми усами, а также Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокоша, и называвшіе ихъ богами приносили имъ жертвы, приводили сыновъ и дочерей своихъ и жертвовали бѣсамъ, оскверняя землю требами своими и осквернилась кровью русская земля ([5]).» «Родственникъ Владиміра, Добрыня, поставилъ кумиръ надъ рѣкою Волховомъ въ Новгородѣ, и жертвовали ему люди новгородскіе, какъ Богу ([6]).»

Когда Владиміръ побѣдилъ Ятваговъ и взялъ ихъ землю, то, возвратившись въ Кіевъ, принесъ съ людьми своими требу кумирамъ. «Тогда сказали ему старцы и бояре: кинемъ жребій на отрока и дѣвицу, и на кого падетъ, того и зарѣжемъ для нашихъ боговъ. И былъ одинъ Варягъ.... исповѣдывавшій христіанскую вѣру, и у него былъ сынъ прекрасный лицемъ и душею: на него палъ жребій, по зависти діавола.. Пришедши посланные къ нему сказали: на сына твоего палъ жребій; боги хотятъ его, пусть исполнится требованіе боговъ. Тогда отвѣчалъ Варягъ: ваши боги дерево; сегодня цѣлы а завтра сгніютъ; не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, но сдѣланы руками изъ дерева; а Богъ одинъ, которому поклоняются Греки, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человѣка, и далъ жизнь земную, а ваши боги — что они сдѣлали? они сами сдѣланы; не дамъ сына своего богамъ. Они же удалившись, разсказали людямъ, и, взявши оружіе, пошли на него и разломали дворъ около него, а онъ стоялъ

на сѣняхъ съ сыномъ своимъ. Дай сына своего, сказали ему, мы отдадимъ его богамъ! Если они боги, отвѣчалъ Варягъ, то пусть пошлютъ одного изъ своихъ и возьмутъ моего сына, а вы чего требуете? и вскричалъ народъ, и подрубилъ подъ ними сѣни, и такъ побилъ ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ они положены (7).» Такъ сильно господствовало язычество, поддерживаемое князьями и мнѣніемъ народа. И когда Великая Княгиня Ольга, просвѣщенная истинами вѣры, живши съ сыномъ своимъ Святославомъ, хотѣла передать ему христіанское ученіе и склоняла его креститься, «то онъ не внималъ ея словамъ и какъ будто не слышалъ ихъ; если же кто хотѣлъ креститься, то онъ не возбранялъ ему, но ругался надъ нимъ (8).» Когда же Ольга стала говорить ему: «сынъ мой, я познала Бога и радуюся; если и ты познаешь, и ты станешь радоваться (9).» Тогда Святославъ, не склоняясь на слова ея, говорилъ: «какъ принять мнѣ одному другой законъ; надо мною будетъ смѣяться дружина (10).» Но Ольга замѣтила, что если онъ приметъ Крещеніе, то всѣ ему послѣдуютъ; однако онъ не слушалъ матери и она «все предоставила волѣ Божіей, и молилась Богу за сына своего и за народъ каждый день и каждую ночь, чтобы Богъ помиловалъ ея родъ и землю русскую (11).»

И скоро русская земля просвѣтилась ученіемъ Христовымъ.

Еще въ восемь сотъ шестидесятыхъ годахъ, по словамъ греческихъ писателей, патріархи кон-

стантинопольскіе отправляли въ Кіевъ своихъ епископовъ для распространенія христіанской вѣры ([12]). Во время Игоря было въ Кіевѣ много христіанъ. При Великой Княгинѣ Ольгѣ число ихъ увеличилось. Святославъ не препятствовалъ исповѣдывать новую религію ([13]). Но полное ея принятіе Государемъ и народомъ свершилось при Великомъ Князѣ Владимірѣ. Дѣйствуя въ характерѣ народномъ, пробудивши жизнь во всѣхъ племенахъ, непосредственно примкнувшихъ къ новому государству, окружцвши себя баянами и богатырями, Владиміръ всегда, даже во время своего язычества, былъ исполненъ живымъ религіознымъ чувствованіемъ. Когда же просіялъ надъ нимъ свѣтъ Божіей благодати, онъ всею душею предался христіанской вѣрѣ, былъ самымъ жаркимъ ея ревнителемъ и не напрасно наименованъ Равноапостольнымъ. Рожденный съ воображеніемъ живымъ, съ душею пылкой и могучей, Владиміръ предавался вполнѣ каждому чувствованію и каждой мысли: онъ не умѣлъ дѣлать вполовину и не по душевному влеченію. Бывши язычникомъ, онъ вездѣ созидалъ кумиры, не жалѣлъ для нихъ украшеній и приносилъ въ жертву людей; предавшись сладострастію, превзошелъ имъ Соломона; просвѣщенный истинами ученія Христова, предался ему съ жаркою вѣрою, и не только уничтожилъ приношеніе въ жертву людей, но повсюду истребилъ кумиры и прекратилъ смертную казнь, почитая грѣхомъ проливать кровь человѣческую. Что же заставило Владиміра отказаться отъ язы-

чества, котораго онъ былъ жаркимъ поклонникомъ, и почему онъ избралъ вѣру греческую? Объ этихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удовлетворительнаго въ нашихъ лѣтописяхъ. Повѣствуютъ, что Евреи, Болгары и Нѣмцы склоняли Владиміра къ принятію ихъ вѣры, и что онъ отказался отъ еврейской, потому что народъ, ее исповѣдующій, былъ подъ гнѣвомъ Божіимъ и расточенъ по всей землѣ; отъ магометанской потому, что она требовала обрѣзанія и неупотребленія вина, «*а Руси есть веселіе питье — не можемъ безъ того быти,*» сказалъ Владиміръ; отказался и отъ латинской вѣры, сказавши Нѣмцамъ «*идите опять: наши предки не принимали вашей вѣры* (14),» и принялъ православную греческую вѣру. На это избраніе имѣлъ очевидное вліяніе примѣръ его бабки, Великой Княгини Ольги, предъ которой самъ Святославъ смирялъ свое бурное сердце. Но ни самъ Владиміръ, ни его приближенные, рѣшаясь на принятіе новой вѣры, еще не были убѣждены въ ея истинахъ; они вѣрили въ нихъ по внутреннему чувству, а еще болѣе по примѣру другихъ: «*Если бы дуренъ былъ греческій законъ*, говорили Владиміру бояре, *то вѣрно не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей* (15).» На это избраніе вѣрно имѣли вліяніе и греческіе миссіонеры, посѣщавшіе Кіевъ впродолженіе многихъ десятковъ лѣтъ и насадившіе въ немъ первыя сѣмена христіанства. Сверхъ того, Варяги, родственные по племени съ нашими первыми князьями и завоевателями, были знакомы съ Греціею, и

многіе, то изъ убѣжденія то изъ видовъ, принимали христіанскую вѣру. На это избраніе сильно подѣйствовала и святая торжественность богослуженія, принятаго въ греческой службѣ. Бывшіе въ греческихъ церквахъ разсказывали Владиміру: «Были ли мы на небѣ, или на землѣ, не знаемъ, только на землѣ нѣтъ такого вида ни такой красоты! Не знаемъ, какъ разсказать тебѣ; знаемъ только, что тамъ Богъ пребываетъ съ человѣкомъ, и служба ихъ лучше всѣхъ другихъ ([16]).» Кромѣ этихъ причинъ, божественное ученіе Христа, близкое душѣ человѣка, исключительно близко по духу своему всѣмъ народамъ славянскаго племени; а греческое исповѣданіе, тихое и торжественное въ богослуженіи, допускавшее славить и воспѣвать Бога только *словомъ* и *голосомъ* человѣческимъ, къ чему такъ наклоненъ весь славянскій міръ, отрицало музыку, которая, сколько извѣстно, употреблялась у насъ только на игрищахъ и пирахъ. Оно не поставляло царя въ зависимость духовнаго лица, какъ это было на Западѣ и никогда не бывало въ Россіи, гдѣ царь сосредоточивалъ въ себѣ верховную власть свѣтскую и духовную: все это должно было имѣть сильное вліяніе на избраніе христіанской вѣры греческаго исповѣданія. Быть можетъ, къ сему же присоединилось особенное стараніе греческихъ императоровъ просвѣтить русскую землю новою религіею для святаго дѣла и для своихъ выгодъ; быть можетъ, участвовало желаніе Владиміра взять за себя дочь греческаго императора, и стеченіе другихъ обстоя-

тельствъ, дошедшихъ до насъ въ темномъ смыслѣ или совершенно скрытыхъ отъ исторіи. Владиміръ принялъ христіанскую вѣру; крестился въ завоеванномъ имъ Херсонѣ, въ церкви св. Василія, во имя котораго онъ былъ нареченъ; сочетался здѣсь бракомъ съ греческою царевною Анною; построилъ церковь; отдалъ городъ обратно Грекамъ и отправился въ Кіевъ съ духовенствомъ, иконами и мощами.

Наши лѣтописи умалчиваютъ о чувствахъ народа, встрѣтившаго Владиміра, уже христіанина, родственника греческому императору, окруженнаго войскомъ и духовенствомъ. Извѣстно только, что Кіевляне любили Владиміра за его жизнь народную и богатырскую, за его душу пылкую, сильную и открытую, какъ видно это изъ лѣтописей и народныхъ думъ и пѣсень ([17]); извѣстно и то, что наши князья были царями, патріархами, и потому могли имѣть сильное и рѣшительное вліяніе на волю народа. Кромѣ того, Владиміра любила дружина и онъ совѣтовался съ нею о дѣлахъ ратныхъ и объ устройствѣ своей страны ([18]), а эта дружина была составлена изъ Славянъ, а не изъ Варяговъ, которые, не видя къ нимъ особеннаго расположенія, отправились изъ Кіева въ Грецію за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ.

Первымъ дѣломъ Владиміра, по возвращеніи изъ Херсона, было ниспроверженіе идоловъ: одни изъ нихъ были разбиты, другіе сожжены, и самый Перунъ, произведеніе Владиміра-язычника, былъ низверженъ Владиміромъ-христіаниномъ. Его при-

вязали къ конскому хвосту, влекли съ Боричева Своза на ручей; двѣнадцать человѣкъ были приставлены, чтобы бить его палками ([19]). Въ этомъ дѣлѣ участвовали только приближенные и избранные Владиміра; а народъ не только не принималъ участія, но плакалъ, и когда идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ, то велѣно было отбивать его отъ берега, пока онъ не пройдетъ за русскую землю ([20]).

Лишивши народъ предметовъ поклоненія, Владиміръ объявилъ, что если наутро другаго дня не придетъ кто къ рѣкѣ, будетъ ли онъ богатъ или убогъ, нищій или работникъ, тотъ противенъ ему да будетъ. И люди, плакавши о ниспроверженіи своихъ боговъ, довѣрчиво говорили между собою: «Если бы новая вѣра была худою, то вѣрно не приняли бы ее Князь и бояре ([21]).»

Успокоенный этою мыслію, народъ собрался наутро другаго дня на берегу Днѣпра, въ ожиданіи роковаго часа. Вскорѣ предъ нимъ явился Владиміръ, только вчера ниспровергнувшій боговъ, сильный дружиною, прогремѣвшій оружіемъ и воспѣтый баянами. Теперь онъ предстоялъ, окруженный духовенствомъ въ полномъ облаченіи, и по его слову — тысячи людей, еще язычниковъ, покорно двинулись въ Днѣпръ, чтобъ принять Святое Крещеніе. «Иные вошли въ воду по шею, другіе по грудь; дѣти были около берега, младенцевъ держали на рукахъ ([22]).» Здѣсь были и старцы, помнившіе дѣтство Владимірово, мужи, дѣлившіе съ нимъ труды войны, видѣвшіе его въ пирахъ и богатырскихъ играхъ и въ моленьи предъ

истуканами, и отцы семействъ, отъ которыхъ взяты и жены и дѣвы въ княжескіе терема. Теперь тотъ же Владиміръ является преобразователемъ вѣры — и надъ всѣмъ этимъ народомъ, переходящимъ въ другую религію, въ другую жизнь, произнесены молитвы Крещенія, всѣмъ даны другія имена, и самъ Владиміръ, какъ говоритъ преданіе, «молилъ Бога, чтобы Онъ утвердилъ въ людяхъ его вѣру правую и несовратную — и далъ бы имъ узрѣть его Истиннаго Бога (23).»

Обрядъ совершился. Крещеные люди разошлись по домамъ. Вѣроятно, въ это же время, или вскорѣ послѣ того, всѣ крестившіеся, для отличія отъ язычниковъ, стали открыто носить на шеѣ или на груди кресты, какъ и теперь носитъ у Малороссіянъ женскій полъ, даже иногда по два и по три, вмѣстѣ съ другими украшеніями.

Бояре и дѣти Владиміра также крестились; но наши лѣтописи не опредѣляютъ точнаго времени ихъ крещенія. Въ Синопсисѣ кіевскомъ сказано, что въ то же время самъ Михаилъ митрополитъ всѣхъ двѣнадцать сыновъ Владиміровыхъ окрестилъ наединѣ въ источникѣ, который съ того времени называется Крещатикомъ (24).» Дѣйствительно, доселѣ есть въ Кіевѣ узкая и глубокая долина, идущая отъ Золотоверхаго Михайловскаго Монастыря къ Днѣпру, въ которой источникъ называется Крещатикомъ. Въ ознаменованіе великаго событія, сооруженъ на семъ мѣстѣ, кіевскими гражданами, памятникъ, въ 1805 году. Основаніе его составляетъ четырехугольное зданіе съ

тремя сквозными входами, однимъ четвероугольнымъ и двумя полусводами. На этомъ зданіи поставлена колонна, опоясанная снизу тремя вѣнцами и осѣненная крестомъ. Самая колонна и все зданіе обнесены деревянною рѣшеткою; въ срединѣ зданія устроенъ деревянный бассейнъ, въ который сливается вода изъ двухъ трубокъ, придѣланныхъ къ жестяной вазѣ, или урнѣ, также осѣненной крестомъ. Вода въ источникѣ чиста, вкусна и по народному повѣрью, слыветъ цѣлебною въ глазныхъ болѣзняхъ: о чудотворномъ ея дѣйствіи разсказываютъ много примѣровъ. Кругомъ памятника ростутъ по взгорью огромныя вербы, кой-гдѣ видны хаты и далѣе ихъ — лоно Днѣпра, этого Іордана русской земли. Еще далѣе виднѣются пески, лѣса, синѣющая даль и синева неба. Прекрасенъ видъ Крещатика при восходѣ солнца, когда блеснутъ первые его лучи, озарится востокъ, освѣтится поверхность Днѣпра и тѣсная долина, на которой устроенъ памятникъ: это картина восхожденія христіанства въ русской землѣ, среди мрака язычества.

Источникъ крещатикской почитается мѣстомъ крещенія двѣнадцати сыновъ Владиміровыхъ, которое совершилось, вѣроятно, до крещенія народа, потому что Владиміръ, подавши примѣръ собою, конечно не пропустилъ подать примѣръ своими дѣтьми, боярами и дружиною.

Сбылись слова, сказанныя мудрою Ольгою сыну ея, Святославу: «Крестись ты, а народъ послѣдуетъ за тобою ([25]).» Съ этого времени хри-

стіанская религія постоянно утверждалась и разливалась въ Русскомъ Царствѣ.

Но люди, крестившіеся по одной волѣ Владиміра, а не по твердому убѣжденію въ истинахъ религіи, не по одной благодати Божіей, озарившей ихъ душу, не могли внезапно сдѣлаться христіанами и забыть вѣрованіе языческое, проникавшее всю ихъ жизнь, весь ихъ бытъ. Требовались постоянныя усилія для утвержденія ихъ въ правилахъ новой вѣры.

Святый и Великій Владиміръ сейчасъ послѣ крещенія началъ созидать храмы, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы и гдѣ свершались религіозныя событія. Такъ церковь св. Василія сооружена тамъ, гдѣ находился идолъ Перуна; церковь Пресвятой Богородицы воздвигнута на мѣстѣ гибели двухъ варяжскихъ христіанъ, убитыхъ язычниками. Тѣ же дѣйствія повторились въ Новгородѣ, гдѣ низверженный Перунъ былъ брошенъ въ Волховъ; тѣ же мѣры принимали по городамъ и селеніямъ, — вездѣ: «*нача ставити по городамъ церкви* и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ (26).» А въ новыхъ городахъ, построенныхъ Владиміромъ для огражденія страны по Деснѣ, Сулѣ, по Стугнѣ и Трубежу, назначались имъ начальники, которыхъ онъ избиралъ изъ ревностныхъ христіанъ. Самая наружность главныхъ храмовъ — торжественная, роскошная и драгоцѣнная, по тогдашнему вѣку, поселяла въ душѣ невольное благоговѣніе. Князья не жалѣли сокровищъ для украшенія Божіихъ храмовъ и вызывали

изъ Грецiи строителей, живописцевъ и мозаиковъ. Сохранившiяся отъ временъ Владимiра и Ярослава, въ кiевскомъ Софiйскомъ Соборѣ и при развалинахъ Десятинной Церкви, мозаическiя изображенiя святыхъ, стѣны, украшенныя золотомъ и мозаикою, и мраморныя плиты, колонны и гробницы, показываютъ, какъ былъ силенъ и торжественъ переходъ отъ языческаго поклоненiя къ христiанскому богослуженiю. Одно явленiе живописи, неизвѣстной нашимъ язычникамъ, должно было поражать новыхъ христiанъ своею новостiю и необыкновенностью: и теперь лики святыхъ, оставшiеся отъ тѣхъ временъ, кажется, выступаютъ отъ своихъ мѣстъ; цвѣтъ тѣла и очей и самаго платья живъ; формы совершеннѣйшiя, въ сравненiи съ грубыми изображенiями кумировъ. Все это невольно преклоняло предъ новою религiею ея новыхъ исповѣдывателей. И теперь, взирая на ликъ святаго, не только простолюдину, но и образованному человѣку кажется, что онъ смотритъ на него всею силою своего выраженiя и производитъ въ душѣ неиспытанное до того времени дѣйствiе. Пѣнiе, какъ уже замѣтно, столь близкое славянскимъ народамъ, было принято и при христiанскомъ богослуженiи со всѣмъ искусствомъ того времени. Освѣщенiе церквей свѣчами, и какая-то таинственность, разливаемая въ это время во всемъ храмѣ, какая-то неопредѣленность живописныхъ изображенiй: все это доступно для души каждаго, и вѣрно производило сильнѣйшее влiянiе на новыхъ христiанъ.

Желая утвердить и освятить въ ихъ сердцѣ начало вѣры, Владиміръ заводилъ училища, велѣлъ брать въ нихъ дѣтей извѣстныхъ бояръ и обучать грамотѣ, чтобы не скрыто было предъ каждымъ Слово Господне. Учреждалъ на княжескомъ дворѣ пиры и обѣды для всѣхъ граждан кіевскихъ: и нищій и убогій могъ приходить во дворъ княжескій и пользовался пищей и питьемъ; а для калекъ и немощныхъ возили по городу хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ, чтобъ и они не были лишены дара княжескаго, и чтобы, какъ говоритъ лѣтописецъ, исполнились слова Евангелія: «Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ;» и «не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ; но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля не тлитъ ни татіе крадутъ.» Такъ было каждое воскресенье, и, видѣвши это, христіане радовалися душею и тѣломъ.

Духовенство поддерживая новое чувство, сдѣлалось совѣтомъ Государя въ дѣлахъ затруднительныхъ и судьею народа въ дѣлахъ духовныхъ; а отшельники, ведя уединенную жизнь, посвящая себя трудамъ и молитвѣ, полагали начало построенію многихъ монастырей, и своею благоговѣйною жизнію пріобрѣли уваженіе, стали совѣтниками Великихъ Князей и безтрепетными обличителями ихъ слабостей.

Съ этого времени явился въ Русскомъ Царствѣ новый духовный міръ, проникавшій собою всѣ движенія жизни: обычаи, законы и отношенія къ дру-

гимъ народамъ. Браки стали священнымъ обрядомъ, соединявшимъ мужчину съ женщиною предъ лицемъ самого Бога. Дѣти, освященные такимъ образомъ, дѣлались законными. нравственными произведеніями общества, и очищенные Крещеніемъ, усвоивались Церковью: одно это должно было возвысить женщину въ понятіяхъ мужчины. Князья и бояре, увлекаемые доселѣ почти исключительно внѣшнею жизнію, гордые, близкіе съ одной дружиною, рѣшаются бесѣдовать съ простымъ монахомъ, съ отшельникомъ изъ простолюдиновъ, и рѣшаясь на важное дѣло, испрашиваютъ у него благословенія, не такъ какъ у гадателя или человѣка, окруженнаго таинственностію жреца, но какъ у человѣка, приближеннаго къ Богу чистотою жизни. Не забыты и нищіе міра сего: каждый можетъ обѣдать на княжескомъ дворѣ, каждому немощному доставляется, заботливостію Князя, пища и питіе. Возникаютъ грамота и живопись — два явленія, преобразовавшія устройство и ускорившія ходъ человѣчества. Развиваются понятія, смягчаются нравы. Народныя игры переходятъ изъ буйства и какого-то бурнаго забытія въ увеселеніе. Надобно только вспомнить слова митрополита Кирилла о жителяхъ владимірской и окрестныхъ губерній въ XIII вѣкѣ, чтобъ составить понятіе о языческихъ игрищахъ. Здѣсь «въ праздничные дни, пишетъ онъ, дѣлаютъ бѣсовскія игры и со свистомъ и кличемъ и воплемъ, сзываютъ скаредныхъ пьяницъ и бьются дреколіемъ до самой смерти, и снимаютъ съ убитыхъ

одежду на укоризну Божіимъ праздникамъ и на оскорбленіе Божіимъ церквамъ ([27]).» Еще недавно, почти съ такимъ же буйствомъ и безчестіемъ свершался праздникъ *Ярило*, уничтоженный епископомъ Тихономъ воронежскимъ. «Я увидѣлъ (1765 мая 25), писалъ пастырь въ увѣщаніи къ народу, что множество мужей и женъ, старыхъ, младыхъ и малыхъ, изъ всего города (Воронежа) на то мѣсто собрались. Между симъ множествомъ народа я увидѣлъ иныхъ почти безчувственно пьяныхъ, между иными ссоры, между иными драки; иныхъ раненыхъ, иныхъ окровавленныхъ, примѣтилъ плясаніе женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями ([28]).» Для этого праздника избирали человѣка, котораго обвязывали лентами, колокольчиками и убирали цвѣтами; на голову надѣвали бумажный, крашеный колпакъ, съ лентами, лице намазывали румянами, въ руки давали позвонки. Такимъ образомъ, ходилъ онъ пляшучи по площади, провожаемый народомъ и назывался *Яриломъ*. Повсюду были видны пляски, пьянство, кулачные бои и часто происходили смертоубійства. И всю эту суровость нравовъ, общую всей Россіи, во времена язычества, могла смягчить благость христіанскаго ученія, призывающаго человѣка къ внутренней, духовной жизни, вливающаго въ него благодать любви и смиренія, и освятившаго всѣ его отношенія къ міру и людямъ. Самое погребеніе — этотъ торжественный обычай почти у всего рода человѣческаго, совершенно преобразовался съ принятіемъ христіанства: надъ прахомъ князей

перестали насыпать высокіе курганы и свершать тризны или игрища; простолюдины или собственно Славяне, не стали сожигать мертвыхъ тѣлъ и разставлять по дорогамъ ихъ пепелъ; но предавали земное землѣ, не оставляя его на воспоминаніе и молились только о спасеніи души. Сами князья просили погребать ихъ въ церквахъ или даже подлѣ церквей: а сестра Великаго Князя Ярополка завѣщала положить ея тѣло близъ гроба Ѳеодосія, простаго монаха Печерской Обители.

Но эта побѣда надъ міромъ языческимъ не могла быть внезапною, невзирая на то, что и въ немъ есть религіозное начало и замѣтное стремленіе души къ Создателю. Была потребна благость Божія и всѣ усилія людей избранныхъ, чтобы святыя истины христіанскаго ученія разлились по всему пространству Русскаго Царства.

Какихъ усилій и пожертвованій требовалось отъ первыхъ учителей религіи, когда она не укоренилась въ душахъ принявшихъ ее людей, и когда они были отвсюду окружены язычниками упорными и едва подвластными нашимъ князьямъ.

Среди такихъ обстоятельствъ и среди всѣхъ бѣдствій, посѣщавшихъ южную Россію, какъ неугасаемый свѣтильникъ горитъ усердіемъ и святостію Печерская Обитель.

Она принадлежитъ къ древнѣйшимъ монастырямъ нашимъ.

Еще до крещенія народа Великимъ Владиміромъ, была, на югъ отъ древняго Кіева, по той же горѣ, между Днѣпромъ и Берестовскимъ те-

ремомъ *ископана пещера.* Она называлась *варяжскою* и вѣроятно служила убѣжищемъ христіанскихъ отшельниковъ, тѣмъ болѣе, что первыми христіанами въ Кіевѣ были Варяги. Если это объясненіе справедливо, то Кіевопечерская Обитель превзойдетъ древностію всѣ наши монастыри, не исключая Авраміева ростовскаго, Перынь новгородскаго, злотоверхо-михайловскаго, кіевомежигорскаго и Іоанна-переяславльскаго, почитаемыхъ до сихъ поръ древнѣйшими.

Въ этой Варяжской пещерѣ жилъ, вскорѣ по принятіи христіанской вѣры, преподобный Антоній, родомъ Малороссіянинъ, уроженецъ города Любеча, что нынѣ мѣстечко черниговской губерніи. Онъ сперва посѣтилъ Грецію, былъ постриженъ въ монашество игуменомъ одного изъ монастырей Аѳонской Горы и благословленъ: «*итти обратно въ Россію и быть въ ней на успѣхъ и утвержденіе другихъ* (29). Пришедши въ Россію, еще при Великомъ Князѣ Владимірѣ (1013), онъ искалъ пристанища въ разныхъ монастыряхъ и не возлюбилъ ни единаго изъ нихъ; но нашедши варяжскую пещеру, сотворивъ молитву, поселился и пребывалъ въ ней въ великомъ воздержаніи (30).

Вскорѣ, встревоженный братоубійствомъ Святополка, Антоній снова удалился на Аѳонскую Гору и снова былъ тамъ благословленъ и отпущенъ съ миромъ въ Россію. Достигнувши, при Великомъ Князѣ Ярославѣ, Кіева, онъ нашелъ на мѣстѣ нынѣшней Обители другую пещеру, ископанную Иларіономъ, бывшимъ послѣ сего митро-

политомъ кіевскимъ. Эта пещера была величиною въ двѣ сажени: въ ней то поселился святой отшельникъ (1017 — 1051), и съ этого времени начинается основаніе собственно Печерской Обители. Но въ первые дни ея жизни она была едва не уничтожена по гнѣву Великаго Князя Изяслава. Когда извѣстный іерей Никонъ, постригавшій прибывшую братію, постригъ юношу Варлаама, сына одного изъ Изяславовыхъ бояръ, и Изяславова евнуха Ефрема, то бояринъ разогналъ всѣхъ иноковъ, а Великій Князь грозился послать въ заточеніе самаго Антонія и раскопать его пещеру. Но гнѣвъ скоро былъ утишенъ супругою Князя: инокамъ было позволено возвратиться на свое мѣсто, а бояринъ самъ отпустилъ къ нимъ своего сына. Это имѣло благое вліяніе на другихъ: скоро послѣ сего умножилось число братіи, пещеры были увеличены и въ нихъ устроены церковь и келіи. Здѣсь то подъ землею воздвигнулся храмъ Божій и въ него стекались люди, отрекшіеся искренно отъ всѣхъ благъ міра, часто не вполнѣ цѣнившаго ихъ самоотверженіе ([31]).

Любя уединеніе, Антоній ископалъ себѣ новую пещеру, выше по горѣ къ западу, на 110 саженей отъ первой, и назначилъ вмѣсто себя игуменомъ Варлаама. Но и здѣсь стеклось къ нему много братіи, а въ первомъ пещерномъ монастырѣ число ея возрасло до двѣнадцати человѣкъ. Они не могли вмѣщаться въ подземной церкви и вмѣстѣ съ игуменомъ Варлаамомъ испросили у Антонія благословенія выстроить открытую церковь надъ пе-

щерами во имя Успенія Божіей Матери. Когда же и она сдѣлалась тѣсна, то св. Антоній, по ходатайству игумена Өеодосія, испросилъ у Великаго Князя Изяслава гору, которую занималъ тогда монастырь. На этой горѣ, по словамъ Нестора, соорудили церковь большую деревянную, украсили ее иконами, монастырь оградили столбами и устроили много келій. Съ этого времени новый или внѣшній монастырь получилъ названіе *Печерскаго*. Въ немъ было еще при жизни Антонія сто человѣкъ братіи (32).

«Много монастырей, пишетъ Несторъ, сооружены волею и богатствомъ Князей и бояръ; но не таковы какъ поставленныя слезами, молитвою, пощеніемъ и неусыпностію: у Антонія не было ни золота ни серебра; но все успѣлъ сдѣлать слезами и пощеніемъ.» Невольно изумляешься, какой новый духовный міръ, призывавшій человѣка ко внутренней жизни, явился среди Русскаго Царства, среди язычества; не доумѣваешь, какъ исчислить всѣ благія дѣйствія и всю силу вліянія людей, принадлежавшихъ къ святой Обители. «Воистину, продолжаетъ преподобный Несторъ, чудно видѣть, братіе, что Господь соединилъ въ Печерскомъ святомъ Монастырѣ, въ обители Матери Своей, такихъ черноризцевъ, которые, какъ свѣтила небесныя сіяютъ добродѣтелями въ русской землѣ: одни неусыпно бодрствуютъ, иные пребываютъ колѣнопреклоненны, иные не вкушаютъ пищи по дню и по два; другіе ѣдятъ одинъ хлѣбъ съ водою, или коренья вареные и даже сырые —

и всѣ пребываютъ въ любви. Меньшіе покоряются старшимъ и только съ великою покорностію и послушаніемъ разговариваютъ съ ними; а старшіе имѣютъ любовь къ меньшимъ, наказуютъ ихъ утѣшая, какъ возлюбленныхъ дѣтей . . . . и если братъ отходитъ отъ монастыря, то вся братія жалѣютъ его, посылаютъ за нимъ и призываютъ его въ монастырь. . . . Такова была божественная любовь, таково смиреніе и воздержаніе въ той святой братіи, сіяющихъ и по смерти разными чудесами, какъ неугасаемыя свѣтила, и умоляющихъ Бога о братіи, здѣсь пребывающей, и о всѣхъ людяхъ, трудящихся въ Обители Божіей Матери (33).»

Епископъ владимірскій и суздальскій Симонъ, удостоившійся въ Печерской Обители монашества, изображая ея скудость, писалъ (1215 — 1226) къ Поликарпу, иноку печерскому: «Я, грѣшный Симонъ, епископъ святой соборной владимірской и суздальской церкви, сколько у меня городовъ и селъ и со всей этой земли я получаю десятину; но, видитъ Богъ, истину говорю тебѣ, что всю эту славу и честь я вмѣнилъ бы въ прахъ и работалъ бы въ послушаніи игумена святой Печерской Лавры . . . . и готовъ быть соромъ, попираемымъ ногами въ святомъ Печерскомъ Монастырѣ, или однимъ изъ бѣдныхъ, лежащихъ предъ вратами честной Печерской Обители (34)!» «Ни одна обитель, писалъ знаменитый нашъ митрополитъ Евгеній, архимандритъ Печерской Обители, ни одна обитель не включала въ нѣдрѣ своемъ

столько избранниковъ Божіихъ изъ всѣхъ состояній, начиная отъ простаго народа до бояръ и князей; ни одна не показала свѣту столько святыхъ мужей, не произвела столько свѣтильниковъ Церкви, пастырей, учителей, наставниковъ благочестиваго и добраго житія, ревностныхъ защитниковъ православія и невинно-гонимыхъ, попечителей о сирыхъ, больныхъ и странныхъ (35).» Какъ много людей святыхъ и великихъ дала Печерская Обитель намъ и человѣчеству, и какъ, при чистотѣ жизни ея иноковъ, должно быть велико ея вліяніе словомъ, дѣлами и письменами на Великихъ и удѣльныхъ Князей, на бояръ, на все остальное духовенство, на цѣлый народъ.

Мы уже видѣли, какимъ ревностнымъ христіаниномъ былъ св. Владиміръ и какъ сильно дѣйствовали на него мнѣніе и совѣты духовенства.

Великій Князь Ярославъ также любилъ церковные уставы, бесѣдовалъ съ священниками и черноризцами, проводилъ дни и ночи въ чтеніи книгъ, собиралъ писцовъ, переводилъ книги съ Греческаго на Славянскій, сооружалъ и украшалъ Божіи храмы. Сынъ его, Изяславъ, былъ также преданъ христіанской вѣрѣ, и, вступивши на престолъ отца своего, пришелъ съ дружиною къ Антонію просить у него благословенія (36). И послѣ сего онъ любилъ бесѣдовать съ св. инокомъ и не рѣшался на важное дѣло безъ его благословенія. Идя войною на Половцевъ Князья Изяславъ кіевскій, Святославъ черниговскій и Всеволодъ переяславльскій, всѣ испрашивали благословенія у Антонія (37).

Другимъ свѣтиломъ Печерской Обители былъ св. Ѳеодосій, уроженецъ кіевской губерніи города Василькова, удивлявшій современниковъ святостію жизни и превзошедшій всю братію *постомъ*, *бодростію, смиреніемъ и послушаніемъ*. Бѣдные находили въ немъ утѣшителя и помощника; для нихъ онъ устроилъ особенный дворъ съ церковію св. мученика Стефана; удѣлялъ имъ десятую часть отъ монастырскаго имѣнія и, сверхъ того, каждую субботу посылалъ возъ хлѣбовъ заключеннымъ въ темницахъ (38). Бывши игуменомъ, онъ принялъ уставъ греческаго Студійскаго Монастыря, переданный ему инокомъ сего монастыря Михаиломъ, и этотъ уставъ, сдѣлавшись общимъ для всѣхъ монастырей русскихъ, имѣлъ обширное вліяніе на все наше духовенство. Еще при жизни его многіе признавали его святость, и народъ приходилъ исповѣдывать грѣхи свои, а иные отдавали монастырю имѣнія и деревни (39). Самъ Великій Князь Изяславъ смирялся предъ кротостію Ѳеодосія, наслаждался его сладкорѣчивыми наставительными бесѣдами и *возвращался въ домъ свой славя Бога*. Когда же Святославъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ, изгнавши брата своего Изяслава изъ Кіева, занялъ великокняжескій престолъ и просилъ Ѳеодосія къ себѣ на обѣдъ, то святой инокъ отказался отъ приглашенія и смѣло отвѣчалъ: «не предстоитъ мнѣ вкушать брашна, исполненнаго крови и убійства (40).» И послѣ возставалъ противу несправедливости и обличалъ Святослава, что онъ поступилъ неправедно и не по закону сѣлъ

на престолъ, но изгнавъ старшаго брата, который замѣнялъ ему отца. Сначала это раздражало Князя, и онъ, получивши обвинительное посланіе, гдѣ были представлены многіе примѣры братней ненависти, бросилъ его на землю и грозился Ѳеодосію послать его въ заточеніе; но вскорѣ оставилъ свой гнѣвъ и даже не рѣшался безъ позволенія инока войти въ монастырь. Однажды Ѳеодосій пришедъ къ Святославу, засталъ его окруженнаго музыкою и веселіемъ, сѣлъ подлѣ Князя, поникъ главою и сказалъ ему: «такъ ли будетъ въ грядущемъ вѣкѣ.» Отъ этихъ словъ Князь залился слезами и запретилъ съ того времени играть въ присутствіи святаго мужа. Когда въ другой разъ Ѳеодосій засталъ Князя среди веселія, то Святославъ сказалъ ему: «Истинно говорю тебѣ: если бы сказали мнѣ, что мой отецъ воскресъ изъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему, какъ радуюсь твоему приходу; и не устрашился бы такъ его, какъ боюсь святости твоей жизни (41).» Часто Великій Князь встрѣчалъ его у дверей своего дома. Другіе Князья не менѣе уважали святость жизни иноковъ. Князь Ростиславъ приглашалъ къ своей трапезѣ, каждую субботу Великаго поста, двѣнадцать печерскихъ старцевъ и архимандрита, и желая самъ быть инокомъ Печерскаго Монастыря, говорилъ: «Княженіе міра сего не можетъ быть безъ грѣха; оно уже отравило и изможділо меня своими вседневными заботами (42).» Святополкъ II былъ другомъ Прохора инока печерскаго, обѣщался ему не дѣлать нико-

му насилія, взаимно съ нимъ дали слово положить своими руками въ гробъ того, кто изъ нихъ умретъ прежде; и когда пробилъ послѣдній часъ Прохора, то Князь, бывши въ походѣ противу Половцевъ, оставилъ войну и войско, и прибылъ въ Кіевъ, чтобъ исполнить слово, данное простому иноку (43). Князь Глѣбъ Святославичъ былъ испрошенъ у его отца на престолъ тмутараканскій — игуменомъ Никономъ (44). Митрополитъ Кириллъ, постриженецъ печерскій, въ тяжелое время зависимости нашей отъ Татаръ, говорилъ открыто на владимірскомъ соборѣ: «не томимы ли мы на всякій день отъ *безбожныхъ* и *нечестивыхъ поганыхъ?* Все это за то, что не хранимъ святыхъ правилъ,» — и всѣми силами поддерживалъ вѣру Христову. Духовникъ Михаила *черниговскаго* Іоаннъ заклиналъ Князя не исполнять языческихъ обычаевъ предъ лицемъ самаго Батыя, и Князь, преданный вѣрѣ, погибъ за нее среди мученій. Такъ было сильно вліяніе печерскихъ иноковъ на нашихъ Князей и непосредственно на весь народъ! Кромѣ того, имъ обязаны мы прямымъ распространеніемъ христіанской вѣры въ языческихъ странахъ Россіи. Современникъ и другъ Θеодосія, Никонъ, распространялъ христіанство въ *Тмутараканѣ*, привелъ многихъ къ иноческому житію и устроилъ монастырь на подобіе печерскаго (45). Инокъ Исаія, сдѣлавшись епископомъ ростовскимъ, прибылъ *въ Ростовъ* и содрогся сердцемъ, какъ сказано въ жизни его, увидѣвши свое свирѣпствующее стадо, людей новокрещенныхъ и не утвержденныхъ въ вѣрѣ.

Первымъ его дѣломъ здѣсь, въ окрестныхъ городахъ и *во всей той странѣ*, было ниспроверженіе идоловъ, разрушеніе капищъ, проповѣданіе святой вѣры и приведеніе къ ней чудесами и знаменьми ([46]). Святой инокъ Кукша, первый внесъ слово Христово въ страну Вятичей, или нынѣшнія губерніи курскую и орловскую, гдѣ во время Нестора люди жили въ лѣсахъ, ѣли все нечистое, не стыдились срамословія предъ своими родителями и близкими, не знали браковъ, сожигали трупы умершихъ и творили по нихъ тризны. Такими въ его время были и другіе Славяне, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ уже многіе сіяли христіанскими добродѣтелями ([47]). Къ нимъ-то рѣшился идти инокъ Кукша; хотѣлъ передать имъ вѣру Христову, и мученически погибъ среди нихъ. Смерть его прозрѣлъ духовный братъ Пименъ, прозванный Постникомъ, и въ день его кончины сказалъ всей братіи, посреди церкви: «Сегодня на разсвѣтѣ убитъ братъ нашъ Кукша ([48]).» Такъ погибъ святой мученикъ, и немногое дошло до насъ изъ его жизни. Тамъ ненужно много словъ, гдѣ дѣла свидѣтельствуютъ ясно ([49]), сказано въ его жизни. *Такимъ образомъ,* большая часть Россіи обращена въ христіанство иноками Печерской Обители. И все это свершалось незадолго до нашествія Татаръ: когда же было вполнѣ распространено христіанское ученіе на сѣверѣ Россіи и многими ли вѣками позже, нежели въ южной части, не извѣстно. Но принявши въ соображеніе все сказанное, зная усилія Стефана пермскаго передать сло-

во Христово Зырянамъ, испытавши затрудненіе посѣять его среди сибирскихъ язычниковъ, предвидя, какъ много потребно вѣковъ для утвержденія ихъ въ истинахъ вѣры, вникая въ историческую жизнь и бытъ народа и духовенства тѣхъ странъ Россіи, гдѣ проповѣдывали святое ученіе иноки Кукша и Исаія, становится очевиднымъ, что истины христіанской вѣры были здѣсь усвоены гораздо позже, нежели на югѣ нашего отечества, и, кажется, можно сказать съ полною увѣренностію, что въ первое время покоренія Россіи Татарами, многіе изъ ея жителей были язычниками: еще не всѣ капища были разрушены, не всѣ идолы ниспровергнуты, и христіанство хранилось только духовенствомъ, Князьями, вѣроятно дружиною и высшимъ классомъ по городамъ и нѣкоторымъ селеніямъ. Язычники Татары нашли у насъ, говоря о Россіи вообще, еще много языческаго; только Кіевъ и нѣсколько городовъ были свѣтомъ среди тьмы; нѣкоторые Князья, высшее духовенство и печерскіе иноки были свѣтильниками среди большей части невѣрующаго народа. Митрополитъ Кириллъ, постриженецъ Печерской Обители, воздвигшій храмъ на сѣверѣ, куда перенесена была столица, и водворявшій тамъ вѣру Христову, уже въ вѣкъ татарскаго нашествія, описываетъ грубость тогдашнихъ нравовъ своей паствы и прибавляетъ, что здѣсь «упиваются безъ мѣры въ святые пречистые постные дни.... и не бываетъ божественнаго крещенія до Всѣхъ Святыхъ (50).» Въ позднѣйшее время, въ Суздалѣ и Нов-

городѣ являлось язычество съ религіозною силою. Даже въ XV вѣкѣ митрополитъ Фотій возставалъ противу остатковъ язычества. Литва приняла христіанство гораздо позже нашествія Татаръ, и только со времени ихъ набѣговъ и опустошеній замѣтно является у насъ живая мысль, что Богъ посѣщаетъ людей наказаніями за ихъ безвѣріе и нечистую жизнь, мысль, поддержавшая и вѣроятно распространившая христіанство. Правда, это лишаетъ насъ той блаженной старины, въ которой безспорно было много прекраснаго и великаго, но о которой мы часто мечтаемъ, какъ о золотомъ вѣкѣ, представляемъ ее каждый по своему воображенію и многіе готовы вытѣснить ею все настоящее. Напрасно жалѣютъ объ утратѣ нашей семейной жизни, силѣ и свободѣ народнаго характера, будто бы подавленнаго Татарами: въ то же время многіе, нешутя, признаютъ, что характеръ народный становится сильнѣе и возвышеннѣе среди искушеній и бѣдствій. Съ перваго появленія Татаръ, мы не вступали и не могли вступить съ ними въ борьбу, какъ съ народомъ кочевымъ: у насъ были битвы но не было народной войны, и не съ кѣмъ было вести ее, потому что Татары грабили, но не завоевывали землю, не думали жить въ ней и владѣть ею; всегда были вѣрны своей кочевой жизни и войнѣ, и постоянно кочевали по пустынямъ приволжскимъ и степямъ между Днѣпромъ и Дономъ. Они облагали Князей нашихъ данью, грабили и опустошали, временемъ, наши города и селенія;

намъ бывало тяжело и страшно отъ нихъ, но они не вмѣшивались, сколько извѣстно, въ нашъ домашній бытъ, не возставали противъ народныхъ обычаевъ, и наши Князья всегда оставались полными нашими властителями. Въ этомъ отношеніи еще многое предстоитъ для изслѣдованія историковъ; еще многому надобно учиться, чтобы понять всю важность нашего великаго, еще юнаго отечества: общія мнѣнія и приложенія для насъ, по-меньшей-мѣрѣ, безполезны.

Но обратимся къ Обители. Изъ всего, что мы сказали, видно, какъ иноки печерскіе первые разливали духовную религіозную жизнь въ Россіи и особенно на сѣверѣ ея, въ то время когда Великіе Князья переносили туда жизнь гражданскую.

Одни имена людей, данныхъ Россіи Печерскою Обителью, вливаютъ къ ней невольное благоговѣніе. Не будемъ повторять заслугъ и жизни первыхъ ея строителей Антонія и Ѳеодосія; кромѣ ихъ, она дала намъ Нестора, описавшаго начальные дни жизни нашего отечества, сохранившаго преданія отдаленныхъ временъ и пережившаго славу великихъ. Произведенія Св. Димитрія ростовскаго, знакомыя людямъ просвѣщеннымъ и по языку и по чистотѣ мыслей, стали предметомъ всеобщаго чтенія — книгою народною и повсемѣстною. Одни имена Никифора Гура, возставшаго со всею твердостію души и преданностію къ православной вѣрѣ противу страшной силы и всѣхъ ухищреній уніатовъ; Лазаря Барановича, котораго Св. Димитрій ростовскій называлъ великимъ стол-

бомъ церковнымъ; Петра Могилы, возстановлявшаго все разрушенное Татарами и низвергнутое уніатами; Стефана Яворскаго, дѣятельнаго ученаго и сильно противодѣйствовавшаго распространенію расколовъ; Георгія Конисскаго, пылкаго защитника правъ отечественныхъ и православной вѣры, и Ѳеофана Прокоповича, краснорѣчиваго проповѣдника и соучастника въ дѣлахъ Великаго Петра; одни эти люди, вспоенные духовною жизнію Печерской Обители, вливаютъ невольное къ ней благоговѣніе. Кромѣ того, нѣсколько сотъ лицъ, возрожденныхъ жизнію въ Печерской Обители, воспитанныхъ ею и принадлежавшихъ къ ней по занимаемымъ должностямъ, извѣстны своими произведеніями, то чисто историческими, то религіозными, и дѣйствовали какъ учители вѣры и сѣятели просвѣщенія на всемъ пространствѣ Россіи.

Подъ однимъ непосредственнымъ начальствомъ Печерской Обители находилось много монастырей въ губерніяхъ кіевской, черниговской, орловской, въ бѣлгородской епархіи и другихъ мѣстахъ. Правда, они отходили въ смутныя времена отъ ея непосредственнаго вѣдомства, но впослѣдствіи снова къ ней присоединялись, и только при Государынѣ Екатеринѣ II (1786) отчислены къ мѣстнымъ епархіямъ, учрежденнымъ въ каждой губерніи. Непосредственное вліяніе Печерской Обители на всѣ эти монастыри, конечно, было велико. Въ церковныхъ правилахъ, составленныхъ въ XII вѣкѣ митрополитомъ Іоанномъ, принадлежавшимъ

по всей вѣроятности Печерской Обители, мы видимъ, съ какою силою онъ стремился утверждать правила христіанства въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, среди котораго, вѣроятно, болѣе въ смутныя времена, ксожалѣнію, многіе увлекались соблазнами міра: учреждали пиры въ монастыряхъ, сзывали на нихъ женщинъ и старались превзойти одинъ другаго въ удовольствіяхъ и невоздержаніи, и противу такой жизни возставало съ отлученіемъ и проклятіемъ высшее духовенство — и среди его преимущественно дѣйствовали люди, бывшіе печерскими иноками. Признавая заслуги Обители, Великіе Князья и знаменитыя особы давали ей многіе преимущества и обогащали вкладами. Андрей Георгіевичъ Боголюбскій далъ ей право архимандріи и титло Лавры и Ставропигіи или независимости отъ митрополита. Но это право, нарушенное въ 1168 году митрополитомъ Константиномъ II, и колеблемое удѣльными междоусобіями и бѣдствіями отъ Татаръ или Поляковъ, было возстановлено только патріархомъ Іеремією и утверждено патріархомъ Константинопольскимъ. То же подтверждали послѣдующіе патріархи и царскія грамоты Петра Великаго (мая 31, 16 октября 1720), въ которыхъ Лавра наименована *Царскою* Патріаршею Ставропигіею. Но въ 1786 году апрѣля 10, главнымъ архимандритомъ назначено быть Кіевскому митрополиту. Отличительная служба и пѣніе донынѣ сохранились въ Печерской Обители ([31]).

Еще во время Өеодосія упоминается о селеніяхъ

которыми владѣла Печерская Обитель. Князь Ярополкъ Изяславичъ, дочь его Княжна Анастасія, Князь Андрей Боголюбскій и другіе Князья русскіе надѣляли Печерскую Обитель городами, селами, дачами. Князь литовскій Витовтъ повелѣлъ отпускать для обители ежегодно изъ своихъ владѣній сто кадей меду. Въ новѣйшія времена, по соединеніи Малороссіи съ Россіею, Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ даръ Лаврѣ бархатныя ризы, вышитыя жемчугомъ; Царица Мареа Матвѣевна, Евангеліе въ серебряномъ окладѣ; Петръ Великій два Евангелія въ серебряномъ окладѣ; сверхъ того, далъ ей 15 тысячъ рублей на вспоможеніе послѣ пожара и защитилъ земляною крѣпостію; Императрицы: Екатерина I, Анна Іоанновна, Елисавета Петровна и Екатерина Алексѣевна вложили богатые ризы, сосуды и украшенія; Государь Павелъ Петровичъ пожертвовалъ икону Спасителя на кипарисной доскѣ, въ дорогой рамѣ; Императрица Елисавета Алексѣевна прислала богатыя полныя облаченія, покровы и сосуды; Государь Александръ Павловичъ вложилъ на пещеры 200 червонцевъ и повелѣлъ возобновить крѣпость; Государь Императоръ Николай Павловичъ, бывши еще Великимъ Княземъ, принесъ Лаврѣ денежный вкладъ, а въ 1827 году, прислалъ на гробницу Великаго Князя Владиміра глазетовой съ орлами и горностаями покровъ; въ 1830 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ съ Императрицею Александрою Ѳеодоровною прислали въ даръ Лаврѣ великолѣпную дарохранительницу. Бояре и

знаменитые люди обогащали ее, какъ имѣніями, такъ и вкладами: гетманы Самойловичъ, Мазепа, Скоропадскій, Полуботко, Апостолъ-Разумовскій, князья Голицыны, Гагарины, Менщиковы, графы Воронцовы, Румянцовы и другія знатныя особы и простолюдины не жалѣли сокровищъ для Печерской Обители. Но Обитель не вполнѣ пользовалась щедростію подателей: междоусобія, хищенія Татаръ, угнетенія уніятовъ и страшные пожары часто лишали ее почти всего достоянія и разрушали самые храмы Господни. Въ 1786 году, при отдачѣ монастырскихъ крестьянъ въ казенное вѣдомство, считалось за Обителью въ разныхъ губерніяхъ мужеска пола душъ 28,510.

Съ сего времени положенъ кіевской Лаврѣ штатъ наравнѣ съ Троицкою, и сверхъ того оставлены при ней Китаевская Пустынь для престарѣлой братіи, мельница на рѣкѣ Лыбеди, лѣсъ съ пасѣкою, земля при Голосѣевской Пустынѣ и Самберкахъ, рыбныя ловли на Днѣпрѣ при урочищахъ Жуковѣ и Тильбикѣ, сѣнокосъ въ Темномъ лугѣ, шесть подворій въ Кіевѣ съ садомъ и шесть подворій за городомъ. Къ сему владѣнію причислены, сверхъ того, повелѣніемъ Императора Александра, восемь рыбныхъ озеръ.

Пользуясь этими владѣніями и приношеніемъ богомольцевъ, Лавра не бездѣйствовала въ отечественную войну съ Французами и принесла государству для вспоможенія войску до 60,000 руб. деньгами и драгоцѣнными вещами ([52]).

Но вотъ послышался звонъ колокола, вотъ доносится тихій благовѣстъ. Это призывъ къ молитвѣ въ Печерскую Обитель. Войдемте же въ это святилище вѣры, въ эту сокровищницу святаго и разсадникъ многихъ великихъ людей, подвизавшихся для пользы родины и человѣчества. Видите ли, какъ изъ-за крѣпостныхъ валовъ возносятся кресты и куполы церковные и гигантская колокольня *туда, туда!* Вотъ мы уже миновали валы и раскаты бастіоновъ, прошли мимо громаднаго арсенала, обставленнаго пирамидальными группами пушекъ, бомбъ и ядеръ; прошли чрезъ пространство, отдѣляющее самую крѣпость отъ стѣнъ Обители, должны спуститься подъ своды стѣны, сдѣланной гетманомъ Мазепою, и слѣдовать за всѣми ея переходами, какъ бы для того, чтобъ во всей красѣ предстали зданія самой Обители. Вотъ онѣ: вотъ святыя врата, вдавшіяся между двумя изворотами стѣны, исписанными священными изображеніями, и надъ ними церковь св. Тройцы, съ главою позлащенною черезъ огонь и съ куполомъ обложеннымъ листовымъ золотомъ. Это истинно святое мѣсто: это входъ въ святилище. На этомъ мѣстѣ слишкомъ за 700 лѣтъ до нашего времени (1106) была сооружена церковь и устроена больница черниговскимъ Княземъ Николаемъ, проименованнымъ Святошею, и самъ онъ, постригшись, не устыдился прежняго своего сана и былъ здѣсь привратникомъ. По уничтоженіи этой церкви, на ея мѣстѣ былъ устроенъ больничный монастырь. Отсюда, пройдя подъ сводомъ самой церкви, вы

видите улицу, обставленную двумя рядами не высокихъ келій, осѣненныхъ вѣтвистыми деревьями грецкихъ орѣховъ и оживленныхъ изображеніями изъ Священной Исторіи. Здѣсь на крыльцахъ или подъ тѣнію деревъ часто сидятъ старцы, углубившіеся въ чтеніе книгъ. Въ концѣ перспективы взоръ невольно останавливается на главномъ храмѣ Успенія Божіей Матери, а нѣсколько правѣе подъемлется громадная колокольня.

По помосту отъ святыхъ вратъ ко храму идутъ на поклоненіе Богу и св. угодникамъ люди, притекшіе почти изъ всѣхъ странъ Русскаго Царства. Двери храма отверзты и спокойно пріемлютъ каждаго; вошедшіе въ нихъ, исчезаютъ отъ взора одинъ за другимъ, и вы только слышите, какъ оттуда доносится священное пѣніе!

Одна его наружность говоритъ о его внутреннемъ великолѣпіи: это четвероугольное зданіе, занимающее болѣе 20 саж. вдлину и столько же вширину, со впадиною съ запада, украшенною живописью, съ двумя притворами съ боковъ и пятью выпуклостями съ восточной стороны; его стѣны исписаны священными изображеніями; навѣсъ надъ его входомъ горитъ золотомъ; надъ нимъ возносятся семь позолоченныхъ главъ съ куполами изъ червоннаго золота, осѣненныя семью позлащенными крестами, изъ которыхъ средній подъемлется надъ зданіемъ отъ основанія земли на 22 сажени.

Вступая въ храмъ, невольно поражаешься богатствомъ и великолѣпіемъ иконостаса, залитаго золотомъ и серебромъ. Съ него взираютъ лики Спа-

спителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, полуозаренные свѣтомъ лампадъ и обложенные золотыми и позлащенными окладами, украшенные драгоцѣнными камнями. Взирая на это богатство, забываешь цѣнность золота и всѣхъ драгоцѣнностей и видишь въ нихъ одно религіозное чувство, одну готовность жертвовать земнымъ достояніемъ для украшенія Божьяго храма. Это не металлъ, не драгоцѣнности,— это мысль человѣка о Богѣ, моленіе или благодареніе Богу. За царскими вратами установленъ престолъ и на немъ водружено распятіе, украшенное яхонтовыми и другими каменьями. Направо и налѣво въ самой церкви за крестообразными столбами и темными входами устроены для монаховъ мѣста, обнесенныя перилами, съ отдѣльными дверцами для каждаго: тамъ они пребываютъ во время службы, и ихъ видъ, почти неподвижный, ихъ лица, смиренно обращенныя къ иконамъ, ихъ черная одежда и четки, а за ними по стѣнамъ изображенія святыхъ и всѣхъ князей, покровительствовавшихъ Обители, полусвѣтъ, разлитый за переходами, духовное пѣніе, служба, воскуренія, глава св. и Великаго Владиміра, поставленная при самомъ входѣ, и тысячи великихъ воспоминаній, и толпы простолюдиновъ притекшихъ издалече,—все это вливаетъ чувство новое, невѣдомое для непосѣщавшихъ Печерской Обители, и возноситъ душу отъ всего земнаго къ лону Создателя.

При храмѣ устроено девять придѣловъ, изъ которыхъ въ одномъ, во имя св. Стефана, сооору-

женнаго Борецкими, находится икона Божіей Матери, предъ которою молился, почти за 700 лѣтъ, Князь Игорь Ольговичъ, убитый народомъ въ 1147 году (53).

На этомъ мѣстѣ, какъ мы уже видѣли, была основана еще при Антоніи церковь во имя Успенія Божіей Матери, оконченная постройкою почти за 800 лѣтъ до нашего времени. Повѣствуютъ, что самое начало этой церкви было ознаменовано чудесами: одинъ Варягъ видѣлъ ея изображеніе на облакѣ, и слышалъ гласъ, повелѣвавшій ему отнести къ Антонію златой поясъ для церкви и златой вѣнецъ для украшенія жертвенника, снятые съ распятія, чтимаго его отцемъ; четыре искусные строители, удовлетворенные впередъ за трехлѣтніе труды, пришли изъ Греціи въ Кіевъ, какъ бы по внушенію Божію, и также зрѣли на облакахъ изображеніе храма. Этотъ храмъ, по древнимъ описаніямъ, былъ великолѣпно украшенъ внутри и отвнѣ позлащенными каменьями и лучшею живописью; церковный помостъ былъ развѣченъ разными узорами; главы церквей были позлащены; крестъ сдѣланъ изъ чистаго золота и вокругъ церкви и всего монастыря обходила каменная стѣна въ сажень толщиною. Спустя семь лѣтъ по созданіи сей церкви, на Кіевъ напали Половцы, сожгли предмѣстья, и во время сна монаховъ напали на Обитель; выломали стѣну, ворвались въ самый монастырь, расхитили его, сожгли церковныя двери и разогнали монашествующихъ. Но конечное разрушеніе зданій Обители свершилось въ

1240 году, когда нахлынули на Русь Татары, подъ предводительствомъ хана Батыя. Они до основанія разрушили монастырскую стѣну, расхитили всѣ церковныя украшенія, сняли съ главы церковный крестъ и самую церковь разломали до оконъ, а алтарь по перси иконы Божіей Матери. Всѣ люди, находившіеся въ Обители, или погибли, или взяты въ плѣнъ, и только немногіе спаслись бѣгствомъ въ лѣса и горы; жили тамъ въ уединенныхъ пещерахъ, и, изъ любви къ святому мѣсту, тайно сходились для служенія Богу въ уцѣлѣвшій придѣлъ по тихому благовѣсту сохранившагося колокола.

Болѣе осьмидесяти лѣтъ все кіевское княжество, подвергаясь набѣгамъ Литовцевъ, было подъ зависимостію татарскихъ хановъ и надзоромъ ихъ баскаковъ. Путешественники находили здѣсь только развалины и почти не встрѣчали жителей. Вскорѣ галицкіе князья стали присвоивать себѣ титло Великихъ Князей кіевскихъ, а въ 1320 году, литовскій князь Гедеминъ, одолѣвъ Татаръ, захватилъ Кіевъ и отдалъ его въ управленіе своему намѣстнику князю гольшанскому, исповѣдывавшему греческую вѣру. Послѣ сего постоянно назначались намѣстники православнаго исповѣдыванія. Въ 1399 году, татарскій ханъ Тимуръ Кутлукъ успѣлъ сжечь и разграбить предмѣстья кіевскія и вытребовалъ съ бѣдной Обители 30 руб. выкупа. Подавленный всею тягостію обстоятельствъ, Кіевъ — эта святыня и колыбель нашего отечества, почти запустѣлъ, и самый храмъ Оби-

тели возобновленъ намѣстникомъ княземъ Симеономъ слуцкимъ, слишкомъ чрезъ двѣсти лѣтъ по разрушеніи (1470) Татарами. Спустя годъ послѣ сего возобновленія, все кіевское княженіе сдѣлалось, по волѣ польскаго короля Казиміра IV, литовскимъ повѣтомъ, или уѣздомъ; почти чрезъ двѣнадцать лѣтъ весь городъ и Обитель были сожжены и разграблены крымскимъ ханомъ Минглигиреемъ, и непрестанно подвергались набѣгамъ и разоренію. Но въ эти долгіе вѣка бѣдствій южной Руси готовилось для нея спасеніе на югѣ и сѣверѣ. У днѣпровскихъ пороговъ созрѣвала сила и самобытность Украйны въ лицѣ Запорожцевъ, а на сѣверѣ Москва копила силы, чтобы разомъ одолѣть враговъ и защитить своихъ собратій, противъ которыхъ постоянно были направлены всѣ силы Татаръ, Литвы и Польши.

Когда (1596) уніяты коснулись православной вѣры и дошли до поруганія святыхъ храмовъ, отдавши ихъ на откупъ жидамъ, дѣлавши изъ нихъ питейные домы, притѣснявши священство и исповѣдывавшихъ православіе, а Поляки унижали русскій народъ и наругались надъ его правами, въ то время вся Украйна возстала противу Ляховъ войною на жизнь и смерть. Борьба была страшная, и при сомнительныхъ успѣхахъ той и другой стороны, страдалъ Кіевъ, страдала и была непрестанно въ опасности Печерская Обитель.

Даже послѣ соединенія Украйны съ Россіею польскіе епископы старались овладѣть ея достояніемъ и присвоивали себѣ власть надъ нею; а въ 1686

году, по договору, сдѣланному между Россіею и Польшею, отошли къ послѣдней всѣ волости, которыми владѣла Обитель и которыя находились за новою границею Россіи.

Съ сего времени еще много терпѣла Обитель отъ враговъ, чумы и пожаровъ, изъ которыхъ самый страшный былъ въ 1718 году на 22 Апрѣля; онъ уничтожилъ архивъ, разрушилъ всѣ зданія, кельи и самую церковь.

Но Петръ Великій, упрочивши самобытность государства, давши ему болѣе естественные предѣлы, упрочилъ и безопасность Обители, обвелъ кругомъ нея земляную крѣпость, далъ ей на вспоможеніе 5,000 рублей, предписалъ собрать 10,000 рублей съ малороссійской старшины и мѣщанъ, повелѣлъ доставить разныя утвари и колокола изъ разныхъ городовъ и монастырей, а самъ прислалъ архитектора и поручилъ надзоръ за строеніемъ гетману Скоропадскому. Внемля велѣніямъ Петра, начали возобновлять и церковь; въ 1729 году она была освящена кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ Вапотовичемъ. Только со времени Петра Великаго до отписанія отъ монастырей недвижимыхъ имѣній съ крестьянами, Печерская Обитель богатѣла и ея иноки жили въ полномъ довольствіи.

Сверхъ сихъ храмовъ и зданій, находится въ Обители *братская трапеза*, на томъ же мѣстѣ, гдѣ была она при св. Ѳеодосіи, разныя кельи, хозяйственныя строенія, библіотека, устроенная при великой церкви, типографія, заведенная не поз-

же 1618 года, гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ, церковь Всѣхъ Святыхъ, за южною стороною стѣны, надъ Экономическими Вратами, сооруженная гетманомъ Мазепою. Далѣе за стѣною къ востоку находятся пещеры и собственно печерскія зданія, неразъ измѣненныя въ своемъ видѣ, кромѣ ихъ главныхъ улицъ, и неразъ скрывавшія подъ спудомъ своимъ мощи святыхъ отъ хищенія и неистовства враговъ.

Преклонимся же предъ священнымъ предметомъ поклоненія всѣхъ русскихъ. Выйдемъ сѣверными дверьми церкви и послѣдуемъ за потокомъ народа. Нашъ путь извивается то къ сѣверу, то къ востоку, то къ югу, то снова къ сѣверу и востоку, пока мы не оставимъ за собою монастырскихъ зданій и стѣны; пройдя ихъ, мы увидимъ церковь на отлогости горы, изрытой оврагами и зеленѣющей полянами и садами, а далѣе опять виденъ Днѣпръ и за нимъ снова синева лѣса и синева дали.

Церковь Ближнихъ Пещеръ сооружена въ 1700 году, во имя Воздвиженія Честнаго Креста, полтавскимъ полковникомъ Герцикомъ и освящена митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ. Главы и кресты на ней, равно и на колокольнѣ, позлащены червоннымъ золотомъ, а куполы покрыты зеленою краскою. На стѣнѣ, предохраняющей церковь и самыя пещеры отъ обвала, построены двѣ башни: въ одной изъ нихъ хранится печерская ризница, а въ другой сдѣланъ открытымъ сводомъ входъ въ галерею, ведущую къ Дальнимъ Пещерамъ.

Начало Ближнимъ Пещерамъ положено Св. Антоніемъ, когда онъ удалился для уединенія изъ первой пещеры, ископанной Иларіономъ. Входъ въ Ближнія Пещеры сдѣланъ изъ церкви Воздвиженья Креста Господня. Здѣсь почти во всякое время дня встрѣтите толпу народа, стекшагося изъ Украйны, Россіи, съ Дона, даже изъ Сибири, съ своими особенными нарѣчіемъ и одеждою. И теперь, болѣе сотни простолюдиновъ, съ выраженіемъ вѣры, невозмущаемой умомъ и пытливостію воображенія, съ выраженіемъ ожиданія какъ будто какого-то чуда, смотрятъ, скоро ли откроется дверь въ подземелье. Въ рукахъ каждаго теплится свѣча; въ храмѣ тишина; одинъ или два монаха и почти никого изъ людей высшаго круга. Вотъ желѣзная дверь отворилась и толпа народа тронулась, шагнула и сжалась у входа, но нѣтъ ни шума ни безпорядка и всѣ идутъ медленно, руководимые монахомъ. . . Не спѣшите быть первымъ, пусть пройдетъ народъ: за нимъ, свободнѣе будетъ видѣть первое убѣжище христіанъ и предметы всеобщаго благоговѣнія. Переступивши за пещерную дверь взгляните, какъ живая рѣка народа движется, въ этомъ сжатомъ, сѣроватомъ сводѣ, полуозаренномъ одиѣми свѣчами молельщиковъ, и склоненномъ отлогою покатостью въ глубину земли; взгляните, какъ этотъ народъ останавливается предъ каждымъ святымъ, творитъ молитвы, расспрашиваетъ о его жизни, движется далѣе и далѣе, и исчезаетъ, разливаясь по переходамъ. Каждый святой покоится въ четырехугольномъ углубленіи

пещеры, въ деревянной гробницѣ, а иные въ украшенныхъ серебромъ и золотомъ, и надъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ пещеръ видны наглухо запертыя двери съ небольшимъ окошечкомъ: онѣ ведутъ въ келіи почивающихъ тамъ затворниковъ.

Въ иныхъ мѣстахъ покажется изъ-за желѣзной рѣшетки огонь, освѣщающій подземную келію, и слышится молитва и тихое пѣніе: здѣсь совершается служба. Такъ слѣдуете вы по всѣмъ переходамъ пещеръ, доколѣ не достигнете выхода, гдѣ снова озаритъ васъ свѣтъ дня, повѣетъ свѣжестію воздухъ, и снова предстанетъ міръ съ его живой красою и наслажденіями земной жизни. Вы невольно вздохнете и осмотритесь кругомъ себя.

Но вотъ и галерея съ окнами и деревяннымъ помостомъ, ведущая къ Дальнимъ Пещерамъ. Въ ней располагаются убогіе и калеки, испрашивая духовными пѣснями насущнаго хлѣба.

При Дальнихъ Пещерахъ, изъ которыхъ иныя существовали еще до принятія христіанской вѣры Св. Владиміромъ, а другіе начаты Иларіономъ, находятся церкви Рождества Богородицы и Зачатія Св. Анны, съ главами позлащенными червоннымъ золотомъ. Входовъ въ пещеры два, западный и восточный. Расположеніе ихъ хотя другое нежели въ Ближнихъ, но общее устройство, впечатлѣнія также сильны, и воспоминанія о первыхъ дняхъ жизни Россіи еще сильнѣе и разнообразнѣе. По народному сказанію, въ нихъ есть завалів-

шійся ходъ подъ Днѣпръ, и даже на противоположный его берегъ. При обѣихъ пещерахъ находятся келіи блюстителей пещеръ и другія зданія. Во всей Обители много погребено ея благотворителей и людей великихъ: въ большой церкви покоятся князь Константинъ Іоанновичъ *Острожскій* (1533), ревностный христіанинъ, распространитель училищъ и покровитель немощныхъ; генералъ - фельдмаршалъ графъ *Гудовичъ* (1821); архимандритъ печерскій *Гизель* (1683); графъ *Румянцевъ-Задунайскій*. На югъ отъ церкви на открытомъ мѣстѣ погребены: *Кочубей* и *Искра*, погибшіе за преданность Петру Великому; здѣсь же погребенъ старшина Войска Донскаго Андрей Ив. *Краснощековъ*; близъ дверей церкви покоится тѣло *Наталіи Борисовны Долгорукой*; въ церкви Ближнихъ Пещеръ погребенъ полковникъ полтавскаго полка *Герцикъ*, соорудившій эту церковь, гдѣ хранится и портретъ его. Въ Лаврѣ же, подлѣ гроба Ѳеодосія, погребена *дочь Князя Ярополка Анна*, по собственному ея желанію, а за лаврскою стѣною къ сѣверу, въ церкви Спаса на Берестовѣ, погребенъ Великій Князь *Георгій Долгорукій*, перенесшій великокняжескій престолъ и вмѣстѣ съ нимъ такъ много жизни и воспоминаній съ юга Россіи на сѣверъ; *сынъ его Глѣбъ*, сестра его и *супруга Венгерскаго короля* Белы — Софія, и *супруга Владиміра Мономаха* — Ефимія.

Теперь, по обычаю молельщиковъ, поклонившись святынѣ и обозрѣвши все достопамятное, взойдемъ на главную колокольню Печерской Обители.

Она установлена въ двадцати саженяхъ отъ великой церкви, въ направленіи къ югозападу. Каждый изъ ея четырехъ ярусовъ сдѣланъ по одному изъ архитектурныхъ орденовъ, стройно сведенныхъ пирамидою. Нижній украшенъ рустикомъ, вторый обставленъ тридцатью двумя колоннами іоническаго большаго размѣра и шестнадцатью небольшими столбами при окнахъ; четвертый ярусъ во вкусѣ коринѳскаго ордена, украшенный осемью тройными столбами. Она выше всѣхъ русскихъ колоколень и даже выше колокольни Ивана Великаго слишкомъ пятью саженями: въ ней 43½ сажени и десять вершковъ, до основанія креста. Куполъ позлащенъ листовымъ золотомъ, а глава позолочена чрезъ огонь. Она сооружена по плану извѣстнаго художника Шейдена и кончена постройкою въ 1745 году. Главный ея колоколъ, называемый Успенскимъ, вѣситъ 1000 пудовъ. Вверху колокольни устроены часы. Если подыметесь сюда, то увидите подъ собою всѣ монастырскія зданія, кресты и главы церквей, переходы, дорожки, зелень садовъ, каменную стѣну около Обители, въ окружности болѣе версты, и за нею, съ одной стороны крѣпость съ своими строеніями, а съ другой зданія печерскія. Это мѣсто называлось нѣкогда Берестовьемъ; на немъ, за 850 лѣтъ до нашего времени былъ дремучій лѣсъ, по скату горы въ глухихъ мѣстахъ, тайныя убѣжища христіанъ, а на горѣ любимый берестовскій дворецъ Великаго Князя Владиміра, гдѣ онъ тѣ-

шился съ своей дружиною и ласкалъ своихъ женъ и наложницъ. Здѣсь-то . . . .

У славнаго Князя Владиміра было
Пированье, почетный пиръ, было
Столованье, почетный столъ
На многи князи, бояре,
И на русскіе могучи богатыри
И гости богатые.

Здѣсь-то, по народной пѣсни: ласковый государь Владиміръ Князь по свѣтлой гриднѣ похаживалъ, черные кудри порасчесывалъ, съ своими князьями-богатырями поговаривалъ (54). Здѣсь же и скончался, по сказанію лѣтописца, Великій Владиміръ въ 1015 году 15 Іюля (55). Далѣе къ сѣверозападу видѣнъ весь древній Кіевъ, гдѣ, по преданью народному, Андрей Первозванный водрузилъ крестъ Господень; видно и то мѣсто, гдѣ стоялъ теремъ Великой Княгини Ольги, и гдѣ теперь сооруженъ соборъ Андрея Первозваннаго, и то, гдѣ былъ поставленъ перунъ и другіе кумиры; видна и святая Софія, сооруженная Ярославомъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ одолѣлъ Печенѣговъ, и на взгорьи Николаевскій Монастырь, близъ котораго погребенъ Олегъ; а далѣе на сѣверъ подъ горою расположилось Подолье съ своими зданіями, еще далѣе, мѣста, гдѣ крестился народъ, и Почайна, гдѣ Княгиня Ольга заставила такъ долго дожидаться греческихъ пословъ; къ восточной сторонѣ, кажется, у самыхъ ногъ разстилается Днѣпръ. Во всѣ стороны синева дали сливается съ синевою неба. Вы какъ будто стоите подъ его куполомъ, въ самой срединѣ видимаго про-

странства, и предъ вами раскидываются три губерніи: кіевская, черниговская, полтавская, и видны города Козелецъ, Переяславль и Васильковъ.

Какъ много великаго свершилось на этомъ пространствѣ! сколько являлось здѣсь разноплеменныхъ народовъ и людей съ великой душою! На этомъ пространствѣ Россіи впервые принята народомъ христіанская вѣра, на немъ протекаютъ историческія рѣки *Альта, Трубежъ* и *Стугна*, гдѣ такъ много было битвъ, и гдѣ Владиміръ Великій велѣлъ строить города и населять ихъ крещеными людьми. Одно это пространство неисчерпаемое поприще и для поэта и для историка. За нимъ къ сѣверу и востоку, гдѣ оканчивается губернія черниговская и начинаются: смоленская, орловская и курская, спустя двѣсти лѣтъ послѣ крещенія Кіевлянъ, жили язычники, замучившіе святаго инока Кукшу, распространителя истинной вѣры. А тамъ, далеко на сѣверъ, въ губерніяхъ новгородской, владимірской, рязанской и др. и въ позднѣйшія времена являлось язычество съ своими обрядами, не какъ игра и увеселеніе народа, но какъ вѣра со всею силою и противудѣйствіемъ христіанству. Но надъ всѣмъ восторжествовала святость христіанскаго ученія. Первые его разсадники — монастыри и города, въ которыхъ жили христіане, князья и наши намѣстники, были первоначальными свѣтильниками православной вѣры: отсюда разливалась она по всѣмъ областямъ и нигдѣ не избирала орудіями жестокости и гоненія. Даже подвластныхъ иноплеменниковъ и ино-

вѣрцевъ, самыхъ Татаръ, старались наши Великіе Князья и святители приводить къ христіанской вѣрѣ любовію, «а страхомъ ихъ къ крещенью ни какъ не приводити,» и даже «говорить съ ними тихо съ умиленіемъ, а съ жестокостію съ ними не говорити (36).»

Дивная картина разлитія христіанской вѣры по міру языческому! Кажется, все возставало противу святаго ученія: суровость нравовъ, вѣковые обычаи, съ которыми возрастали народы, набѣги степныхъ племенъ, разноплеменность и различіе языковъ, и всюду оно проникло, все смягчило, согрѣло души, сблизило полы и состоянія. Сильные князья, едва вышедъ изъ язычества, давали у себя обѣды нищимъ, смиренно молились въ одномъ храмѣ съ простолюдиномъ и завѣщевали погребать себя близъ церкви или близъ могилы безвѣстнаго инока. Жизнь внутренняя начала торжествовать надъ внѣшнею, погружала человѣка въ самаго себя, въ его душу и сильнѣе, святѣе призывала его къ Богу.

Какія бѣдствія постигали одну Печерскую Обитель: гнѣвъ первыхъ князей, грабительства Половцевъ, разрушительное нашествіе Татаръ, ихъ постоянное тяготѣніе надъ Кіевомъ, завоеваніе его Литовцами, переходъ къ Полякамъ, потеря самобытности, всѣ возможныя гоненія и притѣсненія отъ уніятовъ, пожары, чума, землетрясенія, словомъ, всѣ бѣдствія, какихъ не испытала ни одна обитель, и теперь она снова красуется въ своемъ величіи, и всюду благоговѣетъ

предъ нею народъ и отвсюду стекается къ ней на поклоненіе.

Вадимъ Пассекъ.

1836 г.
Сентября 6.
Кіевъ.

ПРАЗДНИКЪ КУПАЛЫ.

Въ жизни каждаго народа есть время, когда въ однихъ его обычаяхъ заключены обряды религіи, сила законодательная и условія частной, повседневной жизни. Въ это время одна живая, сильная память сберегаетъ прошедшее и хранитъ настоящее. Цѣлые народы жили по преданіямъ и обычаямъ своихъ отцевъ; жрецы знали наизустъ тысячи священныхъ пѣснопѣній; пѣсни о покореніи Трои хранились столѣтія въ памяти народа; преданіе о потопѣ и гидрахъ, которые долго почитались пустымъ вымысломъ и которые открылъ въ природѣ наблюдательный взоръ Кювье, доселѣ существуетъ почти у всѣхъ народовъ.

Но избытокъ ли знаній, или желаніе ихъ упрочить и дать непреложную силу, или потребность выразить свою внутреннюю жизнь, передать свои знанія, мысли, даже чувствованія другимъ людямъ и другимъ временамъ, или все это вмѣстѣ, доводитъ человѣка до изобрѣтенія условныхъ зна-

ковъ, какими были Египетскіе іероглифы, узелки, употребляемые Мексиканцами, разныя фигуры, собраніе цвѣтовъ и пр., и наконецъ является письменность во всемъ ея значеніи.

Съ появленіемъ письменности не для чего напрягать память и обременять ее знаніями: все, что прежде сберегалось одною памятью, теперь стало записано, и никто не страшился что-нибудь забыть и утратить; это самое, отнимая отъ знаній живую дѣятельность, естественно, ослабляло память, а съ ея ослабленіемъ стали затемняться и портиться народныя знанія, древніе обычаи, преданія и пѣснопѣнія.

Въ Европѣ этотъ періодъ начался съ принятія христіанской вѣры и возрожденія новыхъ обществъ. Языческое устройство замѣнилось новымъ устройствомъ; языческая религія замѣнилась новою вѣрою. И эта вѣра и устройство были укрѣплены письменностію, которая не приняла на себя труда сохранить для насъ предшествовавшіе обычаи и вѣрованія, и не должна была этого дѣлать изъ противудѣйствія, непріязненнаго чувства и нежеланія передать ихъ во всей чистотѣ отъ предковъ потомкамъ. Напротивъ, новый порядокъ требовалъ частной или полной гибели всего прошедшаго.

Поэтому, и въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ почти ничего о языческой жизни народовъ, населяющихъ наше отечество; а если что и упоминается, то съ единственною цѣлію унизить сравненіемъ съ новыми понятіями и порядкомъ.

Несмотря на это, преданія о распространеніи христіанской религіи дошли до насъ менѣе, нежели языческіе обычаи, потому что первыя могли храниться въ письменахъ, доступныхъ для немногихъ и подверженныхъ скорому уничтоженію, а вторыя въ тайномъ чувствѣ противодѣйствія, привычкахъ, пѣсняхъ и условныхъ выраженіяхъ, какъ въ формахъ самыхъ легкихъ для памяти.

У насъ есть много условій, которыя содѣйствовали болѣе, нежели гдѣ-либо въ Европѣ, къ сохраненію прошедшаго: наша письменность не сдѣлалась достояніемъ цѣлаго народа и не лишаетъ его сокровищъ памяти; у насъ не было сильныхъ религіозныхъ и политическихъ потрясеній, какъ на западѣ Европы: наши междоусобія были семейными ссорами князей, тяжбою за наслѣдство; наше иго подъ владычествомъ Татаръ ограничивалось данью и временными опустошительными набѣгами.

Въ Сибири, какъ странѣ удаленной еще болѣе отъ сильныхъ потрясеній, живо сохранились преданія о ея завоеваніи, Ермакѣ и Кучумѣ, въ то время, когда на сѣверѣ Россіи простонародіе едва ли помнитъ Минина и 1612 годъ. Южная Россія въ этомъ отношеніи имѣетъ отличительный характеръ. Здѣсь господствуетъ наклонность къ историческому пѣснопѣнію; здѣсь изстари были баяны, воспѣто Слово о полкѣ Игоря Святославича, воспѣты почти всѣ дѣла гетмановъ, борьба съ уніятами, и сохранились сказанія о подвигахъ простыхъ казаковъ. Эта наклонность къ историческому пѣснопѣнію такъ сильна, что здѣсь поютъ

о ничтожномъ сожженіи Могилева, въ то время, когда на сѣверѣ неизвѣстно пѣсни о сожженіи Москвы, нашей русской православной столицы; но этотъ недостатокъ историческихъ пѣсень на сѣверѣ, сравнительно съ югомъ, происходитъ, конечно, не отъ недостатка жизни или чувствованія, но отъ особеннаго народнаго характера: два столѣтія, XVII и XIX, два нашествія Ляховъ и Французовъ, показали, какъ болитъ и бьется сердце русскаго.

Предстоитъ замѣтить все это разнообразіе и особенности народнаго характера и собрать всѣ обычаи, разсѣянные по обширному пространству Россіи, которая, быть можетъ, богаче ими цѣлой Европы. Правда, уже многіе изъ древнихъ обычаевъ утратили свое прямое назначеніе, видоизмѣнились, стали сбивчивы, иные растерялись по частямъ, но зато и собранные частями могутъ составить цѣлое.

И чѣмъ болѣе причинъ опасаться ихъ измѣненія и утраты характера древности, тѣмъ необходимѣе, при настоящемъ историческомъ взглядѣ, собирать и сохранять ихъ. Въ нихъ увидимъ всю постепенность развитія новыхъ идей, новыхъ потребностей, борьбу и сліяніе съ предшествовавшими вѣрованіями и понятіями.

Каждый обычай, если онъ собственное произведеніе народа, заключаетъ въ себѣ его характеръ и условія мѣстности, указываетъ на его умственное и нравственное состояніе, и часто болѣе лѣтописей говоритъ о его минувшей жизни. Въ немъ скрыты начала семейной внутренней жизни наро-

*

да, а въ его формахъ особенность народныхъ наклонностей. Въ обычаяхъ народа есть вѣра, надежда, ожиданіе, страхъ, предузнаніе, а въ исполненіи- увеселеніе, праздникъ народный. Обычай встрѣчаетъ младенца при рожденіи, предохраняетъ его отъ чарованій, бережетъ отъ недобраго глаза, пользуетъ въ болѣзняхъ, одѣваетъ сообразно съ климатомъ и мѣстностію, пріучаетъ къ примѣтамъ въ обычномъ быту, опредѣляетъ отношенія къ лицамъ и собственности. Съ обычаемъ простолюдинъ женится, съ нимъ живетъ, умираетъ и погребается; даже по смерти обычай часто сильнѣе сердца приводитъ людей къ могилѣ умершаго. Обычаи народа въ обширномъ смыслѣ есть сокровищница его прошедшагѡ, его знаній, философіи, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Безъ этой особенности народъ былъ бы безхарактеренъ, несчастенъ, ничтоженъ. Доколѣ живъ и силенъ народъ, до того времени живы и сильны его обычаи. Они могутъ выдержать вѣковую борьбу съ противодѣйствіемъ людей, даже природы, и гибель ихъ, безъ замѣна другими чисто народными обычаями, служитъ предвѣстникомъ гибели народной. Живые и свято сохраняемые обычаи Китайцевъ, заключая въ себѣ всѣ движенія ихъ жизни, объемля весь бытъ, безъ помощи сильнаго войска, хранятъ ихъ отъ всего чужеземнаго, покоряютъ имъ завоевателей, и каждый народъ спокойно преобращаютъ въ Китайцевъ. Напрасно думаютъ иные писатели уничтожить обычаи, какъ предразсудки и заблужде-

нія народа, напрасно мечтають сдѣлать всѣхъ людей, каждый по своему, философами: въ народѣ и безъ того есть высшая философія, которой онъ учится, правда, не въ школахъ, есть безсознательныя знанія, которыя часто идутъ впереди наукъ, какъ знаніе магнетизма, преданія о переворотахъ земли и др. И что сталось бы съ людьми, если бы удалось сдѣлать ихъ философами по чьей-нибудь системѣ (потому что у людей нѣтъ философіи, а только однѣ системы), тогда весь *народъ философовъ* или уничтожился бы въ безсиліи и безхарактерности, или воспроизвелъ бы свой отличительный характеръ. Худо человѣку безъ собственнаго характера, горе народу безъ національности! Эта національность, болѣе всего выражаемая и хранимая обычаями, составляетъ часть жизни цѣлаго человѣчества: каждый народъ, въ этомъ отношеніи, дополняетъ одинъ другаго, и доколѣ существуетъ, составляетъ необходимое звено въ неразгаданной цѣпи человѣчества.

Наша Россія, по обширности пространства, разнообразію климатовъ и населенія, и по силѣ, съ какою она выдержала тяжелую борьбу съ западными сосѣдями и азіятскими полчищами, съ какою восторжествовала надъ народностію племенъ финскаго и татарскаго, составляетъ живую великую часть человѣчества, и своей могучею жизнію ручается за силу и самобытность народнаго характера и за богатство обычаевъ. Это глубокій источникъ, въ которомъ въ одно время отражается небо и видно дно души и жизни русскаго

человѣка. Но кто вглядѣлся въ эту душу и кто съ жаждою любви испилъ изъ этого источника? не знаемъ. Только труды Гг. Снегирева и Сахарова достойны своего великаго предмета: въ нихъ часто высказывается истинное *уваженіе* ко всему, что народъ называетъ своимъ. Но эти труды далеко не объемлютъ характера и жизни русскихъ, это только небольшіе отрывки отъ того, что принадлежитъ народу; мы все знаемъ понемногу и по частямъ, и намъ еще рано говорить о полномъ трудѣ. Предъ нами еще необозримое поприще и, благодареніе Богу, что жизнь Россіи такъ глубока и необъятна въ прошедшемъ и настоящемъ. Намъ предстоитъ узнавать ее изъ быта и обычаевъ и замѣчать бытъ и обычаи на мѣстѣ, въ живой картинѣ, разсказахъ и въ пѣсняхъ изъ устъ народа: только такъ собираемыя знанія могутъ истинно познакомить насъ съ отечествомъ, а собирая и передавая иначе, можемъ лишиться вѣрности и многихъ важныхъ оттѣнковъ народнаго характера. Наше дѣло трудиться надъ матеріялами и безъ дальнѣйшихъ выводовъ дѣлать только замѣчанія, потому что одни изъ нихъ могутъ быть истинны, а другія, быть можетъ, пригодятся для будущаго времени, и потому, что и въ самыхъ замѣчаніяхъ часто высказывается народный характеръ. Почитая грѣхомъ не передать читателямъ всего, что мнѣ удалось собрать изъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, преданій, я на первый разъ рѣшаюсь познакомить съ праздникомъ *Купалы* въ Малороссіи, предварительно сдѣлавши

обозрѣніе того, что извѣстно мнѣ объ этомъ праздникѣ у другихъ народовъ Европы.

Память о Купалѣ сохранилась не въ одной Россіи. У всѣхъ народовъ Европы этотъ день имѣетъ какое-то таинственное значеніе, и его начало едва ли не взято изъ первоначальной религіи, едва ли не принесено изъ Азіи, колыбели всѣхъ европейскихъ племенъ. А если нѣтъ? то одно повсемѣстное его употребленіе требуетъ вниманія и дальнѣйшихъ наблюденій.

Въ Швеціи сохранилась память о праздникѣ Купалы во всей свѣжести и въ тотъ же день, какъ въ Россіи. Онъ называется здѣсь *midsommar*, т. е. средина лѣта. Въ полночь собираютъ пучки ивановскихъ цвѣтовъ, между которыми всегда бываютъ, такъ называемые *hipericum* (*). Эти пучки, привѣшенные къ домамъ, отстраняютъ всякое несчастіе. Влюбленныя дѣвушки плетутъ вечеромъ гирланды изъ девяти различныхъ цвѣтовъ, кладутъ ихъ подъ изголовье постели, и сновидѣніе предвѣщаетъ удачу или неудачу ихъ нѣжныхъ желаній; становятся также на такое мѣсто, гдѣ соединяются три дороги, и замѣчаютъ признаки, по которымъ разгадываютъ будущее; собираютъ съ девяти деревъ выступающій на нихъ клейкій сокъ, извѣстный подъ названіемъ масла волшебниковъ, и бросаютъ его въ огонь; а волшебники должны по этому разгадывать тайны будущаго. Эти вѣрованія сохранились въ самыхъ уединенныхъ селахъ и деревняхъ, и съ каждымъ годомъ теряютъ своихъ послѣдователей (1).

(*) Звѣробой.

Между прочими обычаями, относящимися къ этому празднеству, былъ обычай прикрѣплять къ верху праздничнаго шеста (mât de cocagne) пѣтуха, вырѣзаннаго изъ красной бумаги. Онъ служитъ знакомъ *свѣта* и *теплоты*, также какъ черный пѣтухъ означаетъ *тьму*. Это видно изъ Волуспы, древней поэмы Скандинавовъ.

Вотъ мѣсто изъ самой Волуспы:

Радостный Эдгеръ пастухъ-великанъ,
Сидѣлъ онъ на холмѣ, игралъ онъ на арфѣ,
И пѣлъ передъ нимъ *пурпурный пѣтухъ*
На древѣ высокомъ на самой вершинѣ;
И пѣлъ, оживляя Одина героевъ,
Въ Азгардѣ другой *съ гребнемъ златымъ;*
А тамъ подъ землею, въ области Геллы,
Пѣлъ еще третій *мрачный* пѣтухъ (2).

Въ одной изъ германскихъ пословицъ выраженіе. *красный пѣтухъ* означаетъ пожаръ (*) (3); у Иморцевъ въ день Купалы сожигаютъ *бѣлаго* пѣтуха (4). Скандинавы предъ битвой приносили въ жертву пѣтуха. У многихъ другихъ народовъ, при различныхъ обрядахъ, также былъ необходимъ пѣтухъ.

Во всей Германіи существуетъ праздникъ Купалы, и въ тотъ же день какъ у насъ, хотя подъ другимъ названіемъ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ прыгаютъ чрезъ огонь дѣвушки, одѣтыя попраздничному, и убравши головы цвѣтами, фольгой и другими украшеніями (5). Во Франціи, самъ король зажигалъ купальскій огонь. Въ Италіи, сохранилось

(*) Волжскіе разбойники слово красный пѣтухъ употребляли въ томъ же значеніи.

много пѣсень, которыя относятся къ этому обычаю. Въ Италіи (Генуѣ), накануне Иванова дня дѣти и дѣвушки собираютъ дрова, и сложивши ихъ у церкви, зажигаютъ костры, пекутъ лукъ и ѣдятъ его, для предохраненія себя на цѣлый годъ отъ лихорадки, поютъ и пляшутъ. А на разсвѣтѣ, въ самый Ивановъ день, раздѣвшись, катаются по росѣ, для излеченія нѣкоторыхъ болѣзней, и потомъ идутъ собирать цѣлебные цвѣты, травы, и какой-то цвѣтокъ, съ которымъ можно дѣлать много чудесъ. Въ Бельгіи, молодые крестьяне и дѣвушки, одѣвшись въ праздничныя платья, разводятъ предъ ивановымъ днемъ большіе огни, поютъ и пляшутъ около нихъ (*). Въ Даніи, въ лѣтнее равноденствіе зажигаютъ костры и люди купаются для здоровья, и собираютъ цѣлебныя травы (6). Въ Англіи, сохранилось много повѣрій о ночи на Ивановъ день. Только въ эту ночь собранные цвѣты и травы сохраняютъ особенное цѣлебное свойство и силу чарованія. Это повѣрье влило вдохновеніе въ величайшаго поэта, Шекспира. Воспользовавшись отношеніями извѣстныхъ ему лицъ, онъ создалъ свои *Ночныя видѣнія на Ивановъ день* (Sommernachtstraum). Здѣсь все таинственно. Самыя радостныя чувствованія измѣняются чарованіями въ страшную дѣйствительность, и эта дѣйствительность, при новыхъ чарованіяхъ, кажется однимъ сномъ: люди вспоминаютъ о немъ съ ужасомъ, не зная, что они невольно, но въ самомъ

(*) Объ обычаяхъ въ Белгіи и Генуѣ заимствовано изъ разсказовъ тамошнихъ жителей.

дѣлѣ измѣняли своимъ мечтамъ, своимъ радостямъ, всему, чѣмъ надѣялись быть счастливы. И все это дѣлается силою чарованій, сокомъ травы, сорванной на Ивановъ день: но надобно быть начальникомъ духовъ, чтобы достать такой травы; надобно имѣть глаза *Оберона*, чтобъ подсмотрѣть тайны чудеснаго міра. Вотъ какъ онъ посылаетъ за цвѣткомъ своего духа *Пука*.

Оберонъ. Пойди ко мнѣ, мой добрый Пукъ! Скажи,
Ты не забылъ, какъ я сидѣлъ однажды
Надъ моремъ, на верху скалы высокой?
Какъ тихо по водамъ плыла сирена,
Носимая дельфиномъ? и пѣснь
Ея лилась такъ сладко и такъ стройно,
Что волны моря бурнаго затихли
И звѣзды быстро съ мѣстъ своихъ сошли,
Чтобы послушать сладкой пѣсни?

Пукъ. Помню.

Оберонъ. Въ то время видѣлъ я (а ты не видѣлъ),
Какъ богъ любви носился надъ землей
Въ вооруженьи полномъ,— и устремилъ
Свой быстрый взоръ на чистую весталку,
Царившую на западѣ земли, —
И вдругъ пустилъ въ нее стрѣлу,
Какъ будто бы хотѣлъ пронзить онъ
Тысячи сердецъ. —
Я видѣлъ какъ огонь стрѣлы безвредно
Погасъ въ чистѣйшемъ лучѣ луны,
И царственная жрица, чуждая любви,
Въ спокойномъ созерцаньи удалилась.
А я слѣдилъ очами за стрѣлою;
Она на дальнемъ западѣ упала
Въ цвѣтокъ прелестный, прежде бѣлизною
И розой вспыхнувшій съ тѣхъ поръ, какъ вдругъ
Стрѣла любви его пронзила!
Его зовутъ *цвѣткомъ любви* — отъ бездѣлья

Достань его! — Открою все тебѣ:
Кто сокъ его возьметъ, и оросить
Имъ вѣжди сонныя иль юноши
Иль дѣвы, всѣ, кто бъ изъ созданій Божьихъ
Ни предсталъ при пробужденьи ихъ,
Всѣ — влюбятся въ него до изступленія!
Достань цвѣтокъ мнѣ, Пукъ! Но смотри —
Спѣши, лети и возвратись, пока
Левіоѳанъ версты не проплыветъ! —

Пука не задумался и полетѣлъ на западъ, а Оберонъ, поссорившись предъ тѣмъ съ своей супругою Титаніей, мечтаетъ, какъ онъ подшутитъ надъ нею:

Какъ принесутъ мнѣ сокъ, я орошу,
Имъ вѣжди сонныя Титаніи!
Пусть просыпается тогда, — и первый
Кто попадется на глаза — она
Не дастъ ему покоя — отъ любви —
Будь это левъ или медвѣдь, иль быкъ,
Иль хоть насмѣшливая обезьяна павіанъ!

Такъ опасенъ этотъ цвѣтокъ, и какъ много чудесъ дѣлаетъ онъ на земли! Титанія влюбилась въ человѣка съ ослиною головою, а бѣдные люди, которыхъ коснулся таинственный сокъ цвѣтка, испытали много горя и радостей и думали, что ихъ несчастье сонъ, а счастье дѣйствительность. Такой чарующей силѣ цвѣтка, сорваннаго въ ивановскую ночь, вѣрятъ и у насъ въ Россіи. Правда, немногимъ достается онъ, по повѣрью, зато, кто владѣетъ имъ, тотъ владѣетъ и сердцемъ и богатствомъ другихъ. Въ Шотландіи, ночь на Ивановъ день празднуютъ также со многими обрядами и повѣрьями. Сходный съ этимъ обычаемъ существуетъ у Румуновъ, подъ названіемъ празд-

ника *Кукушекъ*, но кажется, онъ не вполнѣ совпадаетъ съ днемъ Купалы. «Дѣвушки уединяются въ рощи и проводятъ тамъ время до глубокой ночи въ бесѣдѣ съ кукушками, поютъ имъ пѣсни, состоящія большею частію въ разныхъ вопросахъ, и по отвѣтамъ вѣщихъ крылатыхъ (paseri nesdrávène) гадаютъ о будущемъ.

Вотъ пѣсня, какую обыкновенно онѣ поютъ при этомъ случаѣ:

Пропой мнѣ, кукушка,
Покину-ль отеческій домъ?
И скоро-ль, какъ вольная въ небѣ голубка,
Отдѣльной жить буду семьей?
Пропой мнѣ, кукушка: дознаю-ли счастья
Подъ майской родимой звѣздой?
Иль чары соперницъ любовника сердце
Ужовымъ клубкомъ пропоютъ?
Пропой мнѣ, кукушка, вдовою-ль останусь
За хлѣбомъ по свѣту ходить,
Иль дѣти подъ старость мнѣ будутъ подпорой
Какъ дикой сироткѣ лозѣ (7)?

У Финовъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажигаютъ костеръ хворосту и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ *Кокко*, а въ новгородской губерніи, гдѣ есть и селеніе *Кокуй*, этотъ день называется *Кокуемъ* (8). Замѣчательно, что и въ Сибири нѣкоторыя мѣста называютъ *Кокуемъ*. У Липовцевъ праздникъ Купало извѣстенъ подъ названіемъ *Купайлы*, и сопровождается пѣснями, плясками, прыганьемъ чрезъ огонь и другими обрядами и повѣрьями (9). Сербы думаютъ, что Ивановъ день столь великъ и важенъ, что самое солнце останавливается на не-

бѣ (*) (10). «Во всей Южной Россіи — замѣчаетъ Г. Ходаковскій — до самыхъ Горъ Карпатскихъ и р. Сана, также въ бѣлой Руси и на западъ къ Рейгарду, на предѣлахъ Пруссіи, празднуютъ день Купалы. Это самое игрище и въ тотъ же день Поляки, Селезійцы и Чехи знаютъ подъ названіемъ *Соботки.* Соботка извѣстна поселянамъ по р. Лугѣ, текущей изъ болотъ новгородской губерніи. Соботка есть одно изъ необыкновенныхъ освѣщеній въ свѣтѣ: Карпатскія Горы, Судеты и Корконосныя, между Селезіею и Чехами, 23 Іюня, въ сумеркахъ, вдругъ запылаютъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, представляя плѣнительное зрѣлище, даже и для тѣхъ, которые все еще бранятъ народное увеселеніе, почитая его языческимъ, хотя простолюдины о томъ и не думаютъ (11). Къ этому можно прибавить, что въ тотъ же вечеръ, когда озаряются купальскими огнями западныя славянскія земли, въ тотъ же вечеръ, отъ Подолья до самаго Дона, на пространствѣ не менѣе тысячи верстъ, также горятъ купальскіе огни, и повсюду слышатся пѣсни.

Здѣсь, проводивши весну обычными пѣснями и играми, начинаютъ пѣть такъ называемыя петровскія пѣсни, или *Петривочки,* которыя не въ обычаѣ пѣть въ другое время года.

(*) На сѣверѣ Россіи и въ Сибири многіе купаются въ этотъ день, гадаютъ по собраннымъ травамъ, берегутъ ихъ противу болѣзней ; въ иныхъ мѣстахъ раскладываютъ огни, въ другихъ парятся въ баняхъ травою, называемою купальницей, и въ ночь на Ивановъ день ищутъ кладовъ.

Вотъ онѣ (12):

1.

Ой, мала ничка петривочка —
Не выспалась наша дивочка;
Не выспалась, не нагулялась
Й съ козаченькомъ не настоялась.
Къ череди гнала—задремала,
На пеньки ноги посбывала,
На сухій теренъ косу порвала.
А вже коровы у дйброви;
А вже телята пасуть хлопята;
А вже вивци на крутый гирци.

2.

Посію лободу по всёму огороду;
Рости, лобода, выше огорода.
А на тій лободи четыре лебеди:
Первый лебидко—молодый Василько,
Другій лебидко—молодый Ивашко;
Третій лебидко — молодый Петрочко,
Четвертый лебидко — молодый Павличко.
Посію лободу по всёму огороду:
Рости, лобода, выше огорода.
А на тій лободи четыре лебидки:
Первая лебидка — молода Оленка,
Друга лебидка — молода Парася,
Третья лебидка — молода Оксанка;
Четвертая лебидка—молода Одара.
Оленка вермивка, Василькова дивка,
Парася вермивка, Ивашкова дивка,

Переводъ (13).

1.

Ахъ, коротка ночка петровская—
Не выспалась наша дѣвица;
Не выспалась, не нагулялась,
И съ казаченькомъ не настоялась.
Къ табуну гнала — задремала,
О пеньки ноги избила,
О сухой тернъ косу растрепала.
А коровы ужъ въ дубровѣ;
А телятъ уже пасутъ ребята;
А ужъ овцы на крутой горкѣ.

2.

Засѣю лебедою весь огородъ;
Рости, лебеда, выше огорода.
А на той лебедѣ четыре лебедя:
Первый лебедь — молодый Васинька,
Вторый лебедь—молодой Ванюша,
Третій лебедь—молодой Петруша,
Четвертый лебедь—молодой Павлуша.
Засѣю лебедою весь огородъ;
Рости, лебеда, выше огорода.
На той лебедѣ четыре лебёдки:
Первая лебёдка — молодая Аленушка,
Вторая лебёдка—молодая Параша,
Третья лебёдка—молодая Аксютка,
Четвертая лебёдка—молодая Даша.
Аленушка милая, Васина дѣвка,
Параша милая, Ванюшина дѣвка,

Оксанка вермивка, Павличкова дивка,	Аксютка милая, Павлушина дѣвка,
Одаря вермивка, Петречкова дивка.	Даша милая, Петрушина дѣвка.
3.	3.
У мого батенька двирь невеличкій,	У моего батюшки дворъ небольшой,
Зилья велике.	Трава высока.
Я одна у̊ батенька була,	Я одна у батюшки была,
Я одиночка якъ ягодочка.	Я одинокая какъ ягодка
Я по милому тыждень тужила	Я по миломъ недѣлю грустила
Пивъ-хлѣба зъила.	Полъ-хлѣба съѣла.
Я одна у̊ батенька була и пр.	Я одна и пр.
Я по нелюбу три дня тужила	Я по не миломъ три дня грустила
Пичь хлиба зъила.	Пѣчь хлѣба съѣла.
Я одна у̊ батенька була и пр.	Я одна и пр.

Всѣ эти петровскія пѣсни во всей Малороссіи, кромѣ частныхъ исключеній, оканчиваются праздникомъ Купалы, наканунѣ Иванова дня, 23 Іюня. Въ этотъ торжественный день рано утромъ дѣвушки и дѣти идутъ въ полѣ или лѣсъ собирать обычные цвѣты и травы: *голубыя сокирки*, *красные пахучіе васильки*, *птицовые черевички* и *паньскій макъ*, *желтый звѣробой* и *нагидки*, *разноцвѣтъ*, *мьяту*, *кануперъ*, *колокольчики*, необходимую основу купальскаго вѣнка, *полынь*, какъ траву спасительную отъ всѣхъ чаръ нечистой силы: ее же кладутъ подъ мышками на весь тотъ праздникъ. Возвратившись домой, каждая подбираетъ цвѣтокъ къ цвѣтку, перевиваетъ одинъ съ другимъ, укрѣпляетъ между ними листья пахучихъ травъ и сплетаетъ для себя *купальскій вѣнокъ*.

Такъ время проходитъ въ пѣсняхъ, гуляньи по

улицамъ и болѣе всего въ ожиданіи вечера и таинственной ивановской полночи.

Предъ закатомъ солнца идутъ въ ближній лѣсъ или садъ, срубаютъ тамъ тополь, вербу, или еще чаще, черноклёнъ, и, возвращаясь оттуда съ пѣснями на мѣсто, назначенное для праздника, однѣ несутъ пуки соломы, другія дерево, называемое только на время праздника мареною, а иногда идола Купалы, величиною съ ребенка, или въ полчеловѣка, сдѣланнаго изъ соломы, въ большомъ вѣнкѣ, одѣтаго въ женскую рубашку, и украшеннаго лентами и намистами. Обыкновенно всѣ идутъ скоро, въ безпорядкѣ и громко поютъ.

Йване Йвашеньку,
Та не переходь дороженьки.
Купала на Йвана!
Купався Йванъ,
Та въ воду упавъ
Купала на Йвана!
Посичу тебе на капустоньку,
Та посію тебе въ трехъ городцяхъ.
Купала на Йвана!
Та вроди, Боже, трое зильячокъ:
Перве зильечко барвиночекъ.
Купала на Йвана!
Друге зильечко любисточекъ,
Третье зильечко василечекъ.
Купала на Йвана!
Барвиночекъ для дивочекъ,
Любисточекъ для любощивъ,
Купала на Йвана!
Василечекъ для запаху.
Купала на Йвана!
Да купався Йванъ, та въ воду упавъ.
Купала на Йвана!

Иванъ Иванушка,
Не переходи черезъ дорожку.
Купала на Ивана!
Купался Иванъ,
Да въ воду упалъ
Купала на Ивана!
Изрублю тебя какъ капусточку,
Да посажу тебя въ трехъ огородцахъ.
Купала на Ивана!
Уроди, Боже, три цвѣточка:
Первый цвѣточекъ барвѣночекъ.
Купала на Ивана!
Другой цвѣточекъ любисточекъ,
Третій цвѣточикъ василечекъ.
Купала на Ивана!
Барвѣночекъ для дѣвушекъ,
Любисточекъ для любови.
Купала на Ивана!
Василечекъ для запаху.
Купала на Ивана!
Купался Иванъ, да въ воду упалъ,
Купала на Ивана!

Или

Коло воды—моря ходили дивочки
Коло мариночки.
Купало!
Гратеме сонечко
На Йвана.
Пишли дивочки та по ягодки.
Коло воды — моря и пр.
Уже дивочки поплели виночки.
Коло воды — моря и пр.
Виночки не вянуть, дивочки не плачуть.
Коло воды — моря и пр.
Виночки потонули, дивочки сплакнули.
Коло воды — моря.
Ходили дивочки
Коло мариночки.
Купало!
Гратеме сонечко
На Йвана!

Или:

Край воды—моря ходили дѣвицы
Около мареночки.
Купало!
Будетъ играть солнышко
На Ивана.
Какъ пошли дѣвицы по ягодки.
Около воды—моря и пр.
Уже дѣвицы сплели вѣночки.
Около воды — моря и пр.
Вѣночки не вянутъ, дѣвицы не плачутъ
Около воды—моря и пр.
Вѣночки утонули, дѣвицы заплакали.
Около воды — моря.
Ходили дѣвицы
Около мареночки.
Купало!
Будетъ играть солнышко
На Ивана!

Пришедши на избранное мѣсто и воткнувши въ землю дерево, или марену, обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками, ставятъ подлѣ него Купалу, на котораго надѣваютъ всѣ свои украшенія: намисты, ленты, кольца, даже кресты, и поздно вечеромъ, невдалекѣ зажегши огромный костеръ соломы, ходятъ взявшись за руки вокругъ идола и дерева съ пѣснями.

1.

Стояла тополя
Край чистаго поля.
Стій, тополенько,
Стій, не развивайсь;
Буйному витроньку
Не пиддавайсь;

1.

Стояла тополь
Близъ чистаго поля.
Стой, тополюшка!
Стой, не развивайся;
Буйному вѣтру
Не поддавайся!

На тій тополи
Четыри сокилки.
Стій, тополенько,
Стій, не развивайсь;
Буйному вѣтроньку
Не поддавайсь.
Перва сокилка
Гарпинка дивка,
Стій, тополенько, и пр.
Друга сокилка
Галочка дивка.
Стій, тополенько, и пр.
Третья сокилка
Вирочка дивка.
Стій, тополенько, и пр.
Четверта сокилка
Катричка дивка.
Стій, тополенько,
Стій, не развивайсь;
Буйному витроньку
Не пиддавайсь.

На той тополѣ
Четыре соколушка.
Стой, тополюшка,
Стой, не развивайся;
Буйному вѣтру
Не поддавайся.
Первая соколушка
Дѣвка Аграфенушка.
Стой, тополюшка, и пр.
Другая соколушка
Дѣвка Анюточка.
Стой, тополюшка, и пр.
Третья соколушка
Дѣвка Вѣрушка.
Стой, тополюшка, и пр.
Четвертая соколушка
Дѣвка Катинька.
Стой, тополюшка,
Стой, не развивайся;
Буйному вѣтру
Не поддавайся.

2.

Ой, сонце свите й грае
А мій Ївась коника сидлае;
Іого Вирочка пытае:
Нащо винъ коника сидлае?
Щожъ тоби, Вирочко, до сёго
Сидлаю коника не твого,
Пійду до тестенька до свого.
Пущу я коника по двору
Своему родови на хвалу.
Щобъ мене тещенька хвалила,
Щобъ мене дивчина любила.

2.

Ахъ, солнце свѣтитъ и играетъ,
А мой Ванюша коника сѣдлаетъ.
Его Вѣрушка спрашиваетъ:
Начто онъ коника сѣдлаетъ?
Что жъ тебѣ, Вѣрушка, до того?
Сѣдлаю коника не твоего,
Поѣду къ тестюшку своему,
Пущу я коника по двору
Своей роднѣ на славу.
Чтобъ меня тёщенька хвалила,
Чтобъ меня дѣвица любила.

3.

Окрипъ та роменъ,
Петречко умéръ.
Бижите, звоните,
Настенци скажите.

3.

Укропъ да ромашка —
Умеръ Петруша.
Бѣгите, звоните,
Настюшѣ скажите.

Настенька бѣжитъ,
Серденько болитъ
Петречко, серденько,
Не умирай раненько.

4.

На гори жито,
Пидъ горою просо;
Пидъ гору зелененько,
По мисяцю видненько
Серденько!
У нашего Йвашка
Та пишная дивка,
И горилки не пье.
Купало!
И на улицю не иде
На Ивана!

Молода Явдошка!
Ходимъ жито жати!
Молодый Васильку!
Я не вмiю жати
Пидъ гору зелененько
По мисяцю видненько
Серденько!
Я жати научу,
Черевички куплю.
Купало!

5.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повезу я свекорка продавати,
Риднаго батенька куповати.
Сдешевила свекорка, сдешевила,
Риднаго батенька не купила!

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?

Настюша бѣжитъ
Сердечко болитъ.
Петруша, сердечко,
Не умирай ранёхонько!

4.

На горѣ рожь,
Подъ горою просо;
Подъ горой зеленѣетъ,
По мѣсяцу виднѣется
Сердечко!
Какъ у нашего Ванюши
Гордая дѣвка,
И вина не пьетъ.
Купало!
И на улицу не идетъ
На Ивана!

Молода Дуняша,
Пойдемъ рожь жать.
— Молодой Вася,
Я не умѣю жать.
Подъ горою зеленѣетъ
По мѣсяцу виднѣется
Сердечко!
Я жать научу
Башмаки куплю.
Купало!

5.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чѣмъ мнѣ, моя матушка, торговать?
Повезу я свекрушка продавать,
Роднаго батюшку покупать.
Сдешевѣлъ свекрушка, сдешевѣлъ,
Роднаго батюшку не купила.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чѣмъ мнѣ, моя матушка, торговать?

*

Повезу я диверка продавати,
Роднаго братика куповати.
Сдешевила диверка, сдешевила,
Риднаго братика не купила!

Повезу я деверюшка продавать,
Роднаго братца покупать.
Сдешевѣлъ деверюшка, сдешевѣлъ,
Родного братца не купила.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повезу я зовицю продавати,
Ридную сестрицю куповати.
Сдешевила зовиця, сдешевила,
Ридной сестрици не купила.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чѣмъ мнѣ, моя матушка, торговать?
Повезу я золовку продавать,
Родную сестрицу покупать.
Сдешевѣла золовка, сдешевѣла
А родной сестрицы не купила.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мини, моя мати, торговати?
Повезу я свого нелюба продавати,
А милого-любого куповати.
Сдешевила нѐлюба, сдешевила
А милаго-любаго не купила!

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чѣмъ мнѣ, моя матушка, торговать?
Повезу я своего немилаго продавать,
А милаго любезнаго покупать.
Сдешевѣлъ немилый, сдешевѣлъ
А милаго любезнаго не купила.

Пропѣвши одну, двѣ или нѣсколько изъ этихъ пѣсень, кругъ останавливается, разрывается, дѣвушки бѣгутъ одна за другою, прыгаютъ чрезъ огонь и поютъ:

1.

Ходили дивочки коло мариночки,
Коло мого Вудола — Купала!
Гратеме сонечко на Йвана.

Накупався Йванъ, та въ воду упавъ.
Купала пидъ Ивана!

1.

Ходили дѣвушки около мареночки,
Около моего Вудола—Купала!
Будетъ играть солнушко на Ивана.
Накупался Иванъ да въ воду упалъ.
Купала подъ Ивана!

2.

Ой, Купалочка скупалась,
Та на бережку сушилась!
Дивка Настечка хвалилась,
Що въ мене коса до пояса,
Що въ мене личко якъ яблочко,
Що въ мене очи кареньки,
Що въ мене брови чорненьки.

2.

Ахъ, Купалочка выкупалась,
Да на берегу сушилась!
Настенька дѣвка хвалилась:
Что у меня коса до пояса,
Что у меня личико какъ яблоко,
Что у меня глаза каренькіе,
Что у меня брови черненькія.

Въ иныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ дѣвушками кружатся, поютъ и прыгаютъ чрезъ огонь молодые парубки, но чаще они приходятъ только для шутокъ; вмѣшиваются въ игру, сбиваютъ съ голоса, мѣшаютъ кружиться и прыгать чрезъ огонь.

Видъ изумительный! Вообразите поздній іюльскій вечеръ; воздухъ растворенный теплотою и нѣгою; мѣсто вдали отъ селенія, прудъ или рѣку, близъ которой видите при яркомъ свѣтѣ огня идола, обвѣшеннаго всею роскошью деревенскихъ нарядовъ, дерево, украшенное лентами и вѣнками, и толпу людей въ огромныхъ вѣнкахъ, закрывающихъ лице почти до половины, въ коротко подобранныхъ рубашкахъ и запаскахъ, или разноцвѣтныхъ плахтахъ, обхватывающихъ самый перегибъ стана; иныхъ съ обнаженными ногами, иныхъ въ *червоныхъ чоботахъ*, и между ними деревенскую молодежь въ широкихъ шароварахъ, короткихъ свиткахъ и решетиловскихъ высокихъ шапкахъ. Вся толпа ярко освѣщена пламенемъ и обнесена темною рамою ночи. Всѣ движутся тихо и стройно, потомъ вереницей бѣгутъ черезъ огонь, и это безпрерывное движеніе волнуетъ воздухъ; огонь мечется во всѣ стороны, то подымется то раз-

стелется по землѣ, сыплетъ искры, обхватываетъ пламенемъ и отсвѣчивается всѣми красками въ разноцвѣтныхъ вѣнкахъ, которые трясутся и бьются о лица... хохотъ, крикъ, пѣсни, бѣготня... невольно останавливаешься предъ этой картиной. И если чья нибудь мечта летала въ минувшемъ, то она оживетъ теперь, и этотъ праздникъ, развалина древняго обычая, эта живая лѣтопись, расбросанная по всему славянскому міру, не менѣе лучшей исторіи напомнитъ о поэзіи и жизни языческихъ вѣковъ.

Намъ предстоитъ спѣшить собраніемъ всего, что касается до праздника Купалы; огни купальскіе замѣтно рѣдѣютъ; многіе смотрятъ на нихъ, какъ на остатки языческой вѣры, хотя они составляютъ теперь одинъ обрядъ безъ религіозной мысли, одну игру и увеселеніе народное безъ малѣйшаго оскорбленія нравственнаго чувства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строго наблюдаютъ, чтобъ не пѣли пѣсень и не раскладывали купальскихъ огней, и почти вездѣ они вытѣснены изъ селеній и скрываются въ отдаленіи въ поляхъ и лѣсахъ; въ другихъ мѣстахъ, нечаянные случаи прекратили празднованіе, какъ напр. въ Ахтыркѣ, гдѣ, по сказанію многихъ, внезапною бурею унесены были въ рѣку Ворсклу и пропали безъ вѣсти, изображеніе Купалы и марена, обвѣшанные дорогими намистами. Этотъ случай объяснился гнѣвомъ Божіимъ, и устрашенный народъ забываетъ съ того времени свой веселый праздникъ. Набожные люди увѣряютъ, что Купалу празднуютъ въ память

Иродіады, когда она усѣкла главу Іоанна Крестителя, бросила ея въ воду и пѣла:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ,
Купала на Ивана!

Они называютъ ее *Злою Чертицею*, а празднующихъ Купалу ея послѣдователями и угодниками. Такъ много противудѣйствій встрѣчаетъ одинъ праздникъ Купалы и, невзирая на это, еще такъ торжественъ и повсемѣстенъ на югѣ славянскаго міра, такъ нетерпѣливо ожидаютъ его цѣлые милліоны людей, такъ отъ души поютъ и такъ безвредно веселятся, забывая на время всю тягость лѣтнихъ заботъ и трудовъ.

Собравши о немъ всѣ народныя повѣрья и пѣсни, соединивши и объяснивъ всѣ обычаи, которыми онъ сопровождается, вѣроятно можно будетъ сдѣлать удовлетворительный выводъ о значеніи Купалы во времена чистаго язычества.

Теперь очевидно только, что Купало не былъ богомъ земныхъ плодовъ, какъ думалъ о немъ Карамзинъ и многіе изъ его предшественниковъ и послѣдователей. Въ пользу ихъ мнѣнія нѣтъ ни слова въ достовѣрныхъ нашихъ лѣтописяхъ, нѣтъ ни одного намека въ приведенныхъ нами пѣсняхъ и преданіяхъ; самое слово: Купало, если объяснять его славянскимъ языкомъ, не имѣетъ ни какого отношенія къ собиранію плодовъ; и отъ дня, въ который его празднуютъ, до жатвы хлѣба, даже на югѣ Россіи, при настоящемъ смягченіи

климата, обыкновенно проходитъ не менѣе двухъ и трехъ недѣль, а на сѣверѣ обыкновенно болѣе мѣсяца. Притомъ, изъ этого празднества или совершенно исключены мужчины, на которыхъ лежитъ у насъ главная тягость сельскихъ работъ, или занимаютъ въ немъ второстепенное мѣсто. А судя о его характерѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ и по существованію его почти у всѣхъ народовъ, не безъ вѣроятія можно предположить, что происхожденіе его относится къ тѣмъ временамъ, когда не было жнивъ, и человѣкъ не зналъ земледѣлія.

Гораздо ближе къ истинѣ, день Купалы былъ великимъ днемъ *очищенія огнемъ и водою;* былъ праздникомъ *средины лѣта*, когда природа дѣйствуетъ съ высшею силою, когда все цвѣтетъ, благоухаютъ поля и лѣса, и самый человѣкъ среди лѣтняго зноя, при напряженіи всѣхъ силъ природы тѣснѣе сливается съ нею и легче предается воображенію. Это праздникъ нашего полушарія, цѣлой половины земли. Въ Индіи этотъ день подъ тѣмъ же названіемъ былъ праздникомъ и днемъ очищенія ([13]). У древнѣйшихъ и новыхъ народовъ огонь почитается очистительною стихіею; на поклоненіи огню основывались цѣлыя религіи; только проходивши чрезъ огонь, наши князья могли являться предъ лице татарскихъ хановъ; даже за гробомъ, по понятіямъ Западной Церкви, есть чистилище, въ которомъ огонь занимаетъ важное мѣсто. Такъ и омовеніе водою всегда признавалось дѣйствіемъ очищенія, и въ нашей святой религіи

погруженіе младенца въ воду признается видимымъ обрядомъ очищенія отъ первороднаго грѣха.

До сихъ поръ огонь, полученный отъ тренія сухихъ деревъ, называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *царь-огонь,* точно такъ же какъ водѣ придаютъ названіе царица-водица ([14]). Это доказываетъ еще болѣе, что наши Славяне имѣли высокое мнѣніе о силахъ природы, и объ огнѣ и водѣ, какъ о двухъ первоначальныхъ ея стихіяхъ. Для празднованія каждаго времени года былъ у язычниковъ особенный день. Въ мартѣ, когда оживали силы природы, праздновали новый годъ. Этотъ обычай соблюдался у насъ до XIV столѣтія. Такъ, кажется мнѣ, колядки были зимнимъ праздникомъ, и сохранились до настоящаго времени на югѣ и сѣверѣ Россіи, съ различными видоизмѣненіями, обычаемъ гаданія и переодѣванія. Такъ, кажется, и Купало былъ лѣтнимъ очистительнымъ праздникомъ.

Замѣчательно, что во всякой срединѣ времени или междовременьи есть что-то особенное, таинственное, по живому чувству и понятію всѣхъ народовъ. Въ полночь совершаются всѣ тайны невидимаго духовнаго міра: являются души, тѣни встаютъ изъ гробовъ, вампиры ищутъ крови, и только крикъ пѣтуха, предвѣстника новаго дня, снова гонитъ ихъ въ ихъ гробы и сокровенныя жилища. Полдень почитается въ простонародной жизни, можетъ быть, не по одному порядку ежедневныхъ дѣлъ, часомъ междодѣйствія и покоя: по объясненію ученыхъ, въ это время свершается

сильнѣйшій процессъ электричества и магнетисма. Такъ средина зимы и лѣта пользовались и пользуются въ наше время особеннымъ уваженіемъ народа. День Спиридонія, 12 декабря, называется днемъ *Спиридона Солнцеворота*, и вскорѣ послѣ того начинаются малороссійскія колядки и наши русскія святки, въ которыя запасаются на цѣлый годъ гаданьемъ о своей судьбѣ. Сходно съ этимъ и послѣ лѣтняго равноденствія празднуется день Купалы. И въ томъ и другомъ преимущественно участвуютъ дѣвушки и женщины. Это день народнаго средолѣтія. Шведы называютъ его *Midsommer*, или также срединою лѣта; Датчане *Midsommernat*, или ночью въ половинѣ лѣта. Быть можетъ, въ томъ же смыслѣ и у насъ названъ этотъ праздникъ Купалою (*). Впрочемъ, приводя это замѣчаніе, не усиливаюсь сдѣлать изъ него необходимое, основное доказательство моей мысли: и безъ него праздникъ отправляется посреди лѣта, также исполненъ своею таинственностію, какъ всякое междовременье. Какихъ нѣтъ чудесъ въ ночь съ Купалы на Ивана! Какъ все таинственно и живо! Кіевскія вѣдьмы сбираются на Лысой Горѣ, надъ самымъ Днѣпромъ; злые духи стерегутъ неосторожныхъ; русалки качаются на деревьяхъ, заманиваютъ прохожихъ и *залаcкотавши*,

---

(*) Слово: копа, означаетъ въ иныхъ случаяхъ половину: *копа* означаетъ полтину или половину рубля; *коповикъ* означаетъ полтинникъ или половину цѣлковаго, а отъ копы до Купалы переходъ близкій.

увлекаютъ къ себѣ, въ свои подводные чертоги изъ кораловъ, раковинъ и изумруда; надъ болотами вспыхиваютъ огоньки; на травѣ и на деревьяхъ загораются ивановскіе червячки; кругомъ благорастворенный воздухъ и благоуханіе цвѣтовъ, которыми только къ этому времени природа убираетъ со всею роскошью поля и лѣса. Только въ эту ночь расцвѣтаетъ *папоротникъ*, и какъ много надобно смѣлости и рѣшительности, чтобы сорвать его! Для этого человѣкъ, готовый на все, даже на борьбу съ нечистою силою, беретъ страстную свѣчу, сбереженную имъ отъ великаго четверга и донесенную домой съ огнемъ: съ нею онъ приходитъ на мѣсто, гдѣ ростетъ папоротникъ, очерчиваетъ ею около себя кругъ, подстилаетъ подъ траву полотенце, которымъ священникъ отеръ запыленный престолъ и, засвѣтивши свѣчу, съ трепетомъ ожидаетъ таинственнаго часа. Вотъ трава зашелестѣла, зашевелилась, вспыхнулъ на ней кровавой или золотой огонекъ и упалъ на утиральникъ. Теперь-то надобно спѣшить схватить и завернуть его, чтобъ не отняли злые духи! Счастливъ, кому удастся завладѣть цвѣткомъ, и, не оглядываясь, уйти съ зачарованнаго мѣста, въ то время, когда и сзади и кругомъ его слышны крики, вопли, громъ, землетрясеніе, и видны страшныя лица, какихъ нельзя человѣческимъ языкомъ ни описать, ни разсказать. Кто одолѣетъ всѣ ужасы и принесетъ цвѣтокъ домой, тотъ врѣзываетъ его въ ладонь и становится властителемъ всей нечистой силы: по волѣ за-

ставляетъ себя любить, отмыкаетъ замки и двери, видитъ всѣ клады: богатъ и счастливъ.

Въ эту же таинственную ночь празднуютъ Купалу, и только съ разсвѣтомъ идутъ въ хаты и несутъ съ собою идола и марену. На другой день рано утромъ многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей; сушатъ на солнцѣ цѣлебныя купальскія травы, гуляютъ и поютъ пѣсни. А по закатѣ солнца въ самой Ивановъ день снова приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшенія, кромѣ вѣнковъ, поютъ тѣ же пѣсни, какія пѣли вчера, и съ крикомъ бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иные спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобъ унести домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней. Когда идолъ и дерево погрузнутъ въ воду или понесетъ ихъ быстрота рѣки, то поютъ:

Утонула мариночка, утонула,	Утонула мареночка, утонула,
Та на верхъ кисонька зринула.	Да на верхъ косонька всплыла.

Потомъ прыгаютъ чрезъ огонь; многіе купаются, и чтобъ не защекотали ихъ русалки и не увлекли въ свои подводныя жилища, вынимаютъ изъ подмышекъ вѣнки полыня и бросаютъ ихъ въ воду... Кончивши этотъ обрядъ возвращаются домой и поютъ:

Якъ пишла Ганна въ Дунай по воду,	Какъ пошла Анна на Дунай за водою,
И ступила Ганна на хитку кладку.	И стала Анна на шаткую перекладину.

Ганна моя панна,
Ягода моя червоная.
Кладка схитнулась, Ганна втонула;
Якъ потопала, тричи зринала.

Ганна моя панна и пр.
Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усимъ заказала.

Ганна моя панна и пр.
Не берите, люди, у Дунаи воды, —
Въ Дунаи вода Ганнина слеза.
Ганна моя и пр.
Не ловите, люди, у Дунаи щуки, —
Въ Дунаи щуки Ганнины руки.
Ганна моя и пр.
Не ловите, люди, у Дунаи сомивъ, —
У Дунаи сомы Ганнины ноги.
Ганна моя и пр.
Не ламайте, люди, по лугамъ калины, —
По лугамъ калина Ганнина краса.
Ганна моя и пр
Не рвите, люди, по лугамъ терну, —
У лузи теренъ Ганнины очи.
Ганна моя и пр.
Не косите, люди, по лугамъ травы, —
По лугамъ трава Ганнина коса.
Ганна моя панна,
Моя ягода червоная.

Анна моя панна,
Ягода моя красная.
Перекладина шатнулась, Анна утонула,
Какъ утопала, трижды выныривала.

Анна моя панна и пр.
Аннина мать на сходку сзывала,
На сходку сзывала, всѣмъ заказала.

Анна моя панна и пр.
Не берите, люди, изъ Дуная воды, —
Въ Дунаѣ вода Аннины слезы.
Анна моя панна и пр.
Не ловите, люди, въ Дунаѣ щукъ, —
Въ Дунаѣ щуки Аннины руки.
Анна моя панна и пр.
Не ловите, люди, въ Дунаѣ сомовъ, —
Въ Дунаѣ сомы Аннины ноги.
Анна моя панна и пр.
Не ломайте, люди, въ лѣсу калины, —
Въ лѣсу калина Аннина краса.
Анна моя панна и пр.
Не рвите, люди, въ лѣсу терну, —
Въ лѣсу теренъ Аннины очи.
Анна моя панна и пр.
Не косите, люди, на лугахъ травы, —
На лугахъ трава Аннина коса.
Анна моя панна,
Моя ягода красная.

Голосъ этой пѣсни унылъ и протяженъ. И кто не замѣтитъ въ ней глубокаго чувства горести?

Въ минуты утраты любимаго предмета, человѣкъ, безнадежный возвратить его, мечтаетъ увидѣть его во всей окружающей природѣ, одушевляетъ воды и землю, и ему жаль до нихъ коснуться. Въ прочихъ пѣсняхъ, по народному объясненію, разсказывается несчастная жизнь бѣдной Анны. Вотъ что она говоритъ сама о себѣ:

Посію я рожу, поставлю сторожу;	Посѣю я розу, поставлю сторожу; —
Стороною дощикъ иде, стороною,	Стороною дождикъ идетъ, стороною;
Надъ моею рожею червоною.	Надъ моей красною розой.
Не певна сторожа, выломана рожа.	Не надежна сторожа, изломана роза;
Стороною дощикъ иде и пр.	Стороною дождикъ идетъ и пр.
Выйшло на рожи три мисяци ясныхъ.	Взошло надъ розой три мѣсяца ясныхъ.
Стороною и пр.	Стороною дождикъ идетъ и пр.
Три мисяци ясныхъ, три молодци красныхъ.	Три мѣсяца ясныхъ, три молодца красныхъ.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Першій молодчикъ — молодый Василько.	Первый молодецъ—молодой Василій.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Другій молодчикъ — молодый Йванко.	Другой молодецъ—молодой Ванюша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Третій молодчикъ — молодый Павличко.	Третій молодецъ молодой Павлуша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Посію я рожу, поставлю сторожу.	Посѣю я розу, поставлю сторожу.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Не певна сторожа, выламана рожа.	Не надежна сторожа, изломана роза,
Стороною и пр.	Стороною и пр.

Вышло на рожи, три зирочки ясныхъ.	Взошло надъ розой три звѣздочки ясныхъ
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Три зирочки ясныхъ, три дивочки красныхъ.	Три звѣздочки ясныхъ, три дѣвицы красныхъ.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Перша дивочка—молода Одарка.	Первая дѣвица—молодая Даша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Другая дивочка—молода Оксанка.	Другая дѣвица—молодая Оксюша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Третья дивочка—молода Оленка.	Третья дѣвица — молодая Аленушка.
Стороною дощикъ иде, стороною,	Стороною дождикъ идетъ, стороною
Надъ моею рожею червоною.	Надъ моей красною розой.

Въ этой пѣснѣ много мистическаго и такъ мало общаго съ другими обыкновенными пѣснями. Надъ сломаной розой являются три мѣсяца и три звѣзды, и то не мѣсяцы не звѣзды, а молодцы и дѣвицы.

Далѣе поютъ:

А въ мого батенька якъ ходитъ, тай ходитъ	Какъ у моего батюшки ходитъ, да ходитъ
Конычекъ по двору;	Лошадка по двору,
А въ мого братика якъ виситъ, тай виситъ	А у моего братца виситъ, да виситъ
Шабелка на килку;	Сабелька на гвоздѣ.
А въ моій матиньки якъ мокра тай мокра	А у моей матушки мокрая, да мокрая
Скатертька на столи;	Скатертька на столѣ.
А въ моей сестрици якъ выросла, тай выросла	А у моей сестрицы выросла, да выросла
Рутонька въ городи.	Мята въ огородѣ.

Ни въ чемъ нѣтъ доли бѣдной Аннѣ: у ея отца есть конь, у брата сабля, у сестры трава, у

матери даже мокрая скатерть, вѣроятно послѣ угощенія, а бѣдной Аннѣ, нѣтъ ничего и даже ея любимыя розы изломаны! Что же было ей за житье въ такой недолѣ: она утонула и вѣрно тогда стало всѣмъ ее жаль.

Но смертію Ганны не оканчивается повѣсть; о ней же поютъ:

Черезъ наше село везено дерево.—	Черезъ наше село везено дерево
Ой воно, воно въ нидилю рано	Ахъ оно, оно рано въ воскресенье.
Йзъ-за моря далёко!	Изъ-за моря далеко.
А съ того дерева зроблина церковка.	А изъ того дерева сдѣлана церковь.
Ой воно, воно и пр.	Ахъ оно, оно рано и пр.
А въ тій церковци, четыри виконца.	А въ той церкви четыре окошечка.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Первое виконце—Василько якъ солнце.	Первое окошечко—Василій какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Другое виконце — Ивапко якъ солнце.	Другое окошечко—Ванюша какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Третье виконце—Павличко якъ солнце.	Третье окошечко—Павлуша какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Четверте виконце—Палійко якъ солнце.	Четвертое окошечко—Пантелимонушка какъ солнце.
Ой воно, воно въ нидилю рано	Ахъ оно, оно рано въ воскресенье
Йзъ-за моря далёко.	Изъ-за моря далеко.

Подъ этимъ деревомъ разумѣютъ гробъ Анны, а подъ четырьмя окнами, четыре гробовыхъ доски

на четыре стороны свѣта. Подобныя сравненія встрѣчаются и въ русскихъ пѣсняхъ.

Во всякомъ случаѣ, этотъ гробъ стоитъ вниманія: онъ привезенъ изъ-за моря. Не говорится ли въ этомъ преданіи о началѣ введенія въ Кіевѣ христіанской религіи изъ-за моря, изъ Греціи: такъ я думаю, несмотря на нѣкоторыя позднѣйшія измѣненія пѣсни. Почему не сохранить памяти объ этомъ великомъ переворотѣ, когда такъ живо сохранилась память о Дунаѣ, не только у Малороссіянъ, но и у русскихъ, и какъ замѣтно, что самый голосъ всѣхъ пѣсень о Дунаѣ имѣетъ что-то свое особенное, отличительное отъ другихъ пѣсень: не сохранилась ли и въ немъ старина.

Выписываемъ еще часть пѣсни:

Чрезъ наше село, везено дерево,
Ой воно, воно въ нидилю рано
Йзъ-за моря далеко!

Что это за дерево, которое везли изъ-за моря, привезли именно въ воскресенье и построили изъ него церковь. Не напоминаетъ ли это X-го вѣка, принятія изъ-за моря христіанской вѣры, распространенія у насъ Восточной Церкви и ниспроверженія кумировъ? не тогда ли брошенъ въ воду и Купало?

Тай въ воду впавъ
Купало пидъ Ивана!

Или не напоминается ли этимъ деревомъ о разныхъ вещахъ, какъ то, образахъ, мѣдныхъ изваяніяхъ и прочемъ, привезенномъ Великимъ Владиміромъ въ Кіевъ?

«Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ,» сказано про Владиміра въ лѣтописи, «взя же и два капища мѣдяны, и четыре кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за Святою Богородицею.»

Все это сохранилось въ обычаяхъ и преданіяхъ народныхъ, такъ неопредѣленно и сбивчиво, что только по сличеніи многихъ преданій можно вывести заключенія болѣе вѣрныя и положительныя.

Теперь нельзя объяснить и того, какимъ образомъ праздникъ, начавшись пѣснями о *Купалѣ*, кончается пѣснями о *маренѣ* и *Ганнѣ*. Одно ли это измѣненіе названій, соотвѣтственно времени, переворотамъ и обстоятельствамъ, чрезъ которые прошли народныя вѣрованія, или разные обряды и преданія случайно соединились въ одинъ праздникъ?

По нашимъ лѣтописямъ неизвѣстно, былъ ли идолъ Купалы; въ нихъ сказано только, что Владиміръ велѣлъ иные кумиры разбить, другіе предать огню; но кому они принадлежали, какого изображали языческаго бога, неизвѣстно. Только, вѣроятно, былъ кумиръ Купалы, потому что грубому человѣку надобно видимое изображеніе его мысли или чувства. Каждый праздникъ имѣетъ свою внѣшнюю сторону, въ которой выражается главная его мысль; а сохранившійся обычай дѣлать изображеніе Купалы и пѣсня

Тай въ воду впавъ
Купало пидъ Ивана!

еще болѣе убѣждаетъ въ этой мысли. Въ этой пѣсни опредѣлительно говорится даже о днѣ, въ

который пали кумиры, или по-крайней-мѣрѣ кумиръ Купалы.

Въ воспоминаніе ниспроверженія кумировъ долго существовалъ въ Польшѣ обычай дѣлать изъ соломы или конопли идоловъ и, нарядивши въ одежду, съ жалобными пѣснями бросать въ воду. Здѣсь и въ Силезіи 7-го марта дѣлали идола *Мараны* или Маржаны (marzani) и съ пѣснями потопляли его въ рѣкѣ или въ озерѣ ([13]). Быть можетъ, въ Малороссіи эта Маржана замѣнялась мареною, въ память которой теперь носятъ дерево; быть можетъ также, праздникъ и названіе марены заимствованы. Но какое имѣла отношеніе марена къ Купалу—скрыто отъ насъ; только по дереву, которое замѣняетъ ее, можно предполагать, что подъ нею разумѣли растительную силу природы, и въ этомъ смыслѣ она могла имѣть довольно общаго съ Купалою, какъ праздникомъ средолѣтія.

Неизвѣстно также, какъ привились къ празднику Купалы пѣсни о какой-то Ганнѣ. Порою мнѣ приходило на мысль: нѣтъ ли между этой Ганной и близостію ея къ Дунаю и ея несчастной долей чего-нибудь общаго съ царевною Анною, женою Владиміра, свидѣтельницей разрушенія идолопоклонства и введенія христіанской религіи. По лѣтописямъ ей было не легче, какъ говорится въ пѣсняхъ о Ганнѣ: она, оставляя Грецію—сказано у Нестора, сѣла въ ладью, и поцѣловавши родныхъ своихъ, съ плачемъ поѣхала за море.

Но самъ, не довѣряя догадкамъ, несмотря на

нѣкоторыя данныя, вѣрю, что будетъ время, когда разоблачится народный бытъ съ его повѣрьями, пѣснями, обычаями, со всѣмъ, что составляетъ ежедневную жизнь, знанье, вѣру, желаніе, мечту и нужды всей массы народа.

Примѣчаніе. Собирая свѣдѣнія и повѣрья о Купалѣ, я руководствовался словами крестьянъ, и въ особенности женщинъ и дѣвушекъ; былъ на нѣсколькихъ празднествахъ въ самый день Купалы, и могу поручиться за вѣрность описанія того, что я видѣлъ, и точность пѣсень, которыя слышалъ. Правда, я помѣстилъ здѣсь полное празднованіе, какое только удавалось мнѣ видѣть. Въ однихъ мѣстахъ не поютъ нѣкоторыхъ пѣсень; въ другихъ не дѣлаютъ Купалы, а ходятъ около одной марены; въ иныхъ мѣстахъ не смѣютъ раскладывать огней, а накладываютъ большой ворохъ крапивы, прыгаютъ чрезъ него съ пѣснями и часто нарочно обжигаются. Навѣрное еще многое откроется при дальнѣйшемъ собраніи пѣсень и повѣрій, объ этомъ праздникѣ, въ Малороссіи. Вообще же въ губерніяхъ волынской, подольской, кіевской, черниговской, полтавской, харьковской и воронежской, въ которыхъ считается до 10,000.000 жителей, сохранился праздникъ Купалы въ большей силѣ, и сопровождается весельемъ и какою-то торжественностію. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, можно, почти близъ каждой Малороссійской деревни, видѣть, въ день Купалы, купальскіе огни и слышать купальскія пѣсни. Съ высокаго мѣста часто видно вдругъ нѣсколько десятковъ огней. Въ тотъ же день горятъ они почти близъ всѣхъ Малороссійскихъ селеній, по всему протяженію Новороссійскаго Края. Кто желаетъ посмотрѣть на праздникъ Купалы и послушать купальскихъ пѣсень, тому ненадобно пропустить вечера и ночи на Ивановъ день. Въ остальное время года неохотно поютъ про Купалу, и то развѣ по строгому приказанію или, можетъ быть, изъ денегъ или подарковъ; но эти пѣсни безъ обычая будутъ безцвѣтны.

ЗАПИСКИ МОЕГО ОТЦА.

КАРТИНА СИБИРИ

1804 - 1809.

(Отрывокъ.)

Сибирь, по своему пространству, есть главнѣйшая часть Россіи и болѣе всѣхъ государствъ на земномъ шарѣ, простираясь отъ 75 до 208° шир., и имѣя почти вездѣ отъ 20 до 30° въ поперешникѣ. Обширный край этотъ заключаетъ въ себѣ разнообразные климаты. На сѣверѣ его нерѣдко бываютъ болѣе 40° морозы по Реомюрову термометру. Зима отселѣ почти не удаляется, и если, между 70—75°, смѣняетъ ее лѣто, самое жаркое, то и въ такомъ случаѣ земля оттаиваетъ только на 5, на 7 и на 10 вершковъ, а градусами пятью южнѣе, оттаиваетъ вершковъ на 12, 20, и рѣдко на 50; а глубже сего, нѣдра земли облечены ледянымъ черепомъ, который въ лѣтнее время холодитъ все живущее на семъ пространствѣ. Человѣкъ здѣсь ничего болѣе не встрѣтитъ, кромѣ моха, кое-гдѣ разбросанной травы, истощенныхъ

цвѣтовъ, водянистыхъ, безвкусныхъ ягодъ и стелящихся по землѣ, вышиною въ футъ, иногда и болѣе, ивняка и березника. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ замѣтнѣе жизнь природы: березникъ начинаетъ рости кустами; съ 69° показывается лиственница; съ 67° кедровникъ, который здѣсь ростетъ иначе, какъ на тундрахъ, заключающихъ въ себѣ минеральныя, согрѣвающія частицы. Съ 67° присоединяется къ симъ деревьямъ ель, можжевельникъ и пихта, а градусомъ южнѣе— сосна. Съ 62° попадается жимолость; съ 59° шиповникъ, ольха и кое-гдѣ тополь; съ 58° липа, боярка и облѣпиха; съ 57° дикая вишня, особливо въ окрестностяхъ рѣкъ Иртыша, Ишима и Тоболя, къ Аральскому Морю. Но съ 52° къ югу, поля и долины Сибири становятся роскошными: здѣсь видны персики, акаціи, дикія яблони. Плоды сихъ послѣднихъ Сибиряки употребляютъ въ салатъ, хотя они еще не вкусны и малы. Здѣсь нѣтъ ни дуба, ни бука, ни береста, ни клена, ни многихъ другихъ деревьевъ, украшающихъ европейскіе лѣса: но опытъ подаетъ надежду на вѣрный успѣхъ. Ягодъ здѣсь большое изобиліе: множество малины, клубники, черной и красной смородины, земляники, морошки, княженики и проч., изъ которыхъ послѣдняя съ пріятностію и благовонностію заключаетъ свойство хмѣля; она преимущественно ростетъ на сѣверо-западѣ, лучше всего родится на жирной землѣ; впрочемъ попадается въ болотахъ и на мѣстахъ возвышенныхъ; листья ея видомъ похожи на земляничные а ягоды на малину, так-

же полупрозрачны и цвѣтомъ изкраспа-фіолетовымъ.

Вообразите же этотъ разсадникъ природы отъ береговъ Ледовитаго Моря до полуденныхъ границъ Сибири. Какъ онъ величественъ и обширенъ, и чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ разнообразнѣе и роскошнѣе, такъ что подъ 53 и 50°, при вершинахъ рѣкъ Тобола, Амана, Уды и около Байкала встрѣчаете климаты Литвы и Пруссіи; а наша Бухтарма для Сибири тоже, что Швейцарія для Европы: благорастворение климата, плодородная почва, водопады, плѣнительные виды, долины, горы, золотыя руды, все дѣлаетъ се страною богатою и прекрасною.

Между 50 и 47° чувствуешь климатъ Украйны, Шлезіи и устьевъ рѣкъ Мааса и Мозеля, лежащихъ 3 и 4 градусами южнѣе этихъ мѣстъ Сибири. Эта разница климата сибирскаго отъ европейскаго, не соотвѣтствующая пространствамъ широты, пораждала во мнѣ вопросъ: *отъ чего она происходитъ?* Многіе, не вникая въ мѣстность, приписывали это *востоку*. Но что это значитъ? развѣ востокъ Азіи не есть западъ для Америки, и развѣ не служитъ для нее востокомъ знойная Африка и умѣренная Европа? По моимъ соображеніямъ, эта разница проистекаетъ отъ иной причины, о которой, сколько мнѣ извѣстно, никто еще замѣчанія не дѣлалъ. Во-первыхъ, она происходитъ отъ мѣстностей Ледовитаго Моря, простирающагося на 4,000 верстъ и всегда, хотя и не вездѣ, загроможденнаго горами льдовъ, ко-

торые силою восточнаго вѣтра наносятся къ устьямъ рѣкъ, къ мысамъ и губамъ, гдѣ долго держатся, потому что южный вѣтеръ тамъ очень рѣдокъ, а теченіе почти всѣхъ впадающихъ въ этотъ океанъ рѣкъ весьма слабо: почти всѣ онѣ въ устьѣ своемъ разливаются очень широко, становятся мелкими и безсильными. Однѣ только бури, которыя также рѣдки въ этой полумертвой странѣ, могутъ разломать ледяныя плотины. Во-вторыхъ, самая Новая Земля, разрѣзанная и отдѣленная отъ матерπка проливами, задерживаетъ стремленіе льдовъ, разносимыхъ вѣтромъ; въ-третьихъ, самыя льдины, выбрасываемыя рѣками, по вскрытіи ихъ, не только не растопляются въ 5-ти или 6-ти недѣльное лѣто, въ которое едва просвѣчиваетъ солнце сквозь густые туманы, но слѣпляются въ огромные плывучіе острова, которые, соединившись со льдами океана, не могутъ пройти сквозь тѣсный Беринговъ Проливъ и такимъ образомъ холодятъ и Азію и Америку; въ-четвертыхъ, самый рубежъ южныхъ горъ Сибири, задерживая сѣверный вѣтеръ, не пропускаетъ сюда теплаго, полуденнаго. Въ истинѣ этого можно удостовѣриться и тѣмъ, что несозрѣвающія до 62-го градуса огородныя овощи въ Сибири, созрѣваютъ подъ 64, 65 и 66 градусами въ Исландіи и сѣверной Швеціи. Причина тому та, что Исландія удалена отъ льдовъ водами Западнаго Океана; а на сѣверѣ Швеціи, нестѣсненный узкими проливами ледъ имѣетъ свободное стремленіе и не успѣваетъ такъ сильно охладить этой стороны, какъ Сибири. Вотъ

отчего востокъ Азіи и Европы холоднѣе востоковъ другихъ странъ, лежащихъ подъ одними градусами широты: онъ въ сосѣдствѣ съ Ледовитымъ Моремъ.

Сторона сія дотолѣ будетъ холодною, пока съ одной стороны Заливы Баффиновъ и Гудсоновъ, а съ другой воды Ледовитаго Моря не оторвутъ отъ Гренландіи прикосновенныхъ къ ней земель и не отмоютъ полюсныхъ льдовъ; а дотолѣ сѣверные вѣтры, дуя какъ въ мѣхъ между хребтами Гренландіи, Лабрадора и проч., даже по населеніи и по очищеніи сихъ мѣстъ отъ непроходимыхъ лѣсовъ, будутъ препятствовать и малѣйшему измѣненію въ климатѣ. Еще есть надежда, въ которую я совершенно вѣрю, что нѣкогда отъ чрезвычайной быстроты Берингова Пролива отъ запада къ востоку, воды океана, стѣсненныя громадами льдовъ, найдутъ большее отверзтіе и наконецъ отторгнутъ у Америки огромныя глыбы оледенѣлыхъ земель и лѣсовъ, покрывающихъ иногда, вмѣстѣ съ холмистыми островами льда, всю сѣверовосточную часть Камчатскаго Моря, ниспровергнутъ мысъ, противоположный Чукотскому, и разрѣшатъ важную для изслѣдователей задачу: лежитъ ли Сѣверовосточная Америка подъ точкою арктическаго полюса? Тогда достаточно будетъ 10-ти дней въ году для выхода изъ Берингова Пролива льдовъ, въ немъ заключенныхъ, и 5-ти недѣль для очищенія Ледовитаго Моря (*).

(*) Ширина пролива, по моимъ соображеніямъ, простирается отъ 125 до 500 верстъ. Г. Сарычевъ во все лѣто 1787 года не

Произведенія Сибири разнообразны не менѣе ея климатовъ. Востокъ и сѣверъ ея изобилуютъ такимъ множествомъ рыбы, что нѣсколько милліоновъ людей ею могутъ быть сыты (*). Только здѣсь ловятся соболи и черныя лисицы; а обильныя пастбища для скотоводства, могутъ для одной Европы вскормить нѣсколько милліоновъ лошадей, быковъ, овецъ и свиней. Рожь, пшеница, ячмень и гречиха даютъ приплоду отъ 3-хъ до 20 и болѣе зеренъ, смотря по мѣстности и полосѣ климата. Конопли и ленъ родятся порядочно: просо и пшеница на югѣ сѣются съ выгодою. Табакъ разводится. До 1805 года во всей Сибири не было ни одного улья пчелъ, а теперь болѣе нежели на 100 тыс. руб. вывозится на Ирбитскую ярмарку. Такимъ успѣхамъ способствуетъ исповѣданіе раскольниковъ, которыхъ здѣсь, особенно по *линіи*, очень много.

Внутренность Сибири усѣяна обширными лѣсами, болотами, полями, лугами; разрѣзана нѣсколькими хребтами горъ и величайшими рѣками въ свѣтѣ; имѣетъ множество озеръ, минеральныхъ водъ, солей, торфу, каменнаго угля, магне-

---

могъ далѣе проникнуть въ море, какъ за 40 верстъ. По увѣренію Чукчей, это было самое жаркое лѣто; а въ обыкновенные годы едва можно плавать на лодкѣ около береговъ: такъ мало растопляетъ и разноситъ льдовъ. Сколько бы ни дули южные вѣтры, при перемѣнѣ ихъ льды въ двое или въ трое сутокъ съ новою силою возвращаются къ берегу.

(*) Сырти, нельма, омули доставляютъ вкусную пищу, а голомянка употребляется на свѣтильники и проч.

зіи; изобилуетъ свинцомъ, серебромъ, полями золотаго песку и драгоцѣнными камнями. Чрезвычайно богатые, но еще неразработанные желѣзные рудники, простираются до 60° сѣверной широты. Вотъ преимущества людей одной части Россіи. Надежды ея столь же обширны. Соединеніе рѣкъ Тоболя и Бѣлой съ Ураломъ, Витоды съ Селенгою, Енисея съ Кетою, Собы съ Печерою, и, протекающихъ близъ рубежа нашего съ Китаемъ, Иги съ Капунью, которыя безъ запруднения Китайцы уступятъ намъ взамѣнъ земель, лежащихъ по правую сторону рѣки Уды, впадающей въ Охотское Море. Это соединеніе сблизитъ насъ съ Европой, Америкой и южно-азіятскими государствами; усилитъ востокъ Сибири и доставитъ возможность сплавлять товары наши изъ иркутской, томской, тобольской, пермской и оренбургской губерній въ Персію, несравненно за низшія цѣны; а изъ юго-востока томской губерніи, въ Нерчинскій Край; изъ Иркутска же облегчитъ торговлю съ Китаемъ, и доставивъ болѣе удобствъ торговлѣ китайскими товарами съ Европою, дастъ возможность привозить ихъ за цѣны дешевле противу нынѣшнихъ, хотя бы была взимаема и большая пошлина за пропускъ ихъ чрезъ границу и чрезъ шлюзы, которые можно отдавать на откупъ частнымъ людямъ, для *возвращенія издержекъ на заведеніе и поддержаніе*. Эта дешевизна товаровъ объясняется тѣмъ, что: 1-е Англичане и Американцы для вывоза китайскихъ товаровъ изъ Кантона и Макао строятъ корабли

въ нѣсколько сотъ разъ дороже рѣчныхъ судовъ и подвергаютъ цѣлость ихъ товаровъ и жизнь свою большему риску, переплывая океаны; 2-е употребляютъ для пути около года а иногда и болѣе; 3-е снабжаютъ ихъ харчами, которые отъ 2-хъ до 20-ти разъ дороже покупаемыхъ въ южной Сибири. Напротивъ, Сибирь имѣетъ всѣ выгоды для сей торговли: дешевую постройку небольшихъ рѣчныхъ судовъ изъ собственнаго лѣса, малый рискъ, которому подвергается перевозъ на нихъ товаровъ, дешевизна харчей и скорость доставленія товаровъ, такъ, что для перехода судна изъ южной Сибири до устья Печоры потребно не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, то есть къ исходу августа. Все это подаетъ большія надежды на возрастаніе благоденствія въ странѣ богатой всѣмъ и важной по торговлѣ съ Америкою и азіятскими государствами.

— ъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ПУТИВЛЬ.

(Отрывокъ)

Если вы проѣзжали лѣтомъ Путивль, то вѣрно любовались прелестнымъ его мѣстоположеніемъ, плодоносіемъ окружныхъ полей и живописною Семью, свободно разливающеюся здѣсь во всей красотѣ по ровнымъ веселымъ лугамъ или въ тѣни высокихъ холмовъ, покрытыхъ рощами, селеніями и миловидными хуторками, разбросанными въ окрестностяхъ города, среди зеленѣющихъ садовъ.

Но это благословенное и нынѣ столь спокойное Посемье, удѣлъ добродушнаго Святослава Ольговича и храбраго Игоря сѣверскаго, нѣкогда главный притонъ самозванцевъ и гнѣздо возмутителей, откуда неистовыя толпы стремились безпрестанно буйствовать на пепелищѣ отечества,— замѣчательно еще и въ другомъ отношеніи. Мнѣ всегда казалось, что съ небольшею дѣятельностію не трудно отыскать здѣсь любопытные матe-

ріялы для исторіи; недавно же повѣривъ опытомъ мои предположенія, я совершенно убѣдился въ этомъ. И хотя имѣлъ возможность удѣлить только нѣсколько дней на поверхностный обзоръ города, и не успѣлъ собрать значительныхъ свѣдѣній, но какъ и одна черта, дополняющая что-либо въ исторіи, стоитъ уже вниманія просвѣщеннаго наблюдателя, то отложивъ до времени обстоятельное описаніе Путивля, познакомлю на первый случай съ городкомъ его, и надгробнымъ камнемъ Князя Василія Георгіевича, который въ первый разъ срисованъ мною по просьбѣ бывшаго путивльскаго предводителя А. Н. Львова, и кажется, напечатанный, вмѣстѣ съ описаніемъ моимъ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, повтореніе о столь рѣдкомъ отечественномъ памятникѣ считаю не только не лишнимъ, но даже необходимымъ, чтобы исправить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ первое описаніе.

Площадь, на которой расположенъ Путивль, у прибрежья Семи, разбиваясь оврагами на отдѣльные холмы, имѣетъ на одномъ изъ нихъ древній *городокъ*, замѣчательный историческими воспоминаніями и прелестными видами. Справа, по набережной Семи, подымается, не въ дальнемъ разстояніи отсюда, высокій зеленый курганъ съ горнею церковью св. Николая, — мѣсто рѣдкое по красотѣ положенія; далѣе низменность занята подгородною слободою, примыкающею къ казеннымъ мельницамъ, и около нихъ, на другомъ берегу. недавно устроенный, по проекту г. Пузанова, обвод-

ный каналъ, по которому 15 іюля 1836 года, глава путивльскаго купечества Бѣляевъ, первый открылъ судоходство, отправивъ барку съ туземными произведеніями въ Кременчугъ. Желательно, чтобъ примѣръ его подѣйствовалъ на прочихъ, и торговая дѣятельность оживила прекрасный, плодородный край. Во всякомъ предпріятіи начало трудно и обыкновенно встрѣчается недовѣрчивостію: только время и опытъ, при содѣйствіи правительства, умудряютъ людей, и даютъ благодѣтельное направленіе капиталамъ и занятіямъ жителей. Влѣво за глубокимъ логомъ выдвигается на скалѣ *Монастырь Молчанскій* или *прежняя каменная крѣпость,* о которой упоминаетъ Маржеретъ (1) и которой ветхія башни и стѣны съ амбразурами и казематами еще цѣлы, и покойно отживаютъ вѣкъ свой на живописныхъ крутизнахъ, заросшихъ плодовитыми деревьями монастырскаго сада, кромѣ отличныхъ фруктовъ, свойственныхъ здѣшнему климату, въ иные годы производящаго даже виноградъ, совершенно вызрѣвающій на открытомъ воздухѣ. Основанная при Великомъ Князѣ Василъѣ Дмитріевичѣ, въ 20 верстахъ отъ города (гдѣ устроена потомъ пустынь Софроньевская) обитель молчанская существовала тамъ до 1593 года, когда Татары, разоривъ ее, принудили монаховъ поселиться въ этой самой крѣпости, гдѣ находились принадлежащія имъ церкви. Что видно изъ копіи съ подлинной грамоты, данной іеромонаху Сергію 1729 года, на монастырскія вотчины, и хранящейся въ путивльскомъ монастырѣ, так-

же изъ записокъ о Софроньевой пустынѣ. Въ этой крѣпости, какъ безопасномъ пристанищѣ, вѣроятно, жилъ и первый самозванецъ: въ главной церкви показываютъ чудотворный образъ Жировицкой Богоматери съ польскою надписью, пожертвованный, можетъ быть, кѣмъ-нибудь изъ сподвижниковъ Отрепьева (а), а въ архимандритскихъ кельяхъ готическое кресло Лжедмитрія, украшенное рѣзьбою и позолотою. Здѣсь и могила греческаго патріарха Іереміи, умершаго въ Путивлѣ, на возвратномъ пути изъ Москвы 1654 года. Объ этомъ упоминается въ путешествіи въ Москву арабскаго патріарха Макарія (Библіотека для Чтенія, 1836 г., N 15), и что дѣйствительно подтвердилось Синодикомъ обители, гдѣ сказано: «Сіи архіереи гречестіи погребены здѣсь въ монастырѣ: преосвященный *Іеремій*, преосвященный *Неофитъ* епископъ.» За монастыремъ тянется лѣсистый горный берегъ Семи, на которомъ, верстахъ въ двухъ отъ города, на обрывистой скалѣ надъ самою рѣкою, находятся остатки древняго укрѣпленія, составляющаго валъ и ровъ окружностію съ версту, и извѣстнаго подъ именемъ *Княже-*

(а) Образъ большаго размѣра, писанъ на полотнѣ масляными красками, и по обводу круга, въ которомъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, слова: *Pociesznieiszana Dcherrbinyc hwalenieisza nad Seraphiny besz kazy slowo boga rodzaca.* А внизу: *Obraz cdowny P. Mariey w Zyrowicach w XI-e B Walitew.* Число XI указываетъ, кажется, на 1611 годъ отъ Р. Хр. Въ той же церкви панагія, жалованная Борисомъ Годуновымъ, а въ монастырской библіотекѣ острожская Библія. Но обитель эта заслуживаетъ подробнаго описанія.

скаго Городка. Преданіе говоритъ, что тамъ былъ дворецъ князей путивльскихъ, и не такъ давно еще граждане имѣли обыкновеніе, въ лѣтнее время, пріѣзжать туда съ семействами, веселиться въ тѣни густаго лѣса, раскинувъ палатки, угощали другъ друга чаемъ, пѣли и плясали на лужайкѣ, въ виду тихой Семи, крутыми, роскошными изгибами пробирающейся къ городу, гдѣ, съ одной стороны, съ высотъ съ праваго берега сходятъ навстрѣчу царицѣ курскихъ рѣкъ домики, сады, огороды путивльскихъ жителей, съ другой, необозримые луга разстилаютъ ей зеленую пелену свою, и взоръ на пространствѣ сорока верстъ то слѣдитъ за излучистымъ теченіемъ рѣки то разбѣгается по пышнымъ муравчатымъ коврамъ, на которыхъ блестятъ заливы и протоки, мелькаютъ рощи, села, деревни и отдаленные лѣса, или любуется безчисленными садами, которые, осѣняя вершины и скаты холмовъ, обвиваясь около зданій, и спускаясь вмѣстѣ съ ними въ лощины и крутояры, составляютъ лучшее украшеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи, процвѣтавшаго нѣкогда не одними садами.

Положеніе городка, въ срединѣ набережной, занимаемой городомъ надъ Семью, при впаданіи въ нее рѣчки Путивльки, давшей, можетъ быть, названіе городу, на утесистой скалѣ, обнесенной съ сѣвера и запада высокимъ валомъ и рвомъ, а съ юга защищаемой рѣчкою, доказываетъ, что онъ есть первоначальное укрѣпленіе Путивля. На памяти старожиловъ, въ нѣкоторомъ отъ него раз-

стояніи, проходилъ другой такой же высоты валъ, съ тремя воротами, и, соединявшись съ городкомъ, захватывалъ значительное пространство, въ коемъ жители, съ драгоцѣннымъ имуществомъ обыкновенно укрывались при набѣгахъ непріятелей. Теперь еще видны мѣста, гдѣ былъ между валами подземный въ Путивлѣ за водою ходъ, и колодезь, уже завалившійся. Надъ главными воротами со стороны площади стояла деревянная башня, достопамятная явленіемъ на ней въ 7108 (1600) образа Смоленскія Божія Матери Одигитріи, находящагося теперь въ городской воскресенской церквѣ. Съ этой башни стража весьма удобно могла обозрѣвать окрестности. Валъ же, усаженный палисадомъ, оборонялся пушками; но послѣ взрыва пороховаго амбара, лѣтъ за 40 предъ симъ случившагося, — причемъ сгорѣла и башня,— онъ былъ срытъ, а орудія перевезены въ Кіевъ и на луганскій заводъ. Подобнымъ образомъ укрѣплялись всѣ древніе города наши; особенно пограничные, угрожаемые всегда опасностію нечаяннаго нападенія, и устроивавшись на выгодныхъ для обороны мѣстоположеніяхъ, могли для южныхъ сосѣдей нашихъ, по тогдашнему младенческому состоянію военнаго искусства, представить къ овладѣнію ими немаловажныя затрудненія.

Въ 1146 году Путивльцы за щитомъ этихъ земляныхъ оградъ мужественно отражали союзниковъ Изяслава кіевскаго; а въ 1159 году принудили князя Изяслава Давидовича отступить безъ успѣха. На городкѣ, какъ надобно полагать, нахо-

дился и домъ Святослава Ольговича, въ которомъ непріятели въ 1146 году захватили всю его казну: 500 берковецъ меду и 50 корчагъ вина въ выходахъ; на этомъ же прелестномъ мѣстѣ жили, можетъ быть, и прочіе князья путивльскіе, и сынъ мудраго Ярослава галицкаго, Владиміръ, изгнанный отцемъ, имѣлъ пристанище у гостепріимнаго зятя своего Игоря Святославича, успѣвшаго наконецъ примирить его съ разгнѣваннымъ родителемъ. Когда же въ 1185 году, по словамъ вдохновеннаго пѣвца Игорева, герой сѣверскій повелъ удалыя дружины въ степи половецкія добывать смерти или славы, оставленная имъ въ Путивлѣ горестная супруга его встрѣчала здѣсь слезами утро ясное «съ городской стѣны смотря въ чистое поле» и въ сердечной тоскѣ умоляла и солнце, и вѣтры, и струи быстраго Днѣпра возвратить ей друга милаго; а послѣ пораженія Игоря, при нападеніи Половцевъ на Путивль, когда варвары сожгли острогъ его, нашла въ городкѣ защиту и спасеніе. Я полагаю, что этотъ древній *острогъ* находился между Семью и Крынкою на южной оконечности города, гдѣ построена потомъ каменная крѣпость, превращенная наконецъ въ Монастырь Молчанскій, когда правительство послѣ Самозванцевъ, которымъ такъ усердно служили Путивльцы, нашло полезнымъ уничтожить ее. Острогъ и городокъ, составляли двѣ главныя опоры Путивля, издавна щитавшагося крѣпкимъ. Донынѣ еще существуетъ острожный валъ, идущій поперегъ города къ верховью

*

Крынки, о коемъ упоминается и въ грамотѣ Михаила Ѳеодоровича, жалованной Молчанскому Монастырю (7029) 1621 отъ Р. Хр., при Игуменѣ Герасимѣ. Безъ сомнѣнія, и при Самозванцахъ мѣсто это, какъ пребываніе воеводъ, служило также театромъ многихъ замѣчательныхъ происшествій, въ коихъ Путивльцы принимали тогда столь дѣятельное участіе и послѣдствія которыхъ были такъ важны для нашего отечества.

Кромѣ Монастыря св. Спаса, въ городкѣ находились еще двѣ приходскія церкви, съ 1724-го Соборъ Преображенія, переведенный въ уничтоженный Духовъ Монастырь, большой воеводскій домъ (въ которомъ жилъ самъ воевода, и помѣщалась канцелярія его), а съ открытія намѣстничествъ, присутственныя мѣста: казначейство, архивъ и погреба, гдѣ хранилась казна, порохъ и разные боевые припасы; но время все уничтожило, и теперь, среди бугровъ и могилъ, возвышается только частоколъ острога, какъ копья великановъ на безсмѣнной стражѣ запустѣнія; да и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого временнаго гроба живыхъ, валялся въ безвѣстности и небреженіи *надгробный камень Князя Василія Георгіевича,* чудесно сохранившійся до нашего времени. По свидѣтельству очевидцевъ, достойныхъ вѣроятія, въ городѣ находилось до 8-ми подобныхъ плитъ, съ надписями; но невѣжество жителей и безпечность прежняго начальства допустили разобрать ихъ подъ фундаменты домовъ!! Такая же участь угрожала послѣдней, и если бъ не обратили на

нее вниманія, то несмотря на имя княжеское, можетъ быть, пришла бы и ее очередь служить краеугольнымъ камнемъ какой-нибудь обывательской хижинѣ. При всемъ томъ дерзкая рука, кажется, сдвинула уже ее съ мѣста, что по легкости плиты не трудно было сдѣлать, и доказывается отчасти тѣмъ, что она лежитъ на плоскости безъ малѣйшаго возвышенія, и земля, которая по прошествіи шести вѣковъ должна бы значительно вдавиться подъ ней, нисколько не осѣла. По взрытіи, сдѣланномъ мною при г. городничемъ, не оказалось также ни склепа, или какого-нибудь кирпичнаго свода, чего можно бъ ожидать надъ могилою княжескою, а хотя и нашли сосновый, совершенно истлѣвшій, гробъ, нѣсколько гвоздей, которыми онъ былъ сколоченъ, и скелетъ человѣческій, однако не подъ самымъ камнемъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ него; но какъ въ городкѣ при монастырѣ и церквахъ могли погребаться многіе, то по этому нельзя и опредѣлить, точно ли плита покрываетъ могилу князя, или другаго покойника, давно здѣсь положеннаго. Слова на камнѣ вырѣзаны углубленіями; самый же камень, состоящій, кажется, изъ крѣпкаго песчаника, по распоряженію г. Львова, огражденъ рѣшеткою.

Василько или Василій Георгіевичъ былъ сынъ Георгія Долгорукаго, но неизвѣстно ни время рожденія ни первыя дѣла его юности; знаемъ только, что ему отданъ былъ 1149 г. въ удѣлъ Суздаль (2), который Георгій предоставилъ меньшимъ

сыновьямъ своимъ (3). Что въ 1152 оставленъ онъ былъ съ 50 челов. дружины на помощь Святославу Ольговичу, защищалъ съ нимъ Новгородъ сѣверскій отъ нападенія Изяслава, и, при заключеніи мира, возвратился къ отцу (4). Когда же Георгій достигъ цѣли долговременныхъ усилій, прочнаго владѣнія Кіевомъ, Василій 1150 года получилъ окрестность Роси, гдѣ обитали Торки и Берендеи (5), и имѣвши владѣніе близъ древней столицы, столь любезной отцу его, располагалъ, кажется, и самъ основать тамъ жизнь свою; но кончина Георгія, и, послѣдовавшій за нею мятежъ народа, причемъ и домъ, который имѣлъ Василій въ Кіевѣ, разграбленъ былъ жителями, воспрепятствовали исполненію намѣреній его (6). Однако онъ долго еще послѣ того оставался въ поросскомъ удѣлѣ своемъ, и хотя послѣ и принужденъ былъ уступить его сыну В. Кн. кіевскаго Ростислава Рюрику (7); но живя съ ними въ согласіи и дѣйствуя даже заодно противъ врага Ростислава, Изяслава Давидовича (8), не покидалъ южной Россіи; наконецъ, соскучивъ скитаться безъ собственности, тогда какъ принадлежащая ему область суздальская и обширныя земли находились во власти брата его, могущественнаго Андрея, не хотѣвшаго отрѣзать ему ни лоскута изъ владѣній своихъ, рѣшился, можетъ быть, искать управы мечемъ, раздражилъ Андрея, стремившагося къ единовластію, и высланъ былъ изъ предѣловъ отечества. Несчастные изгнанники, Мстиславъ, Михаилъ, Всеволодъ и Василій Георгіевичи,

съ матерью ихъ Гречанкою (мачихою Андрея), удалились въ Грецію. Тамъ императоръ Мануилъ, тронутый горестнымъ ихъ положеніемъ, оказалъ имъ ласку и покровительство, и далъ Василію четыре города на Дунаѣ. Долго ли жилъ онъ въ странѣ чуждой? неизвѣстно; по-крайней-мѣрѣ, когда Всеволодъ и другіе братья его возвратились въ Россію, Василій все еще оставался въ Греціи; но гостепріимство иноземцевъ не замѣняетъ родины; и надпись на камнѣ доказываетъ, что въ 1191 году онъ былъ уже въ отечествѣ, и княжилъ въ Путивлѣ, который могъ доставить ему братъ его Всеволодъ, нѣкогда соучастникъ Василія въ бѣдственномъ изгнаніи, а тогда сильный владыка суздальскій, уважаемый удѣльными князьями, повелитель сѣвера, и отчасти юга Россіи.

Если положить, что Василій Георгіевичъ въ 1152 году (когда оборонялъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ сѣверскій) имѣлъ только 20 лѣтъ, то онъ долженъ былъ умереть 78-ми лѣтъ отъ рожденія.

Въ заключеніе надобно сказать, что городокъ служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки путивльскихъ жителей. И точно, если бъ пустырь этотъ превратить въ англійскій садъ, расчистить Путивльку, невидимо пробирающуюся теперь въ оврагѣ, снести острогъ, который по ветхости и тѣснотѣ своей и безъ того долго служить не можетъ, сдѣлать покойные сходы къ Семи и хотя небольшой памятникъ Василію Георгіевичу, какъ единственному князю, завѣщавшему прахъ

свой Путивлю, то при открытыхъ видахъ, представляющихся отсюда въ разныя стороны, мѣсто это было бы очаровательно, и конечно немногіе уѣздные города могли бы похвалиться пріятнѣйшимъ гульбищемъ..

Надпись на камнѣ:

Лѣта въ 708-е или 718-е: литера И можетъ означать двѣ И и І. (18), вмѣстѣ соединенныя, и послѣднее число болѣе можно согласить съ историческими обстоятельствами, почему кажется и должно читать такъ:

Лѣта въ 718-е въ Путивле в (ѣ)
Преставился рабъ Божій благовѣрный (*)
Князь Василій Георгіевичъ.
Въ 19 году княженія (о вѣроятно ѳ)
скончался.

Изъ 7345 лѣтъ отъ С. М.
— 6718 отъ С. М.

627 столько протекло отъ кончины Князя до нашего времени.

Изъ 1837
— 627
Выйдетъ 1210, годъ кончины Князя.

Изъ 1210
— 19
1191, начало княженія.

(*) Мнѣ кажется, должно читать не благовѣрный, а *удѣльный:* и слово д, стоящее на верху строки, кажется, оправдаетъ это предположеніе, тѣмъ болѣе, что названіе удѣльный было въ то времена болѣе общимъ, нежели благовѣрный? Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы слышать объ этомъ мнѣніе отъ автора статьи, видѣвшаго на мѣстѣ самый памятникъ. *Изд.*

А изъ 1210
— 1152, годъ нападенія на Новгор.-сѣвер. Изяслава, когда можно положить Василію 20 лѣтъ.

58
+ 20

78, число лѣтъ жизни его.

Д. Деменковъ.

ОСЕТИНЦЫ.

Не напрасно Европейцы назвали Азію колыбелью рода человѣческаго! Почти всѣ европейскіе народы, еще на памяти исторіи и преданій, вышли изъ Азіи. Одна часть переходила черезъ Кавказскія Горы, другая приплывала къ берегамъ Греціи, Италіи и Пиренейскаго Полуострова, но большая часть шла въ широкія ворота, всегда отворенныя настежъ отъ Каспійскаго Моря до Уральскихъ Горъ и дремучихъ лѣсовъ средней Россіи. Главнымъ жилищемъ всѣхъ перешедшихъ племенъ была средняя Азія, или страна отъ Дона до Восточнаго Океана, и отъ Горъ Уральскихъ — Алтая и Байкала — до Кавказа, Гималая и южнаго Китая. Эта страна не менѣе 5.000 верстъ въ ширину. Она то перерѣзана высокими горами то покрыта обширными морями переноснаго песку то обширными долинами, равнинами и лугами. Кажется, было гдѣ расходиться кочующимъ племенамъ съ ихъ переносными кибитками и огромными стада-

ми; но или принуждаемые необходимостію, или увлекаясь страстями и пользуясь обстоятельствами, или повинуясь, быть можетъ, закону Провидѣнія, призывавшаго ихъ къ измѣненію настоящаго и приготовленію будущаго, племена эти искали одно другаго или встрѣчались нечаянно и вступали въ бой, покоряли или гнали другъ друга, далѣе и почти всегда на западъ, къ намъ, въ Европу, гдѣ нѣтъ широкихъ степей для кочеваго разгула, гдѣ не было удобствъ климата и мѣстности для бродячей жизни, гдѣ все, и мѣстность и климатъ, призываютъ къ гражданственности. Проходили вѣка, побѣдительное племя само становилось покореннымъ и въ послѣднемъ случаѣ также бѣжало на западъ; отталкивало своихъ предшественниковъ съ нашихъ русскихъ степей, если они здѣсь пріостанавливались, поселяясь на ихъ мѣстѣ, или увлекало съ собою далѣе, и заселяло главными массами узкій западъ Европы. Это стѣсненіе и неудовлетвореніе новою непривычною жизнію, битвы и борьба прежнихъ обитателей съ новыми пришельцами, заставляло народы цѣлыми толпами удаляться на сѣверъ, переходить на острова или даже пробиваться на югъ — искать приволья, или, по-крайней-мѣрѣ, дѣла стрѣламъ и мечамъ. Иногда одинъ неожиданный и сильный ударъ раскидывалъ цѣлыя племена во всѣ концы Европы. Самые Фины перешли въ ея сѣверныя пустыни не столько путемъ уральскимъ, какъ съ нашихъ южныхъ степей, тѣснимые другимъ сильнымъ племенемъ, что такъ ясно, такъ просто

показываютъ намъ преданія, названіе мѣстностей и остатки укрѣпленій, что должно составить особенный предметъ изслѣдываній и занять отдѣльную статью. Изъ всѣхъ извѣстныхъ племенъ, занимавшихъ среднюю Азію, племя индо-германское было самымъ сильнымъ и многочисленнымъ. Къ нему принадлежатъ: Пароы, Бактріане, Геты, Алланы, Авганцы, Готоы, вообще германскіе народы и многіе другіе изъ древнихъ народовъ.

По сравненію языковъ, по преданіямъ древнихъ, по нѣкоторымъ историческимъ намѣкамъ и догадкамъ индѣйской миѳологіи, даже по физіологическимъ замѣчаніямъ,—это племя занимало въ глубокой древности центръ средней Азіи. Но откуда оно пришло, спустилось ли съ индѣйскихъ горъ, тѣснимое какимъ-нибудь другимъ племенемъ, или само оттѣснило на сѣверъ и востокъ племена монгольскія, турецкія и финскія, неизвѣстно. Еще въ отдаленнѣйшія времена, задолго до Р. Х., оно, гонимое въ битвахъ или вытѣсненное обстоятельствами, передвинулось къ западу и распространилось за Донъ по Дунаю и Балтійскому Морю. Кажется, первыя его переселенія должно отнести къ тѣмъ историческимъ переворотамъ, когда Малайцы и Негры, занимавшіе долины Индіи, были вытѣснены изъ нихъ племенемъ гималайскимъ, спустившимся съ горныхъ высотъ. Но индѣйскія поэмы, въ которыхъ упоминается объ этомъ переселеніи и гдѣ воспѣты боги и герои того времени, еще недостаточно сравнены, изслѣдованы, и приблизительная ихъ древность еще не совсѣмъ

рѣшена. Кажется, въ это же отдаленное время индо-германское племя двинулось частію на западъ за Волгу, частію въ нынѣшнюю Персію. И такимъ образомъ очистило степи Азіи для своихъ наслѣдователей: народовъ турецкаго и монгольскаго племени.

Въ позднѣйшія времена, т. е. около Р. Хр., и вскорѣ послѣ того, были другія сильныя переселенія того же племени, отдѣленныя одно отъ другаго цѣлыми вѣками, чѣмъ объясняется далекое сходство нѣсколькихъ народовъ одного происхожденія. Въ Европѣ оно уже застало обитателей, о переселеніи которыхъ всѣ изслѣдыванія еще темнѣе, и только одни остатки древняго языка могутъ служить слабою и не всегда вѣрною нитью для открытія ихъ родства съ какимъ-нибудь кореннымъ племенемъ.

Въ языкѣ индо-германскомъ много корней словъ: санскритскихъ, персидскихъ, славянскихъ, германскихъ и др. Родовое его отличіе составляютъ голубые глаза и бѣлокурые волосы, что такъ несвойственно остальнымъ азіятскимъ племенамъ.

За три столѣтія до Р. Х. восточные историки уже упоминаютъ о бѣлокуромъ племени, жившемъ на предѣлахъ Китая. Оно исповѣдывало вѣру буддійскую и имѣло своихъ шамановъ, вѣроятно, перешедшихъ вмѣстѣ съ вѣрою изъ Индіи.

Къ нему причисляютъ китайскія лѣтописи нѣсколько извѣстныхъ имъ народовъ: *Килигизовъ, Тинглинговъ, Усуновъ, Гуте, Хипша* и *Аллановъ*. Обозрѣніе каждаго изъ нихъ тѣмъ любопытнѣе,

что всѣ они одного происхожденія съ Осетинцами, и хотя непосредственно соединены съ ихъ судьбою.

Килигизы, или Киргизы, всѣ были бѣлокурые съ голубыми глазами, такъ что черноволосые считались между ними людьми другаго происхожденія. Когда усилились турецкія племена и распространились по степямъ средней Азіи, то *Килигизы* вѣроятно были покорены ими, смѣшались и утратили свой языкъ. По-крайней-мѣрѣ Китайцы пишутъ, что Турки женились на Килигизкахъ, и Килигизы брали себѣ женъ изъ турецкаго племени. Несмотря на это смѣшеніе, до-сихъ-поръ много встрѣчается между Киргизами бѣлокурыхъ и рыжихъ съ голубыми глазами. Число Килигизовъ простиралось до нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ. Ослабѣвши въ частыхъ войнахъ, они были покорены воинами Чингисъ-Хана подъ настоящимъ ихъ названіемъ *Киргизовъ*. На мѣстахъ ихъ жительства находятъ *руны*, сходныя характеромъ съ греческими и латинскими буквами, что даетъ мысль объ отдаленномъ и тѣсномъ сношеніи Европы съ Азіею, котораго теперь не подозрѣваютъ люди ученые.

Тинглинги, жили во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр. отъ Байкала до верховьевъ Оби и Иртыша. Вскорѣ были покорены Корейскимъ племенемъ, а въ VI вѣкѣ смѣшались съ Киргизами.

Усуны, занимали до времени нашего лѣтосчисленія южныя части Китая. Число ихъ простиралось до 600 тысячъ душъ. Они также были въ

зависимости отъ Корейскаго племени. Часть ихъ, вѣроятно, по случаю войнъ, передвинулась на западъ къ Аральскому Морю, а другая смѣшалась съ Киргизами, и въ VII вѣкѣ подпала въ зависимость турецкаго племени.

Гуте, объ нихъ упоминается у китайскихъ историковъ въ половинѣ III вѣка. Имя ихъ отзывается именемъ Готѳовъ, принадлежавшихъ къ тому же племени.

Хитшу, жили на мѣстахъ нынѣшняго *Кашгара*, и, переходя изъ рукъ въ руки, покорены въ IX вѣкѣ Китайцами.

Алланы, были извѣстны Китайцамъ во II вѣкѣ до Р. Хр. подъ названіемъ *Янтсе*. Въ это время они жили, кажется, у береговъ Аральскаго Моря. Черезъ два вѣка послѣ того они уже называются *Аллан-нами*. Въ началѣ III столѣтія вели кочевую жизнь и были раздѣлены на мелкія владѣнія, а въ VI уже не встрѣчаются въ повѣствованіяхъ Китайцевъ. Въ Европѣ становятся извѣстны греческимъ географамъ въ царствованіе Августа. Въ это время они жили по берегамъ морей между Дономъ и Днѣпромъ, откуда вытѣснили своихъ же одноплеменниковъ Рокс-алановъ и Язиговъ.

Распространимся нѣсколько объ этомъ народѣ, потому что и *Осетинцы*, предметъ нашей статьи, составляютъ живой и чистой его остатокъ.

Еще во времена Геродота нашъ Донъ назывался Дономъ или *Таною*, что означаетъ собственно,

на языкѣ Алланскомъ, и нынѣшнемъ Осетинскомъ, *рѣку*. Это доказываетъ древнее переселеніе индо-германскаго племени изъ Азіи въ Европу. Около Рождества Христова Страбонъ зналъ на Кавказѣ Аллановъ или *Албановъ*. Онъ говоритъ, что эти Алланы вели мѣновую торговлю, не знали употребленія денегъ, не умѣли считать далѣе ста и не было у нихъ ни опредѣленныхъ мѣръ, ни вѣсу. Къ войнѣ были способны, и бились конные и пѣшіе. Противъ Помпея они выставили 60,000 пѣхоты и 22,000 конницы. Стрѣлы, луки и дротики составляли ихъ оружіе; щиты и кожаные шлемы были въ употребленіи. Поклонялись солнцу, лунѣ и богу грома. Жрецъ главнаго ихъ храма пользовался большимъ уваженіемъ и владѣлъ обширными и населенными землями, принадлежавшими храму. Албанцы очень уважали старость: и это почтеніе къ старымъ людямъ не ограничивалось одними родственниками: оно было одинаково ко всѣмъ старикамъ. Что же касается до мертвыхъ, то Албанцы или Алланы считали безбожіемъ заниматься ими. Съ покойниками хоронили всю ихъ собственность.

Спустя послѣ этого описанія четыре вѣка, другой лѣтописецъ, Амміанъ Марцелинъ, говоритъ, что Алланы получили названіе отъ какихъ-то горъ и обитали въ его время, т. е. почти за 1400 лѣтъ до нашего времени, у Дона, и далѣе на юго-востокъ до самаго Ганга, владычествуя надъ многими народами. Они вели жизнь кочевую, и жили въ повозкахъ, покрытыхъ рогожами. Останавли-

ваясь на пастбищѣ, ставили повозки *вкругъ*, гдѣ, какъ въ укрѣпленіи, оставались жены и дѣти, когда взрослые люди шли на битву. Всѣ они были красивы, высоки и бѣлокуры; въ ихъ глазахъ было что-то страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное. Всѣ они были воинственны, производили грабежи и охотились по берегамъ Азовскаго Моря и далѣе до Арменіи и Мидіи. Кожа съ непріятельскихъ череповъ была ихъ воинскимъ трофеемъ, какъ служитъ она въ наше время трофеемъ у американскихъ дикарей. Клялись предъ мечемъ, вонзеннымъ въ землю, и всѣ считались равными, какъ древніе Германцы, описанные Тацитомъ. Были ли они тѣ же Алланы, о которыхъ говорилъ Страбонъ лѣтъ за 400 до Аммiана, или составляли часть ихъ, неизвѣстно: знаютъ только, что они были одного племени.

Древніе Массагеты, жившіе по обѣ стороны Каспійскаго Моря, также принадлежали къ одному племени, или даже были предки Аллановъ. Часть ихъ, жившая на востокъ отъ этого моря, была покорена Киромъ, павшимъ въ битвѣ съ Массагетами западными или кавказскими.

Во II вѣкѣ Алланы начали тревожить римскія владѣнія. Въ III вѣкѣ соединились съ Готѳами, которые стали передвигаться въ мѣста, ими занимаемыя. По паденіи Готѳовъ, одна часть Аллановъ двинулась на западъ къ Испаніи и потомъ перешла въ Африку, а другая удалилась за Донъ, соединилась съ другими одноплеменными народами, тревожила Персію и стала здѣсь извѣстна

подъ названіемъ *азіятскихъ Аллановъ.* При Адріанѣ они опустошали римскія провинціи. Около IV вѣка испытали первый ударъ Гунновъ, бились съ ними и потомъ добровольно соединившись съ страшными пришельцами, ринулись на Европу. Только часть осталась на Кавказѣ, гдѣ былъ ихъ жилищемъ нынѣшній Дагестанъ, который назывался древними *Албаніею.* А что Алланы и Албаны одинъ народъ, то на это много доказательствъ: императоръ Іюліанъ въ рѣчи къ войску говоритъ, что уже «Помпей сражался съ Албанами, которыхъ мы называемъ Алланами.» Прокопій зналъ на Кавказѣ уже однихъ Аллановъ; арабскіе писатели среднихъ вѣковъ называли страну, занимаемую нынѣ Осетинцами, Аланіею, и извѣстные Кавказскія Ворота—алланскими. Вѣроятно объ этихъ южныхъ Алланахъ пишутъ китайскіе историки, что у нихъ были города; потому что Алланы, жившіе въ то время на сѣверѣ отъ Кавказа, вели жизнь кочевую. Посланники папскіе къ монгольскимъ ханамъ знали на Кавказѣ Аллановъ, которыхъ называютъ и *Асами.* Наши лѣтописи еще до того времени упоминаютъ объ Асахъ или Ясахъ. Нѣкоторые изъ древнихъ историковъ называли Аллановъ бѣлыми Гуннами, отъ слова Албани, какъ объясняютъ нѣкоторые, но еще вѣроятнѣе отъ ихъ наружнаго вида, столь отличнаго отъ всѣхъ переселяющихся изъ Азіи племенъ. Соображая индо-германское происхожденіе Аллановъ, становится вѣроятнымъ, что названіе страны Аланіи или Албаніи произошло отъ слова *Альпъ,* ко-

торое на тевтонскомъ языкѣ значитъ *горы.* Вѣроятно въ этомъ же смыслѣ Амміанъ говоритъ, что Алланы получили названіе отъ какихъ-то горъ.

Однозначительность Аллановъ и Осетинцевъ, доказываютъ, кромѣ сходства языка, повѣствованія писателей среднихъ вѣковъ восточныхъ и западныхъ, которые назначаютъ мѣсто жительства Аллановъ тамъ, гдѣ живутъ теперь *Осетинцы, Оссы* или *Яссы*, съ которыми бился нашъ Мстиславъ Удалый, и которые извѣстны подъ именемъ Ассовъ разнымъ посланникамъ, отправляемымъ папами къ монгольскимъ ханамъ. Они, разсказывая о завоеваніяхъ разныхъ земель Татарами, говорятъ, что Батый покорилъ *Аллановъ* или *Ассовъ.* Посѣтившій Кавказскія страны Іосифъ Барбаро въ 1436 году, пишетъ, что «земля алланская, названа по имени народа *Аллановъ*, которые называются также *Азами.* У Грузинцевъ, Турокъ и нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ они и теперь извѣстны подъ названіемъ *Осси.* Одинъ изъ русскихъ миссіонеровъ, прожившій у Осетинцевъ двадцать лѣтъ, разсказывалъ, что у нихъ были въ его время прозванія Алланъ. Нынѣшній осетинскій языкъ также доказываетъ ихъ родство съ Алланами, какъ народомъ обширнаго индо-германскаго племени.

Бывши близкими сосѣдями Грузинцевъ, они входили съ ними въ частыя отношенія, или дружескія, или враждебныя, и грузинскія лѣтописи сохранили о нихъ нѣкоторыя подробности, съ ко-

торыми знакомитъ насъ г. Клапротъ, такъ какъ и съ обычаями и вѣрованіями Осетинцевъ.

«Управлявшись своими князьями, Осетинцы занимали нѣкогда долины Большой и Малой Кабарды и отрасли Кавказскихъ Горъ. Правитель Александра Великаго сдѣлалъ данниками Осетинцевъ, *Лековъ* или Лезгиновъ и Хозаръ; но, возмущенные первымъ грузинскимъ царемъ *Фарнавазомъ*, освободившимся изъ-подъ зависимости Азона, Осетинцы и Леки взбунтовались и отказались платить обычную дань. Большая ихъ часть перешла на сторону Фарнаваза, служила вѣрно и способствовала ему получить царскую власть. Сынъ его, *Сурмагъ*, изгнанный подданными, убѣжалъ къ Осетинцамъ, которые также помогли ему занять престолъ отца. Послѣ того въ грузинской исторіи нѣтъ извѣстій объ Осетинцахъ довольно долгое время, а именно до 90-го года по Р. Х. И если упоминается о Кавказскихъ Воротахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Даріель или Дарубалъ, сдѣланныхъ третьимъ царемъ, Мирваномъ (3787—3837), то они сдѣланы не противу набѣговъ Осетинцевъ, но противъ *Дзурзукетовъ*, т. е. нынѣшнихъ Мид-жеговъ или *Кистинцевъ*. Въ I вѣкѣ по Р. Х. два грузинскіе царя, Азаркъ и Армазель, призвали Осетинцевъ и Лезгиновъ на помощь противу Армянъ. Братья осетинскаго царя, Базукъ и Абазукъ, прославились въ этой войнѣ и оба пали въ битвахъ. Съ этого времени Осетинцы оставались друзьями и союзниками Грузинцевъ до 184 г. по Р. Х. Въ это же время многочисленныя толпы Осетинцевъ

прошли Двалетскими Воротами и сдѣлали набѣгъ на Грузію, въ намѣреніи уничтожить Мцхету, столицу государства, но были разбиты подъ стѣнами города Амзаспомъ, который прогналъ ихъ за горы. На слѣдующій годъ Амзаспъ соединился съ Армянами, вторгнулся въ землю Осетинцевъ и произвелъ большія опустошенія. Но въ скоромъ времени народъ взбунтовался противу Амзаспа, и царь армянскій вошелъ въ Грузію съ сильнымъ войскомъ, подкрѣпленнымъ Греками, и пригласилъ къ набѣгу Осетинцевъ. Они, жаждавши отмстить Амзаспу, съ радостію приняли предложеніе и конецъ войны оправдалъ надежды: Амзаспъ былъ разбитъ и потомъ умерщвленъ Армянами.»

«Въ 263 г. по Р. Х. Хозрой, царь армянскій, былъ въ войнѣ съ Хозревомъ, шахомъ персидскимъ. Хозрою помогалъ Асфагуръ, царь грузинскій: онъ открылъ выходъ черезъ горы, призвалъ на помощь *Осетинцевъ, Лезгиновъ, Хозаръ* и съ ихъ помощію совершенно разбилъ Персіянъ. Но въ то время войско Хозроя грабило Персію; Персы убили его, захватили Арменію и сдѣлали набѣгъ на Грузію. Асфагуръ бѣжалъ къ Осетинцамъ, которые не отказали ему въ помощи, но онъ умеръ въ 265 г. по Р. Х., и Грузія осталась во владѣніи персидскихъ шаховъ. Около 298 г. Мирванъ, первый грузинскій царь изъ персидской фамиліи Козроидовъ, отправился въ Персію войною противу своего брата Барпама, оспоривавшаго его право на престолъ. Пользуясь обстоятельствами, Осетинцы вошли въ Грузію, черезъ Ферошп и Кооцію, и опустоши-

ли страну. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, Мирванъ, по возвращеніи изъ Персіи, вторгнулся въ Осетію, уничтожилъ всѣ селенія до хозарскихъ границъ, и возвратился въ Мцхету, пройдя Двалетскими Воротами. Во время малолѣтства двадцать третьяго грузинскаго царя храбраго Вахтанга-Гургаслана (446 — 499), Осетинцы часто тревожили набѣгами его государство; но возмужавши, Вахтангъ покорилъ Осетинцевъ и весь Кавказъ. Въ одной битвѣ, онъ собственною рукою убилъ двухъ храбрыхъ и прославленныхъ осетинскихъ предводителей, Чагатара и Багатара.»

Около 570 г. Юстиніанъ I-й, византійскій императоръ, назвавшій царемъ грузинскимъ Стефана, провозгласилъ одного Осетинца, по имени *Ростова*, владѣтелемъ ксанскимъ, или правителемъ земель, орошаемыхъ р. Ксани, протекавшею въ Грузіи; далъ ему особенную печать и пожаловалъ почетное платье. Во владѣніи его считалось 39 селеній, которыя впослѣдствіи были перенесены въ другія мѣста, или разрушены или получили другія наименованія. Послѣднимъ и 365 царемъ изъ этой семьи былъ *Давидъ*. Это доказываетъ покрайней-мѣрѣ, что Осетинцы жили въ то время на югѣ Кавказскаго Хребта, на предѣлахъ Грузіи, и что часть ихъ вѣроятно исповѣдывала христіанскую вѣру. Во время бѣдственныхъ замѣшательствъ въ Грузіи, въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ распространенія магометанской вѣры, Осетинцы успѣли пріобрѣсти независимость, но потомъ снова покорились *Давиду-агма-Шене-*

бели, царствовавшему въ Тифлисѣ отъ 1089 до 1130 года. Желавши вѣрнѣе защитить входъ черезъ Кавказскія Горы, онъ велѣлъ построить крѣпкій замокъ, котораго развалины сохранились до нашего времени на скалѣ, въ недальнемъ разстояніи, на югъ отъ Даріела и на востокъ отъ Терека.»

Кажется, въ продолженіе этого времени, т. е. отъ VI вѣка до XII, они были сначала въ сношеніяхъ съ Хозарами, а потомъ съ русскими. Освободившись отъ зависимости первыхъ, вѣроятно, по ослабленіи Хозаръ нашимъ Святославомъ, они были оттѣснены отъ Дона и Черноморіи или Тамани Мстиславомъ Удалымъ и другими князьями. Извѣстно, по-крайней-мѣрѣ, изъ грузинскихъ лѣтописей и преданій самыхъ Осетинцевъ, что они занимали нѣкогда покатости Кавказа и равнины до Азовскаго Моря, котораго названіе звучитъ названіемъ Азовъ, Ассовъ или Осетинцевъ, по имени которыхъ доселѣ называется Азовъ, древній Азгардъ, упоминаемый въ сѣверныхъ сагахъ германскихъ племенъ, которые ведутъ свое начало отъ какихъ-то великановъ *Азовъ*, вѣроятно, своихъ воинственныхъ предковъ. Самое названіе р. Дона также осетинское, и теперь большая часть рѣкъ на мѣстѣ ихъ жительства называются *Донъ*, съ прибавленіемъ какого-нибудь отличительнаго свойства, напр. *Су-донъ*, Черная-рѣка или вода и пр. Самый Яксартъ, гдѣ жила другая часть осетинскаго или алланскаго племени, назывался на ихъ языкѣ также Дономъ или Таномъ, о которомъ упоминаетъ Арріенъ, полководецъ Александра Ве-

ликаго, и отличаетъ его отъ нашего или другаго Дона, о которомъ говоритъ Геродотъ.

Пользуясь нашими замѣшательствами и междоусобіями нашихъ князей, Осетинцы, кажется, снова заняли покоренныя нами мѣста Дона и частію нашу Тмутаракань.

«Спустя около ста лѣтъ, славная грузинская царица Тамара (1171 — 1198) завоевала всю западную часть Кавказа до Чернаго Моря и, покоривши Осетинцевъ, обратила ихъ въ христіанскую вѣру. Но во время правленія ея сына и наслѣдника Георгія (1198—1211) войска Чингисхановы завоевали Грузію и вѣроятно въ это время кавказскіе горцы стали свободны. Когда ханъ Батый, внукъ Чингисхана и первый монгольскій ханъ Кипчака, захватилъ вооруженною рукою Оссетію и изгналъ ея обитателей изъ кабардинскихъ долинъ, тогда они были вынуждены удалиться на высоты Кавказа и поселиться здѣсь въ долинахъ, изъ которыхъ многія получили названія главныхъ осетинскихъ фамилій, напр. Бассіони, Бадилате, Черкессате, Тогата, Курташъ, Сидомони и Чашилате.»

Вотъ повѣствованіе грузинскихъ историковъ.

«Вѣроятно, что возвышенныя долины Кавказа и Кабарды были съ этого времени заняты Осетинцами, а главныя ихъ семейства жили на равнинахъ, съ которыхъ они бѣжали съ своими начальниками въ горы, захватили и удержали надъ ними власть, какъ было это въ *Бадилате* и *Черкессате.*»

«Когда же Батый разрушилъ города и укрѣп-

ленія Осетинцевъ, то, по словамъ грузинскихъ историковъ, страна ихъ стала частію завоеванія и жители удалились на высоты горъ.»

«По основаніи племенемъ Чингисхана кипчакскаго царства на сѣверъ отъ Кавказа, Осетинцы, которыхъ Татары называютъ *Азами* или Ассами, вели съ ними частыя войны.» Для самыхъ Татаръ не легко было управиться съ Осетинцами и, по словамъ Плано-Карпини, они двѣнадцать лѣтъ осаждали одно изъ осетинскихъ укрѣпленій. «Но, кажется, Тахтамышъ, вступившій на престолъ въ 1376 году, совершенно ихъ покорилъ и они служили въ его войскѣ противу Тимура. Послѣ побѣды Тимура надъ Тахтамышемъ (1397), онъ опустошилъ Россію, захватилъ Азакъ (*Азовъ*), ослабилъ кубанскихъ Черкесовъ, и отправился противу осетинскихъ князей Буракена и Буроберди.»

Восточный историкъ разсказываетъ о покореніи Осетинцевъ такимъ образомъ: «Послѣ того, какъ владыка судьбы и правитель міра рѣшилъ своею высокою волею окончить войну въ земляхъ русскихъ и Черкесовъ, въ то время онъ обратилъ свои полки и свои побѣдныя знамена къ горѣ Альбрузу. Знамена покорителя странъ, въ ожиданіи новой побѣды, направились противу Юри-берди и Йиракена, начальниковъ племени *Асовъ*. Путь былъ неровенъ и покрытъ лѣсами; но Тимуръ велѣлъ его очистить и, оставивъ на немъ съ запасами Амиръ-хаджи-сеифъ-эддина, перенесъ войну въ горы Альбруза, поражая безпрестанно невѣрныхъ

то въ ихъ крѣпкихъ нагорныхъ замкахъ то въ ихъ неприступныхъ лощинахъ.»

«Послѣ того Осетинцы вели войны съ крымскими ханами и были изгнаны съ отлогостей Кавказа, преимущественно Черкесами, занявшими ихъ мѣста въ обѣихъ Кабардахъ. Съ этого времени Черкесы постоянно усиливались, а Осетинцы сдѣлались ихъ данниками. Жившіе же на югъ за снѣговыми горами и извѣстные подъ именемъ Твали, остались въ зависимости царей грузинскихъ и подъ властію владѣтелей Арагви, Ксани и Рачи. По раздѣленіи государства (1424) Александромъ I, царемъ карталинскимъ, на три части между тремя сыновьями, Твалетія зависѣла отъ Карталиніи и ея обитатели были подданными царей карталинскихъ, но никогда не забывали пользоваться слабостію своихъ властителей, для своего освобожденія.»

Съ давнихъ временъ Осетинцы болѣе другихъ горскихъ народовъ были расположены къ Россіи и склоннѣе къ принятію христіанской религіи. Вѣроятно, на это имѣли вліяніе хотя слабые остатки христіанской вѣры, нѣсколько развалинъ христіанскихъ церквей, къ которымъ Осетинцы сохраняютъ неизмѣнное уваженіе, и притѣсненія, испытываемыя отъ сосѣднихъ племенъ.

Еще при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ обращено было вниманіе на смиреніе и пріобрѣтеніе Кавказа. Послѣ покоренія астраханскаго царства государь повелѣлъ основать городъ Терки. Обѣ Кабарды, Большая и Малая, отдались подъ его по-

кровительство и помогали намъ въ войнахъ противу Лифляндіи. Когда же царь Иванъ Васильевичъ сочетался бракомъ съ кабардинскою княжною Маріею Темрюковою, то многіе изъ Кабардинцевъ крестились и начали постоянно служить при царскомъ дворѣ. Съ этого времени постепенно увеличивались пріобрѣтенія Россіи на Кавказѣ. Петръ Великій, хотя не успѣлъ окончить своихъ великихъ предположеній въ Кавказскомъ Краѣ, но устроилъ нѣсколько крѣпостей и другихъ укрѣпленій для смиренія его обитателей. Въ исходѣ минувшаго столѣтія наша кавказская линія значительно усилена поселеніемъ Запорожцевъ на Тамани. Между многими подданными Россіи изъ горскихъ народовъ еще въ прошедшемъ вѣкѣ считалось Осетинцевъ нѣсколько десятковъ деревень, а съ полнымъ подданствомъ Грузіи русскому Царю всѣ они сдѣлались подданными Россіи. Но прежнія ихъ отношенія къ другимъ кавказскимъ народамъ еще не кончились.

«Съ успѣхами русскихъ на Кубани и верховьяхъ Терека, Черкесы замѣтно ослабѣли, а Осетинцы, живущіе на сѣверѣ горъ, не пропускаютъ пользоваться обстоятельствами, и всякой разъ, какъ скоро увидятъ свои выгоды, отлагаются отъ подданства Черкесовъ. А нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Дугуру или Дугары, придерживаются князей Большой Кабарды и еще болѣе Малой. Прежде чумы 1807 года они были данниками князей тавъ-султановъ. Вотъ главныя изъ дугурскихъ деревень: *Кубати* на Урдонѣ, Карадже и Ахчин-

шела на Урухѣ и Кубаше-коу на Лезгенѣ. Онѣ построены при выходѣ изъ горъ, лѣтъ 60 назадъ, въ то время, когда семейство тавъ-султана покинуло земли, которыя занимало до этого времени, и удалилось далѣе къ сѣверу въ Малую Кабарду. Всѣ семейства Дугуровъ, которыя обработываютъ черкесскія земли, считаютъ себя подданными тавъ-султана и платятъ ему подать, состоящую въ боронахъ и преимущественно въ мѣдныхъ котлахъ, получаемыхъ изъ Имеретіи. Тавъ-султанъ посылаетъ своихъ дѣтей воспитываться къ Дугурамъ, и такимъ образомъ поддерживается взаимная привязанность, потому что князья становятся, такъ сказать, членами своего народа и научаются народному языку. Въ самой Кабардѣ у нѣкоторыхъ князей въ числѣ ихъ данниковъ есть Дугуры.»

«Вообще Дугуры не могутъ обойтиться безъ Кабарды, получая оттуда соль и въ неурожайные годы просо; а неурожаи въ ихъ возвышенныхъ странахъ очень обыкновенны. Если случается недостатокъ въ зимнемъ кормѣ для скота, то дугурскіе пастухи отправляются со стадами въ долины Кабарды, гдѣ въ концѣ марта все бываетъ покрыто зеленью, между тѣмъ какъ горы лишены въ это время растительности.»

«Въ свой чередъ и Черкесы принуждены во время лѣта перегонять стада изъ долинъ, гдѣ все сохнетъ и гдѣ оводы и комары не даютъ покоя, въ горы, занятыя Дугурами. Такъ два наро-

да, связанные безпрестанными нуждами, живутъ въ добромъ согласіи.»

«Другія осетинскія поколѣнія рѣдко бываютъ въ сношеніяхъ съ Черкесами. Лѣтъ за 50 (около 1760) поколѣніе Шимитовъ въ Терекской Долинѣ было въ подданствѣ у князей Малой Кабарды, Гилангсановъ; но съ того времени взбунтовалось и отказалось отъ подати. Вообще всѣ Осетинцы, исключая Дуґуровъ, въ непріязни съ Кабардинцами и тревожатъ другъ друга набѣгами.»

«Сами себя Осетинцы называютъ *Иръ* или *Иронъ*, что не имѣетъ ни какого значенія на ихъ языкѣ. Страну свою называютъ *Иронъ-сагъ* или *Иронистанъ*. Это названіе доказываетъ также ихъ индійское происхожденіе, потому что, слѣдуя Геродоту, Мидійцы называли себя *Аріонъ*, и до сихъ поръ вся Персія называется *Ираномъ*. Нагайцы и другіе Татары называютъ Осетинцевъ *Озъ* и *Тавли* или горцы, потому что они занимаютъ самыя высшія части Кавказскихъ Горъ. Черкесы зовутъ ихъ словомъ *Кушга*, которое придается всѣмъ горамъ и значитъ *кость*, но только въ другомъ значеніи. Племя Меджеговъ называетъ ихъ *Гири* или, вѣроятно испорченнымъ словомъ *Иръ*. Лезгинцы называютъ *Оци* или *Оцъ*. Грузинцы *Осси* или *Овси*, а страну ихъ Оссетіею (Оссети). Русскіе также называютъ ихъ *Осетинцами*, хотя это имя несвойственно и принято только по привычкѣ.»

«Осетинцы хорошо сложены, крѣпки, сильны и обыкновенно стройны; мужчины бываютъ ро-

стомъ отъ двухъ аршинъ пяти вершковъ до двухъ аршинъ десяти вершковъ; рѣдко бываютъ толсты, но плотны и мясисты, особенно женщины. Наружнымъ видомъ отличны отъ ихъ сосѣдей и болѣе сходны съ Европейцами. Голубые глаза и бѣлокурые или рыжіе волосы очень обыкновенны между Осетинцами: рѣдко встрѣчаются смуглые. Это люди здороваго сложенія и плодородны; но стариковъ, доживающихъ до 70 лѣтъ, между ними мало видно.» Страбонъ также говоритъ объ ихъ красотѣ и стройности. «Женщины обыкновенно малы ростомъ и не очень красивы: лица у нихъ круглыя и носъ сплюснутый; онѣ сильны: работа и умѣренная пища укрѣпляютъ ихъ еще болѣе. Только въ землѣ Тогауровъ, онѣ стройны, красивы, похожи на Грузинокъ и вѣроятно получили лучшую наружность отъ смѣшенія ихъ предковъ съ Грузинками.»

«Одежда Осетинцевъ одинакова съ черкесскою, только немного длиннѣе и не такъ красива. Короткая рубашка (хадонъ) и панталоны (халавъ) прикрываютъ ихъ наготу; сверхъ того они носятъ черкесскіе архалухи изъ толстаго сукна (цука), и приготовляютъ ихъ сами или покупаютъ у своихъ сосѣдей Балкаровъ и Чеченцевъ. Шапки у нихъ круглыя (худъ), небольшія, сходныя съ черкесскими; зимою носятъ бараньи тулупы. Въ дорогѣ и въ дурное лѣтнее время накрываются буркой (уэлахъ-нимстъ) и надѣваютъ на головы видлоги, которые называются по-татарски *башлыкомъ*, а по-осетински *бацлакомъ.*»

Въ лѣтнее время закрываютъ лице сѣтками, напитанными дёгтемъ, для спасенія отъ мошекъ и комаровъ, которыхъ въ странѣ Осетинцевъ очень много. «Не умѣя сами приготовлять бурокъ, они покупаютъ ихъ у Черкесовъ, а лучтія у Базіановъ. Оставляя свой аулъ, вооружаются винтовкой (топъ), саблей (ахзаръ или кзаргардъ), пистолетомъ (дамбатза) и широкимъ обоюду-острымъ кинжаломъ (кама). Сверху архалуха, на груди дѣлаютъ два кармана и, раздѣливши ихъ мелкими швами, затыкаютъ въ каждый отъ 5-ти до 8-ми костяныхъ или деревянныхъ патроновъ. Кромѣ того, запасаются сошками для ружья, большой деревянной, обитой мѣдью, пороховницей съ нѣсколькими фунтами пороха, и прикрѣпляютъ къ поясу на узкомъ ремнѣ маленькую коробочку съ порохомъ, кинжалъ, ножъ, огниво, кожаный мѣшокъ съ пулями, другой съ кремнями и разною мелочью и коробочку съ жиромъ или постнымъ масломъ для чистки оружія; на шею надѣваютъ на веревкѣ рогъ съ лучшимъ порохомъ, который очень заботливо прячутъ въ боковой карманъ. Ружья всегда завертываютъ въ барсучью кожу, и вообще содержутъ оружіе очень чисто: даже не употребляя его въ дѣло, постоянно чистятъ и предохраняютъ отъ ржавчины, натирая мозгомъ изъ костей. Шомполъ у ружья всегда деревянный съ желѣзнымъ оконечникомъ. Обертывая его тряпкою, они прочищаютъ ружье послѣ каждаго выстрѣла. Зарядъ всегда вычисленъ съ точностію, смотря по силѣ пороха, который всыпаютъ въ

ствολъ безъ пыжа и приколачиваютъ пулею, пригнанною къ отверзтію дула, въ которомъ она крѣпко держится двумя вырѣзанными на ней насѣчками.»

Выходя изъ дому, Осетинцы, подобно всѣмъ горцамъ, всегда вооружены кинжаломъ. Пускаясь по горамъ, они надѣваютъ башмаки (аркипе), сдѣланные изъ кожи серны или козы; зимою обвертываютъ ноги мелкимъ сѣномъ и обвязываютъ сверху ремнемъ. Эта обувь придаетъ имъ легкость въ переходѣ чрезъ самыя крутыя горы, и они безопасно прыгаютъ со скалы на скалу. Кромѣ того, зимою носятъ большіе деревянные башмаки, чтобъ не провалиться въ снѣгъ.»

«Главное занятіе Осетинцевъ, какъ и сосѣдей ихъ, состоитъ въ разбоѣ. Ловкость молодежи доказывается грабежемъ: удачный и постоянный грабежъ даетъ доброе имя; сдѣлавшись начальниками въ убійствѣ, они пріобрѣтаютъ славу героевъ. Осетинецъ хвалится плутовствомъ, гордится убійствомъ или мщеніемъ. Каждое изъ осетинскихъ поколѣній имѣетъ свои обычаи въ грабежѣ: въ Долинѣ Терекской, и вообще по дорогѣ отъ Моздока въ Тифлисъ, они не дѣлаютъ правильныхъ нападеній, но скрываются по двадцати или тридцати человѣкъ въ лѣсу или за скалами, гдѣ ожидаютъ проѣзжихъ и стрѣляютъ ихъ по одиночкѣ. Имѣя хорошія винтовки и все необходимое для своей цѣли, они рѣдко теряютъ даромъ выстрѣлъ. Перебивши большую часть команды, бросаются на путешественниковъ и захвативши

ихъ, все дѣлятъ между собою; но этотъ раздѣлъ рѣдко обходится безъ споровъ и крови.»

«Сбираясь грабить своихъ сосѣдей, они прибѣгаютъ къ другому средству, чтобъ удачнѣе захватить лошадей, рогатый скотъ, а иногда и самихъ жителей. Толпа Оссетинцевъ, человѣкъ отъ 12-ти до 20-ти, выбравши бурную и дождливую ночь, отправляется пѣшкомъ въ непріятельскія деревни, и въ то время, какъ одна часть стоитъ на сторожѣ у сяклей, прицѣлившись въ двери, чтобы не выпустить изъ дому жителей, другая очищаетъ хлѣвы и стойла и захватываетъ все, что только успѣетъ. Кончивши свое дѣло, толпа спѣшитъ удалиться съ добычею.»

«Оссетинцы, живущіе между Терекомъ и Фіагомъ, часто прокрадываются чрезъ самыя высочайшія снѣжныя горы, по тайнымъ тропинкамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, и дошедши такимъ образомъ до жителей Балкара или Чегема, захватываютъ все, что только попадется имъ подъ руки, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, которыя здѣсь очень красивы; потомъ, смотря по нуждѣ, они, или продаютъ добычу своимъ сосѣдямъ, или оставляютъ за собою. Валагирцы и другіе Осетинцы, живущіе по берегамъ Ардона, ведутъ безпрерывныя войны съ Дугурами, и дѣлаютъ частые набѣги на ихъ земли.»

«Они стрѣляютъ навѣрное съ прицѣла и сѣвши на землю, но заряжаютъ ружье по нѣскольку минутъ; а если дерутся верхомъ, то должны сходить съ лошади, чтобъ вбить пулю въ ружье.

Начиная перестрѣлку, выбираютъ безопасное мѣсто и спокойно ожидаютъ непріятеля, чтобъ вѣрнѣе убить его. Если ихъ много, то они никогда не дерутся вмѣстѣ, но по одиночкѣ, чтобъ успѣвать стрѣлять и заряжать ружья одному послѣ другаго: становятся въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ за другимъ, и если отступаютъ въ битвѣ, то передній, выстрѣлившп, бѣжитъ за послѣдняго и снова стрѣляетъ, когда дойдетъ до него очередь. Въ такомъ положеніи они стараются выбрать покатость, располагаются по уступамъ, и вообще такъ хорошо пользуются мѣстностію, что десять человѣкъ могутъ защищаться противъ ста. Вообще ихъ войны и набѣги болѣе нечаянны, нежели правильны. Страшные въ первомъ ударѣ, они не столь запальчивы впослѣдствіи; храбро и упорно защищаются въ засадахъ и бьются отчаянно, окруженные непріятелемъ.»

«Но, будучи рѣшительными разбойниками, Осетинцы, подобно другимъ горцамъ, свято сохраняютъ гостепріимство (кунагъ). Почти нѣтъ примѣра, чтобъ они нарушили этотъ законъ, или, чтобы получившій у нихъ право гостя, былъ оскорбленъ или ограбленъ.»

«Виновнаго въ этомъ преступленіи сбирается судить вся деревня, и обыкновенно осуждаетъ на сверженіе, съ завязанными руками и ногами, съ высокаго утеса въ ручей. Всякой иноземецъ, прибывши къ Осетинцамъ, можетъ быть увѣренъ въ хорошемъ обхожденіи во все время его пребыванія въ деревнѣ. Его кормятъ, поятъ и содержатъ

какъ родственника. Но если онъ оставитъ деревню и отправляется безъ прикрытія, то подвергается опасности быть ограбленнымъ тѣмъ же человѣкомъ, который имѣлъ о немъ попеченіе и далъ право гостепріимства. У Осетинцевъ есть поговорка: «кто встрѣтится съ нами на дорогѣ, того даетъ намъ Богъ.» Если плѣнникъ богатъ, то можетъ выкупиться деньгами или той же цѣнности оружіемъ и скотомъ: заключившій такой договоръ считается подъ покровительствомъ гостепріимства и вся деревня, въ которой онъ живетъ, обязана защищать его. Осетинцы содержатъ своихъ плѣнниковъ, какъ членовъ семейства и не обижаютъ ихъ, выключая случаевъ, когда они покушаются убѣжать.»

«Если чужеземецъ приходитъ въ домъ къ Осетинцу, то хозяинъ спѣшитъ убить барана, сварить его и подать на столъ не разрѣзавши, самъ подчуетъ его пивомъ, которое Осетинцы варятъ лучше всѣхъ жителей Кавказа, такъ что лучшее немного уступаетъ портеру. Во время трапезы, хозяинъ становится подлѣ дверей, опершись на посохъ, и не раздѣляя пищи: рѣдкіе отступаютъ отъ этого древняго обычая. Осетинецъ жертвуетъ всѣмъ, чтобъ защитить отъ обиды своего гостя и не останется въ покоѣ, не лишивши жизни убійцы его. Кровавое мщеніе, принятое на всемъ Кавказѣ, господствуетъ съ большею силою у Осетинцевъ; но рѣдкіе успѣваютъ въ немъ, потому что убійца обыкновенно оставляетъ свою деревню и спасается бѣгствомъ въ терекскіе аулы, а если

и здѣсь предстанетъ опасность, то поселяется въ Моздокѣ, откуда возвращается послѣ подъ родной кровъ.»

«Отмстивши смерть своего гостя, или кого-нибудь изъ родственниковъ, Осетинецъ приходитъ на его могилу и громко говоритъ, что онъ погубилъ убійцу и отмстилъ кровь покойнаго. Мщеніе крови наслѣдственно и переходитъ отъ отца къ сыну и внуку, и часто бываетъ предметомъ ненависти между двумя селеніями. Хотя оно никогда не прекращается совершенно, но по обычаю можетъ быть пріостановлено на нѣкоторое время подарками обиженной сторонѣ. Убійца, скрывшись въ укрѣпленіи, защищается тамъ съ своими близкими отъ нападеній родственниковъ убитаго, а между тѣмъ посылаетъ кого-нибудь изъ друзей къ старѣйшинамъ деревни. Старѣйшины, собравшись, предлагаютъ враждующимъ помириться на годъ съ тѣмъ, чтобы обидѣвшій далъ за это обиженнымъ нѣсколько барановъ или коровъ, а обиженные обязываются оставить его въ покоѣ на цѣлый годъ. Такое условіе можетъ быть возобновляемо по окончаніи срока съ согласія обѣихъ сторонъ.»

«Мужчины занимаются хлѣбопашествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, постройкою домовъ, приготовленіемъ орудій для распашки земли и дѣланія сѣделъ; готовятъ порохъ и выдѣлываютъ кожи для обуви и ремней. Охота составляетъ, послѣ разбоя, любимое ихъ занятіе. Они охотно отправляются къ своимъ друзьямъ и сосѣдямъ, чтобы

погулять съ ними. Всѣ хозяйственныя заботы предоставлены женщинамъ, даже самая обработка полей, которая столько важна для этого народа. Вообще женщины обречены здѣсь на труды: но которыя изъ нихъ подогадливѣе, пріобрѣтаютъ, какъ и вездѣ, большую власть надъ своими полудикими мужьями.»

«Одежда женщинъ, не исключая прически, сходна съ одеждою Черкешенокъ и Кумучекъ, которыя повязываютъ голову цвѣтнымъ сукномъ и прикрѣпляютъ къ нему лоскутъ бѣлой матеріи, спущенной до земли, и называется *тосторомъ*. Этимъ лоскутомъ онѣ закрываютъ лице въ присутствіи мужчинъ; но молодыя женщины и дѣвушки у Черкесовъ и Осетинцевъ носятъ круглыя шапочки, какъ и мужчины. Пожилыя женщины носятъ на головѣ выпуклыя подушечки, набитыя льномъ и обшитыя холстиною; онѣ дѣлаются съ выпускомъ надъ лбомъ, шириною въ ладонь, и приподняты нѣсколько кверху. По сторонамъ и сзади эти подушечки становятся постепенно не толще обыкновенной шапочки. Такая прическа называется *богтакъ*. Сзади прикрѣпляется кусокъ бѣлой матеріи, въ которую завертываются волосы. Этой прической Кабардинки, Осетинки, Дугурки, Беслепейки, Темиргойки и другія племена, живущія къ Черному Морю, отличаются отъ Татаръ; этой же прической и женской одеждой отличаются жены Митджеговъ отъ Татарокъ, Кумучекъ и Черкешенокъ, съ которыми онѣ сходны во всемъ прочемъ.»

«Осетинки не прячутся отъ мужчинъ, и оба пола обращаются свободно. Когда мы останавливались на отдыхъ, то женщины приносили къ намъ куръ, гусей, масло, сыръ, пшеничный и просяной хлѣбъ и другіе запасы, на что бы не рѣшились Черкешенки и Татарки. Онѣ вымѣнивали эти вещи на канитель, которую называютъ *зериндаге*, на иголки, наперстки, кораллы, на желтые мѣдные перстни и холстъ. Для насъ было выгоднѣе мѣняться на канитель, потому что за два клубка, стоющіе не болѣе пяти копѣекъ, намъ давали хорошую курицу и другія вещи въ этой же цѣнности.»

«Осетинки не носятъ панталонъ, употребительныхъ у Черкешенокъ.»

«Если кто-нибудь изъ гостей входитъ въ домъ, то женщины только привстаютъ, а мужчины, вставши, кланяются, и снявши шапку, опять садятся по порядку. Дѣлая поклонъ, они прикасаются рукою ко лбу, а когда хотятъ оказать особенное уваженіе, то берутъ гостя за руку, прикладываютъ сперва къ своимъ губамъ и потомъ ко лбу. Знатные Осетинцы, такъ же какъ и Черкесы, считаютъ предосудительнымъ, чтобы ихъ жены выходили днемъ изъ дому.»

«Многоженство у Осетинцевъ мало распространено; только богатые, какъ исповѣдывающіе магометанскую вѣру, такъ и христіане, имѣютъ по двѣ, а нѣкоторые по три жены (*).»

(*) Вообще Осетинцы плохіе христіане.

«Когда Осетинец хочетъ жениться, то отправляетъ кого-нибудь изъ родственниковъ или друзей съ предложеніемъ къ отцу дѣвушки. Если обѣ стороны согласятся о приданомъ, то женихъ поручаетъ женщинамъ, чтобъ онѣ ночью привели къ нему его невѣсту; приготовляетъ быковъ, барановъ, варитъ пиво и всѣ гуляютъ въ продолженіе трехъ ночей.»

«Приданое составляютъ огнестрѣльное оружіе, сабли, кинжалы, скотъ и другіе предметы. Если старшины осетинскіе женятся на дочеряхъ черкесскихъ узденей, то приданое часто доходитъ до 1000 серебряныхъ рублей. Черкесскіе дворяне также женятся на дочеряхъ осетинскихъ старшинъ. Дѣвство у Осетинцевъ строго сохраняется; но послѣ брака вмѣняется женщинѣ въ честь, если у ней есть любовники. Приступая къ такой связи, любовникъ даетъ своей избранной подарокъ рублей въ пять или десять, и потомъ опять получаетъ его обратно. Дочери богатыхъ людей, особенно изъ колѣнъ Бадилатовъ и Черкесовъ, носятъ, подобно Черкешенкамъ, кожаные корсеты, которые, перехватывая станъ, придаютъ ему стройность. Этотъ корсетъ или поясъ разрѣзываетъ женихъ кинжаломъ. Если мужу наскучитъ жена и онъ безъ причины откажется отъ нея, то лишается приданаго. Если жена оставитъ его, то тесть обязанъ возвратить ему приданое съ прибавкою. А если мужъ оставляетъ жену за невѣрность, то ему отдаютъ только половину

приданаго, потому что, взявши жену дѣвственною, онъ обязанъ заботиться о ея поведеніи.»

«Всѣ Осетинцы курятъ, а Осетинки нюхаютъ табакъ. Трубки у нихъ глиняныя, а вмѣсто табакерокъ, завертываютъ нюхальный табакъ въ тряпки. Женщины моютъ голову сывороткой, что придаетъ волосамъ блескъ и мягкость.»

«Счисленіе дней и мѣсяцевъ у Осетинцевъ и Дугуровъ такое же, какъ у насъ. Воскресеніе называется *хузавибонъ*, или день Господа. Въ этотъ день они ничего не работаютъ, также какъ и въ понедѣльникъ и пятницу, по-крайней-мѣрѣ не производятъ работъ затруднительныхъ. Мѣсяцы имѣютъ свои названія. У *Дугуровъ*, которые не отличаются отъ Осетинцевъ: январь называется *анзуръ*, февраль *камазхунъ*, или время игръ, потому что въ этотъ мѣсяцъ они посвящаютъ себя пляскамъ, играмъ, верховой ѣздѣ и бездѣйствію. Мартъ и апрѣль называются *мархуа-дуа-маи*, т. е. *два мѣсяца поста;* май называется *николаи-маи,* по празднику св. Николая; іюнь *амистульта;* іюль *зозанъ*, или *головомаханье*, оттого что въ это время лошади отгоняютъ головою оводовъ. Августъ и сентябрь называются *рахана-дуа-маи*, или двумя мѣсяцами течки оленей; октябрь *кефти-маи*, или рыбнымъ мѣсяцомъ; ноябрь *горгуба*, по имени св. Георгія; декабрь *ацолагозартъ*, или временемъ недостатка хлѣба и мяса.»

«Вѣра Осетинцевъ одна у всѣхъ колѣнъ. Это странная смѣсь христіанства съ древними предразсудками. Нѣтъ сомнѣнія, что они были хри-

стіанами греческой Церкви. Грузинцы увѣрены, что ихъ царица Тамара, правившая почти за 650 лѣтъ до нашего времени, обратила въ христіанскую вѣру большую часть жителей Кавказа. Въ это-то время построены, находимыя по горамъ, древнія церкви, которыя Осетинцы называютъ *дууаре*, отъ грузинскаго *джевари*, крестъ; впрочемъ, подъ этимъ словомъ разумѣютъ всѣ священные предметы. Осетинцы соблюдаютъ великій постъ предъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ; въ продолженіе осьми недѣль они воздерживаются отъ мяса, масла, яицъ, и ѣдятъ только хлѣбъ, лукъ и горохъ, вареный съ солью. Нѣкоторые постятся въ петровку, успенскій постъ и предъ Рождествомъ Христовымъ. По окончаніи великаго поста, они торжественно собираются въ древнихъ церквахъ, гдѣ старѣйшины читаютъ молитвы; потомъ всѣ вмѣстѣ разговляются мясомъ съ слѣдующимъ обрядомъ. Передъ жертвоприношеніемъ, старѣйшины становятся на колѣни, держа въ рукѣ маленькую палочку, на концѣ которой повѣшенъ кусокъ жира или почки; онъ дѣлитъ это по кусочку всѣмъ присутствующимъ, и остальное бросаетъ въ огонь. Назначеніе жертвы, у которой, кромѣ головы, сожигаются всѣ кости, имѣетъ нѣкоторое сходство съ еврейскимъ пасхальнымъ агнцемъ. Въ жертву приносятъ еженедѣльно, кромѣ великаго поста, масло и барановъ; въ день Архангела Михаила убиваютъ быковъ и варятъ пиво; козъ бьютъ въ Рождество, а свиней въ Новый Годъ. По обыкновенію своихъ сосѣдей Миш-

джеговъ, Ингушей и Карабулаковъ, они называютъ постъ грузинскимъ словомъ: *маркгуа*. По мнѣнію *Рейнегса:* «они вѣрятъ вліянію добрыхъ и злыхъ духовъ, которые имѣютъ различныя имена. Гнѣвъ ихъ стараются укротить постомъ, милостыней и жертвами, даже заклинаньями и чарами.» Но это еще подвержено сомнѣнію. Всѣ Осетинцы, которыхъ я спрашивалъ, опровергаютъ это. Кромѣ церквей и моленъ, у нихъ есть въ горахъ священныя мѣста: пещеры, скалы и множество камней, на опасныхъ мѣстахъ, гдѣ они останавливаются молиться или слушать предреканье стариковъ. Эти мѣста посвящаются пророку Иліи, главному ихъ покровителю; св. Георгію, св. Николаю, Архангелу Михаилу. Когда Осетинцы избѣгаютъ большой опасности, или приготовляются къ важному предпріятію, то старѣйшины становятся на колѣни предъ священнымъ мѣстомъ, и приносятъ въ жертву какое-нибудь блюдо кушанья, или часть своей одежды. Соленая рыба, какъ роскошная пища, считается великою жертвою. Въ пещерахъ и другихъ мѣстахъ, посвященныхъ Иліи, приносятъ ему въ жертву козъ: мясо ихъ съѣдаютъ а кожу развѣшиваютъ на большое дерево, предъ которымъ празднуютъ. Въ Ильинъ день просятъ пророка спасти отъ града и ниспослать богатую жатву. Часто приходятъ въ священныя мѣста, и тамъ опьянѣвши отъ дыма *rhododendron caucasicum,* тотчасъ засыпаютъ, и почитая видѣнные сны пророческими, располагаютъ по нимъ свои дѣла. Сверхъ того у нихъ

есть предвѣщатели, которые живутъ на священныхъ скалахъ и за подарокъ открываютъ будущее.»

«У Осетинцевъ есть старики и старухи, называемые *курисъ-мегъ-цокъ,* или волшебники, которые въ праздникъ св. Сельвестра, вечеромъ, впадаютъ нѣкотораго рода въ изступленіе, падаютъ и какъ сонные распростираются на землѣ. Проснувшись, они разсказываютъ, что видѣли души усопшихъ, или въ большомъ болотѣ, или верхомъ на свиньѣ, на собакѣ, на козѣ. Ежели имъ привидится душа, пожинающая на поляхъ колосья, то это предвѣщаетъ обильную жатву и проч.»

«Осетинцы очень почитаютъ падающія звѣзды, называя ихъ *летающими звѣздами* и летающими крестами, или святыми. Когда на горизонтѣ покажется новый мѣсяцъ, то всѣ увидѣвшіе его дѣлаютъ на воздухѣ крестъ ножемъ или кинжаломъ, противъ луны и звѣздъ; такимъ же образомъ чертятъ около себя кругъ изъ крестовъ, считая появленіе мѣсяца священнымъ.»

«Клятвы Осетинцевъ очень странны. Ежели ихъ обвинятъ въ воровствѣ, то они обыкновенно божатся собакою, кошкою и покойниками; обвиняемый бѣгаетъ по селенію съ собакой и громко кричитъ: я убью эту собаку. Послѣ того, настоящій воръ признается, думая, что сдѣлавшись виновникомъ убійства собаки, навлечетъ на себя несчастіе. Часто клянущійся отрубаетъ голову кошкѣ или вѣшаетъ собаку, говоря, что это животное отмститъ клятвопреступнику, исцара-

павши, искусавши, замучивши виновнаго. Кто подозрѣваетъ своего сосѣда въ покражѣ, тотъ ведетъ его на кладбище, гдѣ лежатъ его ближніе, и обвиняемый, ставши у могилы отца, матери или брата, говоритъ: «ежели я укралъ, пусть буду лошадью отцу, матери, или брату, а ежели невиненъ, пусть это наказаніе падетъ на виновнаго.» Въ Канибѣ и Гналь-Донѣ я былъ свидѣтелемъ другаго рода клятвы, гораздо замѣчательнѣе этой. Обвиняемый билъ палкою по кучѣ навоза и кричалъ: «Пусть такъ бьютъ моихъ родителей, ежели я укралъ.» Положивши скотской навозъ на конецъ палки, они говорятъ заклинанье: «Пускай воръ будетъ этимъ питаться на томъ свѣтѣ.» Такое заклинанье лучше всякаго стража охраняетъ стада. Въ знакъ союза, они втыкаютъ въ землю колъ, объявляя, что нарушитель условія исключится изъ-подъ защиты обычаевъ. Вмѣсто письменнаго условія, даютъ другъ другу палочки съ насѣчками, и каждый замѣчаетъ знакъ условія. Хотя они не умѣютъ ни писать, ни читать, но у нихъ есть родъ хронологіи изъ головъ и роговъ, которые собираются въ мѣстахъ жертвоприношеній: по нимъ вспоминаютъ происшествія, случившіяся въ эти эпохи. Годы считаютъ по жатвамъ, но вообще ихъ лѣтосчисленіе такъ ограничено, что они не могутъ сказать своихъ лѣтъ.»

«По общему образу понятій жителей Кавказа, обычай Осетинцевъ, ѣсть свинину, доказываетъ несомнѣнно, что они не магометане. По этому

Татары называютъ *горами невѣрныхъ* всю страну отъ Сунджа до Чернаго Моря, гдѣ живутъ бывшіе христіане. Самыя знаменитыя и древнія осетинскія и дугурскія семейства бываютъ въ сношеніяхъ съ Черкесами и считаются магометанами, потому что не ѣдятъ свинины; впрочемъ не знаютъ даже молитвъ на арабскомъ языкѣ. О крещеніи не имѣютъ ни какого понятія: обыкновенно, спустя нѣсколько недѣль по рожденіи младенца, старшій въ семействѣ или кто-нибудь посторонній, по произволу даетъ новорожденному имя, которымъ называютъ его до конца жизни.»

«По смерти Осетинца, сбираются его родственники; мужчины обнажаютъ бедра и голову, и бичуются до крови; женщины царапаютъ лице, кусаютъ руки и испускаютъ страшный вопль. Жена покойнаго должна быть изступленнѣе другихъ и воздерживаться въ продолженіе года отъ мяса и другой пищи, которую запрещено употреблять въ постъ. Братъ покойнаго обыкновенно женится на его вдовѣ, для сохраненія семейныхъ пожитковъ: такой бракъ почитается честнымъ и достойнымъ уваженія.»

«У всякаго семейства есть свое отдѣльное кладбище: у нѣкоторыхъ колѣнъ оно состоитъ въ четырехъ-угольномъ сводѣ, съ узкимъ входомъ. Два человѣка входятъ туда, волоча за собою тѣло покойника, простертое на доскѣ. Когда тѣло совершенно разрушится, то кости покойнаго смѣшиваются съ костями прежде его умершихъ родственниковъ, въ томъ предположеніи, чтобы остан-

ки людей одного семейства были вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ колѣнъ, какъ напр. у Дугуровъ, погребаютъ сходно съ другими народами: тѣло покойнаго одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ неглубокую могилу, длиною въ величину тѣла, выложенную внутри камнемъ. Сверху насыпаютъ груду камней и сажаютъ дерево. Въ изголовьи могилы значительныхъ людей ставятъ четырехугольной неправильно обтесанный камень, вышиною болѣе человѣка. Своды надъ могилами рѣдко дѣлаютъ. Тѣло умершаго кладутъ головою къ западу. Если кого поразитъ громъ, то всѣ близкіе радуются, въ увѣренности, что убитой взятъ на небо Иліею; кричатъ отъ радости, поютъ и пляшутъ около тѣла; со всѣхъ сторонъ сбѣгаются люди, пристаютъ къ пляшущимъ и поютъ: «*О Элаи, Элаи элдаэрь чоппэи.*» Что значитъ: О Илія, Илія, житель горныхъ вершинъ. Повторяя мѣрно этотъ крикъ, они пляшутъ построившись въ кружокъ, и то приближаются то отходятъ далѣе. Припѣвъ пѣсни поетъ сначала запѣвало, а за нимъ уже повторяетъ толпа. По окончаніи грозы переодѣваютъ покойника въ другое платье, и положивши на подушку, оставляютъ на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, въ которомъ онъ былъ найденъ, поютъ и пляшутъ до полуночи. Родственники покойнаго также поютъ и пляшутъ, и веселятся какъ будто на празднествѣ, тѣмъ болѣе, что грустный видъ почитается оскорбительнымъ для Иліи, а впослѣдствіи достойнымъ наказанія. Этотъ праздникъ продол-

жается восемь дней, по истеченіи которыхъ свершается погребеніе съ большою торжественностію и празднествомъ. Надъ могилою насыпаютъ кучу камней и подлѣ нее съ одной стороны вѣшаютъ на высокомъ шестѣ черную козью кожу, а съ другой платье покойнаго.»

«Для успокоенія душъ умершихъ людей, у Осетинцевъ, ведется очень странный обычай, называемый *догъ*. Два или три всадника взбираются на утесистую гору въ разстояніи другъ отъ друга верстъ на десять, и кто изъ нихъ прежде достигнетъ вершины, тому остальные оказываютъ почесть и угощаютъ его. Всѣ присутствующіе радуются, пляшутъ и пируютъ.»

«Русскіе дѣлали опыты введенія христіанской религіи между Осетинцами, и по этому случаю учредили въ Моздокѣ въ 1752 году коммиссію изъ духовныхъ особъ. Эта коммиссія устроила монастырь въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Фіагъ, вытекая изъ горъ, входитъ въ кабардинскія долины. Монастырь былъ построенъ на правомъ берегу рѣки, недалеко отъ деревни Буруквеге, принадлежащей черкесскимъ узденямъ *Анзоріо* и называемой русскими *Борукайя*. Въ монастырѣ находилось нѣсколько священниковъ, которымъ было поручено дѣло обращенія Осетинцевъ въ христіанскую вѣру; но какъ всѣ ихъ старанія ограничивались только крещеніемъ народа и каждому новокрещенному давали на счетъ доходовъ губерніи по 10 аршинъ толстаго холста для рубашекъ и нижняго платья, по парѣ сухой рыбы и по металличе-

скому кресту, то Осетинцы собирались большими толпами и многіе крестились по нѣскольку разъ. А жители высокихъ горъ знали христіанство только по имени, называя его *христонъ*, и умѣли креститься. Монастырь существовалъ нѣсколько лѣтъ; но когда одинъ изъ священниковъ обезчестилъ жену богатаго Осетинца, то народъ бросился на монастырь и разрушилъ его въ 1769 году. Въ отмщеніе за такой поступокъ, генералъ Медемъ отрядилъ въ 1771 году часть войска, однако же дѣло кончилось ничѣмъ. Монастырь не возобновили и миссія, устроившись въ Моздокѣ, завела школу для Осетинцевъ, живущихъ въ окрестностяхъ города.»

«Осетинцы, живутъ ли они деревнями, или одиноко, въ обоихъ случаяхъ живутъ разнообразно. Обыкновенно деревни бываютъ малы и такъ близки одна отъ другой, что кажутся однимъ селеніемъ, и называются по имени старшинъ, которые прекращаютъ несогласія, сохраняютъ порядокъ и пользуются большимъ уваженіемъ, но не сбираютъ ни какой дани. За то всегда идутъ первыми на разбой и имѣютъ большое вліяніе на остальныхъ жителей.»

«Дома и деревни очень нечисты, но на улицахъ почти никогда нѣтъ нечистоты, потому что дождевые потоки хорошо смываютъ каменистую почву. На высокихъ горахъ всѣ дома строятся изъ камня безъ глины и извести, вмѣсто которыхъ употребляютъ мохъ или землю; несмотря на это, стѣны очень крѣпки и переживаютъ нѣ-

сколько поколѣній. Дома въ деревняхъ вообще разбросаны; но часто встрѣчаются домовъ пять въ одной связи, укрѣпленныхъ общей стѣною и башнею. Каждый домъ раздѣленъ на два яруса: въ нижнемъ держатъ скотъ, а въ верхнемъ живутъ люди; двери дѣлаются плохо, и свѣтъ проходитъ сквозь четырехугольное отверстіе. Дома, расположенные при выходахъ изъ горъ, строятся изъ буковаго дерева и покрываются соломой или лубками. Встрѣчаются иногда и на горахъ деревянные дома, построенные изъ сосновыхъ бревенъ, но они очень дурно расположены и неудобны. Въ каждой деревнѣ находится зданіе, служащее убѣжищемъ въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Тогда женщины скрываются въ нижнемъ жильѣ, а всѣ мужчины, способные носить оружіе, становятся на верху, стрѣляютъ и бросаютъ камни на враговъ, которые стараются взобраться по лѣстницѣ, чтобъ выломать двери.»

«Очень мало осетинскихъ деревень находится близъ рѣкъ; всѣ онѣ расположены на возвышенныхъ мѣстахъ и по небольшимъ ручьямъ, низвергающимся съ горъ.»

«У всякаго старшины бываетъ три дома: одинъ собственно для него, другой для чужеземца и третій для хозяйства и кухни. Въ первомъ хранится оружіе, развѣшенное по стѣнамъ. Въ комнатѣ сдѣланъ одинъ очагъ, поставлены деревянные козлы на которыхъ развѣшиваютъ на день одѣяло и подушки. Кровать дѣлается вышиною въ полъаршина изъ дерева, съ двумя высокими сторонками

по концамъ, и ставится съ боку, подлѣ очага. На день она покрывается войлоками, на которыхъ сидятъ женщины, поджавши ноги; мужчины сидятъ на низенькихъ скамеечкахъ или на стульяхъ, но на землю никогда не садятся, какъ дѣлаетъ большая часть кавказскихъ народовъ. Тюфяки и подушки набиваются шерстью; богатые люди покрываютъ ихъ тикомъ; одѣяла вышиваются шерстью или бумагой и покрываются ситцемъ, а иногда шелковыми и другими матеріями. Посреди комнаты стоитъ невысокій круглый деревянный столъ, на трехъ ножкахъ. Всѣ купленныя на линіи у русскихъ купцевъ вещи, какъ то: бутылки, графины, стекляныя и деревянныя чашки, фаянсовыя тарелки и пр., всѣ эти вещи, съ проверченными на нихъ дырочками, или привязавши веревочками, развѣшиваютъ въ комнатѣ по стѣнамъ. Другія издѣлія, получаемыя изъ Россіи, они хранятъ въ сундукахъ, обитыхъ жестью.»

«Обыкновенную пищу Осетинцевъ составляютъ: прѣсный пшеничный или ячный хлѣбъ, который пекутъ, подобно Имеретинцамъ, на золѣ; ржаные или просяные пироги, которые рѣжутъ на куски и ѣдятъ вмѣсто хлѣба, иногда горячіе, иногда холодные. Обыкновенно ѣдятъ баранину и говядину, а бѣдные и свинину. Когда нѣтъ мяса, тогда они варятъ похлебку изъ ржаныхъ крупъ. Пьютъ обыкновенно только чистую и здоровую воду, изъ горныхъ источниковъ. Варятъ изъ ячменя пиво, гонятъ изъ ячменя и ржи водку, а изъ ржаныхъ зеренъ приготовляютъ *бузу*.»

«Земледѣліе по горамъ очень тягостно, потому что въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ скалы покрыты желтою глинистою землею и требуютъ ежегоднаго удобренія. Нивы обыкновенно бываютъ на утесистыхъ покатостяхъ, что очень затрудняетъ земледѣліе. Осетинская соха, употребительная и у другихъ горцевъ, нѣсколько менѣе русской. Земледѣлецъ управляетъ ею лѣвою рукою, а правою погоняетъ воловъ. Борона дѣлается изъ нѣсколькихъ обрубковъ дерева, связанныхъ вмѣстѣ, на которые становится земледѣлецъ для увеличенія тягости. Осенью сѣютъ озимую пшеницу, а весною яровую, ячмень и иногда овесъ. У живущихъ при горныхъ выходахъ земли воздѣлываются въ долинахъ, и засѣваются только пшеницей, а еще болѣе просомъ и *боромъ,* котораго зерно менѣе обыкновеннаго. Сверхъ того Осетинцы сѣютъ горохъ, турецкіе бобы, макъ, огурцы, конопли и левантскій тобонъ (nicotiana rustica). Хлѣбъ жнутъ серпами, очень согнутыми, величиною болѣе фута, шириною въ два пальца, съ мелкими зубцами. Косы не бываютъ длиннѣе двухъ футовъ, шириною пальца въ три, довольно прямыя и укрѣпленныя къ коснику, длиною около полутора аршина. Молотятъ хлѣбъ волами на гумнѣ, которое не устилается досками, какъ у степныхъ Татаръ, для того чтобъ не избить соломы, необходимой Осетинцамъ для корма скота въ зимнее время. Зерно хранится близъ дома въ житницахъ, сдѣланныхъ изъ тонкихъ вѣтвей. Мельницы устроиваются на быстрыхъ ручьяхъ; къ

горизонтальному колесу придѣлываются крылья, которыя приводятся въ движеніе силою воды, проведенной посредствомъ жолоба; на вертикальной оси колеса, вырѣзываются зубцы, оборачивающіе жорновъ. Мука выходитъ крупная, но мелется скоро. Жернова дѣлаются изъ кабардинскаго дикаго камня, отличной доброты; но они не введены въ употребленіе на линіи, гдѣ нѣтъ хорошихъ жерновов и мука всегда смѣшана съ пескомъ. Хозяева мельницъ позволяютъ своимъ родственникамъ молоть безденежно.»

«Послѣ землепашества, главное занятіе Осетинцевъ состоитъ въ скотоводствѣ; овцы составляютъ ихъ главное богатство. Они ихъ промѣниваютъ Грузинцамъ и Имеретинцамъ на дешевыя шелковыя матеріи, на полотна, бумажныя издѣлія, серебряную и золотую канитель, желѣзную посуду и оружіе. Съ Черкесами и Армянами мѣняются на соль, и часто на пшено и холстину. Разводятъ много козъ; зато рогатаго скота едва достаточно для земледѣлія: имъ мѣняются только между собою и цѣнятъ его очень дорого. Сыръ дѣлаютъ изъ козьяго молока, масло изъ коровьяго, но оно у нихъ считается рѣдкостію, потому что въ горахъ очень мало травы, и невозможно держать много рогатаго скота. Скошенное на высотахъ сѣно связываютъ въ снопы и скатываютъ внизъ, гдѣ стоятъ повозки для перевоза его въ другое мѣсто. У кого много воловъ, тотъ пасетъ ихъ зимою въ чужихъ табунахъ, или отдаетъ на прокормленіе жителямъ долинъ. Лошади

у нихъ невелики, съ крѣпкими ногами, ходятъ всегда безъ подковъ по камнямъ, вѣрно взбираются по горамъ, рѣдко устаютъ и не спотыкаются. Ослы еще лучше въ этомъ отношенiи. Муловъ держатъ рѣдко, между тѣмъ какъ сосѣдственные Татары, живущiе на высокихъ горахъ, славятся ими.»

«Татарскiя подковы очень полезны въ горахъ: онѣ дѣлаются изъ куска толстаго желѣзнаго листа, ровнаго съ подошвою копыта; посреди нѣ пробивается отверзтiе, края нѣсколько толще, и отъ этого спереди дѣлается родъ небольшаго выпуска; по обѣимъ сторонамъ проверчено по три дыры для гвоздей съ головками, сдѣланными остроконечной призмой, въ два ряда; это помогаетъ лошади удерживаться на голыхъ скалахъ и на высокихъ снѣжныхъ горахъ. Она никогда не можетъ попортить верхней части копыта, ни вырвать подковы.»

«Старшинство между Осетинцами очень уважается: молодые люди не должны садиться въ присутствiи стариковъ; сынъ не садится передъ отцемъ и меньшой братъ передъ старшимъ.» Этотъ обычай былъ замѣченъ Страбономъ за 1800 лѣтъ до нашего времени, и свято сохранился.

«Всѣ осетинскiе старшины владѣютъ своими крестьянами и невольниками, которыхъ достаютъ или покупаютъ. У нѣкоторыхъ служатъ вольные, которые свободно могутъ перемѣнять мѣсто.»

«Они не имѣютъ права брать въ прислугу, дарить или продавать крестьянъ по частямъ, но

цѣлымъ селеніемъ; невольниковъ же могутъ продавать какъ хотятъ; крестьяне и невольники платятъ имъ очень умѣренную подать. Часто за небольшіе подарки идутъ служить вольные; иногда за нихъ выдаютъ замужъ дочерей, или платятъ за приданое, когда они женятся на другой; они же за то служатъ у нихъ опредѣленное время.

«Вотъ имена главныхъ героевъ, которыхъ Осетинцы воспѣваютъ, и которые служатъ имъ примѣромъ: *Ахметъ, Арсланъ-бегъ, Гитекко, Амистала, Амуръ-ханъ, Бахатерасъ, Бахиръ, Бото, Барисба, Бекби, Хамицъ, Дударукъ, Девлетъ, Джаншекъ, Гхевисъ, Гутши, Гази, Пладъ, Гази, Караджай, Мамбедъ, Мисаостъ, Максимъ, Мирза-бегъ, Мерука, Пассеранъ, Соссиреко, Сосланъ, Тезби, Тево, Чанзе.*»

Такъ описывалъ Осетинцевъ ученый путешественникъ за 30 лѣтъ до нашего времени.

Теперь ихъ считается болѣе тридцати пяти тысячъ душъ, и въ нихъ шестнадцать главныхъ колѣнъ: Дугуръ или *Дигоръ, Валаджиръ, Куртаты* или Чипаны, *Тагауры, Рачинцы, Зрамаги* или Мамисонъ, *Паро, Турсо, Кударо, Кешельта, Междуты, Магладолети*, Кудъ или *Гудовцы, Джамуръ*, Гудомакарцы или Гудошаурцы и Джерахи. Они составляютъ самый мирный народъ изъ всѣхъ кавказскихъ племенъ, и стоновятся извѣстными подъ именемъ *кавказскихъ пастуховъ*: пасутъ стада, служатъ проводниками въ горахъ, особенно въ бурное и снѣжное время, исправляютъ дороги, расчищаютъ ихъ, если съ вершины Казбека ска-

тится снѣговая груда, или, какъ говорятъ на Кавказѣ, когда *Казбекъ сниметъ свою шапку,* завалитъ всѣ долины и пресѣчетъ теченіе Терска.

Какъ много могли бы сообщить намъ о горскихъ народахъ наши кавказскіе соотечественники, какъ возможно для нихъ обратить вниманіе на эти остатки великихъ племенъ, нѣкогда страшныхъ для полуміра. Какими свѣдѣніями могли бы они обогатить науку и какія живописныя статьи могли сообщать публикѣ, проникая въ глубину горъ, куда нельзя проникнуть мирному путешественнику, вникая въ жизнь замиренныхъ поколѣній и описывая природу ихъ мѣстъ, ихъ вѣру - повѣрья, ихъ языкъ и пѣсни, ихъ одежду и оружіе, которое притупилось о трехгранные штыки нашихъ кавказскихъ воиновъ.

Вадимъ Пассекъ.

ГРАММАТИКА

ОСЕТИНСКАГО ЯЗЫКА.

(По Клапроту.)

Произношеніе въ осетинскомъ языкѣ сходно съ произношеніемъ славянскимъ и нижне-германскимъ. Вообще выговоръ довольно крѣпокъ отъ частаго соединенія согласныхъ буквъ *кх*, *кг*, *дц*, *дч*, и пр.

Ни существительныя, ни прилагательныя имена родовъ не имѣютъ; напр.: *рессугдъ лагъ* — хорошій мужчина, *рессугдъ узъ* — хорошая женщина и проч.

Прилагательныя дѣлаются изъ существительныхъ, съ приложеніемъ частицъ: *он* и *гинъ*; напр.: *удъ*—духъ, *удгинъ* — духовный; *бонъ* — день, *бонон* — дневный.

Множественное число составляется приложеніемъ къ именительному падежу единственнаго частицъ: *те*, *он*, или *ту*, напр.: *хуцавъ* — богъ, *хуцавте*—боги; *дзику* — волосъ, *дзикуон* — волоса; *биль* — заяцъ, *бильту* — зайцы.

Склоненія.

Единствен. число:	*Множествен. число*:
И. *Ціу* — птица.	Ціу-те.
Р. *Ціу-и*.	Ціу-теи.
Д. *Ціу-энъ*.	Ціу-тенъ.
В. *Ціу*.	Ціу-те.
З. *Анъ-ціу*, о птица!	Анъ-ціу-те.
Т. *Уцъ ціу-эи*.	Унъ-ціу-тэи.
И. Фидъ — отецъ.	Фид-те́.
Р. Фи́д-э́.	Фид-тисти.
Д. Фи́д-энъ.	Фид-тэнъ.
В. Фи-ди.	Фид-те́.
З. Анъ-фидъ.	Анъ фи́д-те́.
Т. Фи́денъ.	Фидель-те.

И. Мои — мужъ.	Мо-энъ.
Р. Мóи.	Мои-өөе.
Д. Мóи-энъ.	Мóи-өенъ.
В. Мои.	Мои-өи.
З. Анъ-мóи.	Анъ моэ́нъ.
Т. Мóи-энъ.	Мои-өеи.

Сравнительная степень дѣлается чрезъ приложенiе къ прилагательному слога *дару*, какъ въ персидскомъ и курдскомъ чрезъ прибавленiе частицы *теръ*.

Мѣстоименiя личныя.

Азъ — я: по-курдски *азъ*, по-литовски и ливски *эзъ*, по-слав. *азъ*. *Ди* или *ду* — ты, также сходно со всѣми славянскими и германскими нарѣчiями: по-персидски *ту*, по-зендски *те*.

Уи — онъ: по-персидски и курдски *у*, по-зендски—*юэ*.

Махъ — мы: по-персидски и зендски *ма*.

Змахъ—вы: по-персидски и зендски *шумá*.

Удонъ—они.

Ме, ма, махи — мой; *дэз, давъ, дахи* — твой.

Эхи, э — — свой; *во,* — — — вашъ.

Агн — этотъ; — *анхузъ* — — тотъ.

Склоненiя.

Единствен. число:	*Множествен. число*:
И. *Азъ* — я.	*Махъ, махдеръ* — мы.
Р. *Ме* — меня.	*Мáхъ* — насъ.
Д. *Махенъ*, *Мáнтехé*, *Мананъ* } мнѣ.	*Махенъ* — намъ.
В. *Манъ*, *Махи* } я.	*Махъ* — мы.
Т. *Манен*, *Менеи*, *Мáхандагъ* } мною.	*Махé*, *Махмé*, *Мáхми* } нами.

Единствен. число:	*Множествен. число:*
И. *Ди* — ты.	*Змáхъ* — вы.
Р. *Дá* — тебя.	*Змáхь* — васъ.
Д. *Давóнъ*, *Давна* — тебѣ.	*Змахенъ*—вамъ.
В. *Давъ, дау* — ты.	*Змáхъ* — вы.
Т. *Давои*, *Дахи* — тобою.	*Змахé*, *Змахма* — вами.
И. *Ун* — онъ.	*Удонъ* — они.
Р. *Іé, эхи* — его.	*Удонъ* — ихъ.
Д. *Уменъ* — ему.	*Удоненъ* — имъ.
В. *Сун* — онъ.	*Удонъ*, *Удониме* — они.
Т. *Умен*, *Умендеръ* — имъ.	*Удонмé*, *Удинма* — ими.

Вспомогательные глаголы.

Бытъ.

Настоящаго времени.

Единствен. число:	*Множествен. число:*
Азъ донъ — я есмь.	*Махъ стемъ*—мы есмы.
Ди де — ты еси.	*Змахъ ступъ*—вы есте.
Ун исъ — онъ есть.	*Ондинъ исти*—они суть.

Прошедшаго.	Будущаго.
Азъ ýденъ — я былъ.	*Азъ удзинемъ*—я буду.
Ди ýдé — ты былъ.	*Ди удзинé*—ты будешь.
Ун ýди — онъ былъ.	*Ун удзéни*—онъ будетъ.

Водъ (вондъ, вóнов) будь.

Имѣть.

Мáмма исъ—я имѣю.	*Змахма исъ*—мы имѣемъ.
Давна исъ—ты имѣешь.	*Мáхма исъ*—вы имѣете.
Ума исъ—онъ имѣетъ.	*Удинма исъ*—они имѣютъ.

Остальные глаголы бываютъ или простые или сложные. Въ простыхъ первое лице настоящаго оканчивается на *инъ*; сложные составляются изъ существительнаго съ прибавленіемъ слова: *кханинъ*.

Неопредѣленное дѣлается перемѣною — *и* перваго лица настоящаго на *е*; напр.:

Урни́нъ — я вѣрю; *Урненъ* — вѣрить.

Для составленія повелительнаго наклоненія, откидывается отъ настоящаго слогъ *инъ*; напримѣръ:

Кханинъ — дѣлать; *кханъ* — дѣлай.
Ва́рзинъ — любить; *ва́рзъ* — люби.

Въ неправильныхъ глаголахъ есть исключенія. Прошедшее время требуетъ предъ большею частію глаголовъ частицы *фе*, или *ни*; а будущее частицы *ба*, какъ *бе* въ персидскомъ; напр., *азъ икъ гу́ссинъ* — я слышу; *азъ фекъ густонъ* — я слышалъ; *азъ банкъ густонъ* — я услышу.

Отрицательныя частицы *а*, *анъ* или *ана*, ставятся прежде словъ; напр.: *арфи* благодарность, *анарфи* неблагодарность, и пр. Отрицательная частица *ма* ставится только предъ глаголами; напр.: *кханъ* — дѣлай, *макханъ* не дѣлай. Иногда ставится *не*, напр. *феттан* — ты видишь; *нефеттан* — ты не видишь. *Не*, значитъ нѣтъ, а два раза повторенное—ни, ни; напр.: *не́ фиццагъ*, *не́ фаццагъ* — ни начала, ни конца.

Частица *нен* также употребляется для отрицанія.

Предлоги: *эи*, *ивъ*—въ, *афонъ*—подъ. Предлогъ *ма*, означаетъ движеніе куда-нибудь, и ставится послѣ слова; *ѳихен* — для, и нѣкоторые другіе, также ставятся послѣ слова.

Нарѣчія: *кхами* — гдѣ, *амъ* — здѣсь, *умъ* — тамъ, *ахиръ-андеръ* — вездѣ, *аля-бонъ* — (всякой день) всегда, *нирдеръ* — теперь, *кхудъ* — какъ, *цалу́де́*, *ци*—что, *али*—

все, *авое* — итакъ, *ама* и, также, *ници* — ничто, *нихаманъ* — никто, никому и пр.

Для лучшаго понятія расположенія словъ въ осетинскомъ языкѣ прилагаются выписки изъ переводовъ Катехизиса, составленнаго для этого народа.

Агадъ ноау́ Хуца́ви зо́чонъ ама фандъ-кханинъ
Довольно ли Бога знать и думать (о немъ),
ама кха́нинъ кху́дъ те́фенди.
а дѣлать какъ хочешь.
Не́ а́зъ кху́дъ фа́ндъ-кха́нинъ Хуца́вен а́вое́
Нѣтъ, я какъ думаю (о) Богѣ, такъ
растъ царинъ кга́ву ама но́минеи, кхадъ азъ
истинно жить долженъ, и именно, когда я
зо́нинъ кху́дъ Хуца́въ ацагу а́вое́ оирсдзиненъ
знаю, что Богъ истинный, тогда страшусь
авзаръ кханинеи ама ма́ бахавонъ у́и
зло дѣлать и не впадаю (подвергаюсь) его
растъ тархоти ама мафесеонъ у́и хорзе-
правдивому суду и не утрачиваю его благотво-
хетен. Анк'галу́ Ху́цавен ама ва́рзъ у́и аппаоъ
ренія. Вѣруй (въ) Бога и люби его всѣмъ
серде́е.
сердцемъ.

Кхадъ кхи дзу́ри ма́ цидзуръ.
Когда кто говоритъ, не говори.
Дзуръ алабонъ растъ.
Говори всегда правду.
Ма кхадъ загъ ма́нгъ.
Никогда (не) говори обмана.

Для сравненія съ грамматическими замѣчаніями Клапрота на свойство осетинскаго языка, прилагается осетинская молитва, доставленная издателю Очерковъ Н. Н.

Срезневскимъ и списанная имъ со всею вѣрностію съ подлинника, привезеннаго съ Кавказа II. II. Соколовымъ.

Хчавъ табудонъ хчавна хчо фодъ да хорзахъ ненъ ратъ.

Боже, просимъ милости твоей на насъ.

Вашкиргинъ хчонда фодъ да хорзахъ ненъ ратъ.

Св. Георгій! просимъ тебя, помилуй насъ.

Михаель Габріель табудонъ да хорзахъ ненъ ратъ.

Михаилъ Гавріилъ! просимъ, помилуй насъ.

Илія табудонъ хчонде фодъ да хорзахъ ненъ ратъ.

Илія! просимъ тебя, помогай намъ и помилуй насъ.

Хохо джуаръ да хорзахъ ненъ ратъ.

Горняя Церковь! помилуй насъ.

Нарухшкирга да хорзахъ ненъ ратъ.

Нарскій Св. Георгій! помилуй насъ.

Брусабзели чизадта чидавгита бодисъ удонъ има ахчонде фодъ да хорзахъ ненъ ратъ табудавсинъ кувенники агуринъ монахчо фодъ.

Брусабзели (гора), и всѣ, что на ней сидятъ, Ангелы и Апостолы! кланяемся вамъ и просимъ, помилуйте тѣхъ, кто васъ ищетъ и вамъ покланяется.

Гурджистанс чи джворти исъ хчоне фодъ хорзахне ратъ тутъ ухдаме хорзахне ратъ тутъ.

Всѣ грузинскія церкви! просимъ, помилуйте насъ! И чтобы народы, вокругъ насъ живущіе, помиловали насъ!

Русъ кане джуартелъ табудонъ русъ кане ратъ тутъ.

Русскую царскую просимъ дать намъ Русскаго Царя милость!

Христіанъ хчо фодъ табудонъ да хорзахне ратъ.

Христосъ! просимъ, помилуй насъ!

Рестмегенегъ Хчау намитаненъ срестмеке табудвенъ.

Справедливый Боже! помилуй насъ по своей справедливости.

Въ этой молитвѣ слово Богъ по-осетински *Хҷавъ*, а у Клапрота *Хуцавъ*. Очень вѣроятно, что то и другое наименованiе Бога равно вѣрны и употребляются у разразныхъ осетинскихъ колѣнъ.

ОСЕТИНСКІЙ СЛОВАРЬ.

(По Клапроту.)

Б.

Богъ	Хуцавъ	*персид.* Худа.
Братъ	Арвадъ фэиммеръ.	
Быкъ	Галь	*перс.* гавъ; *курд.* га; *вот.* скаль.
Баранъ	Урекъ	*перс.* аргъ.
Борода	Боцо, бодзу.	
Большой	Истиръ стиръ. .	*древ. нѣм.* стуръ; *дат.* сторъ; *лит.* стуръ.
Больной	Ринхинъ.	
Болото	Цадъ.	
Беру	Рансдзиненъ.	
Бѣгу	Лидзинъ.	
Боюсь	Торесциненъ. .	*перс.* терсиденъ; *зенд.* тересче (трепещу, трясусь).

В.

Волосы	Дзикку.	
Вѣрю	Урнинъ.	
Вопросъ	Фарсинъ	*перс.* порсиденъ.
Вода	Донъ	*лит.* и *лив.* уденсъ; *гал.* тонъ.
Врагъ	Аснагъ.	
Высоко	Барзондъ, мидагъ.	
Волкъ, бирюкъ.	Бирегъ	*тур.* бури.
Востокъ	Бастегъ, кхаронъ.	
Весна	Валдзакъ.	
Вѣра	Дзинегъ.	
Вѣкъ	Миккагъ.	
Воръ	Баръ.	

Вино . . . . . . Санъ.
Вечеръ . . . . . Зоръ . . . . *итал.* серо; *чеч.* сарахъ.
Время . . . . . Афонъ.
Всегда . . . . . Алабонъ.
Вѣтеръ . . . . Демгазъ.
Вижу . . . . . Уинъ.

Г.

Годъ . . . . . Анзъ . . . . *лат.* аннусъ.
Говорю . . . . Дзуренъ.
Голодъ . . . . Могуръ.
Горло . . . . . Хурхъ . . . . *курд.* геру; *нѣм.* гургель.
Герой . . . . . Кабатеръ.
Губы . . . . . Буль . . . . *перс.* лебъ; *курд.* левъ.
Гора . . . . . . Хохъ . . . . *перс.* когъ; *нѣм.* гохъ-высоко.
Гусь . . . . . Кхазь . . . . *курд.* хазъ; *тур.* казъ.
Грудь . . . . . Ровъ.
Громъ . . . . . Арвецалкате.
Городъ . . . . Сааръ.
Голова . . . . . Серъ, саро . . . *курд.* серъ; *перс.* серъ.
Говорить . . . Сагинъ . . . . . *нѣм.* загенъ.

Д.

Другъ . . . . . Варзунъ.
Дерево . . . . Кхадъ . . . . . *брет.* коадъ; *вал.* куедъ.
Дорога . . . . Фандагъ.
Дворъ . . . . Картъ . . . . . *гото.* гардъ; *перм.* карта; *ирл.* куртъ; *итал.* кортс.
Даю . . . . . Датинъ . . . . . *перс.* дадинъ; *зенд.* датъ; *курд.* дединъ; *лат.* до.
Дитя . . . . . Зевеллонъ.

Духъ . . . . . . Удъ . . . . *зенд.* аѳма.
Досадую . . . . . Медъ-кнахинъ.
Дѣлаю . . . . . Кнапинъ . . . . *перс.* кунемъ.
Дѣвушка . . . . . Кизгъ . . . . . *курд.* хизъ.
Дымъ . . . . Диминъ.
День . . . . Бонъ.
Далеко . . . . . Дардъ . . . . . *перс.* дуръ; *курд.* дура.
Дождь идетъ . . . Варенъ . . . . *перс.* деръ; *нѣм.* тюръ.
Долина . . . . . . Урдикъ.
Деревня . . . . . Кау . . . . . . *перс.* ко.

Ж.

Женщина . . . . Узъ.
Желѣзо . . . . . Авсеннакъ . . . *нѣм.* эйзенъ.
Жениться . . . . Узъ-куринъ (выбирать женщину).
Жертва . . . . . Хорсте, нувондъ.
Жажда . . . . . Донугъ.

З.

Звѣрь . . . . . . Зиртъ, кхурдъ.
Зубъ . . . . . . Дендегъ . . . . *перс.* дендапъ; *зенд.* дентано; *лат.* денсъ.
Звѣзда . . . . . Стале, сталь . . *лат.* стелла.
Зима . . . . . . Зимегъ . . . . . *перс.* зиместанъ; *зенд.* зіамнъ.
Земля . . . . . . Басте.
Затылокъ . . . . Авцегато.
Западъ . . . . . Манени-гулени.
Золото . . . . . Цазгаринъ.
Знать . . . . . . Зонинъ.
Змѣя . . . . . . Кольмъ.

И.

Игла . . . . Судзинъ . . . . *перс.* сузинъ.
Иностранецъ . . Исхе.

Иго	Озіанъ	*перс.* югъ.
Иду	Цаунъ	*курд.* чіумъ.
Имя	Номъ	*перс.* намъ; *нѣм.* наме; *санкскр.* нама; *лат.* номенъ.

К.

Кошка	Гадо	*тур.* геди.
Клянусь	Ардиссинъ.	
Кость	Стегъ.	
Крикъ	Кире.	
Крестъ и Церковь	Дзуаръ	*груз.* джаварн.
Крѣпость	Пфидаръ. Галоанъ.	
Капля	Тадзинекъ.	
Кумиръ	Идолъ-кумира.	
Кожа	Цармъ	*перс.* чармъ; *курд.* черма; *инд.* черма.
Камень	Дуръ	*латин.* дурусъ; *баск.* таріа.
Кинжалъ	Кама.	
Красный	Зирхъ	*перс.* зурхъ; *лит.* и *лив.* заркансъ.
Корова	Кхухъ	*нѣм.* ку.
Курица	Каркъ	*персид.* курханъ; *ирл.* кгаркъ.

Л.

Лукъ для стрѣльбы	Ардинъ.	
Лѣсъ	Сугъ, хадъ	*перс* тугъ; *брет.* кодъ; *вал.* куэдъ.
Лошадь	Бахъ.	
Латы	Сгаръ	*перс.* зрагъ.

Лѣто . . . . . . Серде.
Лобъ . . . . . . Иенихъ . . . . . *зенд.* енеко; *курд.* іенпкъ.
Ледъ . . . . . . Ихъ . . . . *перс* и *курд.* іехъ; *инд.* іюхъ; *вот.* и *ост.* іенкъ.
Лице . . . . . . Цазкомъ..

М.

Много . . . . . Фильдеръ . . . . *нѣм.* филь.
Масло . . . . . Цавръ . . . . . *перс.* чарбъ; *санскр.* сарпи.
Мозгъ . . . . . Мазгъ . . . . . *перс.* магизъ; *курд.* меци.
Мѣдь . . . . . . Арави. . . . . . *вот.* иргонъ.
Мальчикъ . . . лаппу.
Молоко . . . . . Ахзиръ . . . . . *пер.* и *курд.* егиръ.
Мѣсяцъ (луна) . Мак . . . . *перс.* магъ.
Мать. . . . . . . Мадъ . . . . . . *перс.* мадеръ; *лат.* матеръ; *нѣм.* мутеръ.
Медъ . . . . . . Мить . . . . . . *санскр.* маду.
Мертвый . . . . Марти . . . . . *перс.* мурди; *зенд.* мрете.
Муха . . . . . . Биндза.

Н.

Низко . . . . . Ниленгъ, нингъ.
Мидегъ . . . . . *курд.* низмъ.
Начальникъ . . . Хистеръ.
Небо . . . . Арвъ.
Ножъ. . . . . . . Курдъ . . . . . *перс.* кардъ; *курд.* керъ.
Надѣюсь . . . . . Анкальденъ.
Ненавижу . . . . Нефеттунъ.
Носъ . . . . Финсъ.
Нога . . . . Кихъ . . . . . *чеч.* кохъ; *зыр.* и *перм.* кокъ; *лит.* коіа.

*

О.

Орелъ . . . . Корцига . . . . . . *перс.* кергишъ.
Острый . . . Циргъ . . . . . . *курд.* срафъ; *нѣм.* шарфъ
Оселъ . . . . Хорагъ . . . . . . *пер.* харъ; *курд.* керъ.
Осень . . . . Фасегъ.
Огонь . . . . Артъ, зингъ . . . *перс.* адзеръ.
Очагъ . . . . Тохона, ардастъ.
Обманъ . . . Мангъ.
Облако . . . . Михъ . . . . *перс.* мигъ.
Отецъ . . . . Фидъ . . . . *санскр.* пита; *перс.* педеръ; *лат.* патеръ; *нѣм.* фатетъ; *греч.* патѝръ.

П.

Пчела . . . . Миди-биндза . . . *нѣм.* биǹне.
Послѣ . . . . Фасте . . . . . . *зенд.* фшіо.
Пиво . . . . . Богани.
Пѣсня . . . . Зардъ . . . . *перс.* згорудъ.
Понимаю . . Амбаринъ.
Пѣтухъ . . . . Вассегъ.
Пляшу . . . . Кафинъ.
Пусты́ня . . . Нахъ-басте.
Палецъ . . . . Кухаякъ.
Повелитель . . Ибадца, ханъ . *перс.* падишахъ; *тур.* ханъ.
Плечи . . . . Вохстацонгъ.
Плеть . . . . . Эхзъ.
Плодъ . . . . . Дирхъ.
Платье . . . . Дуразъ . . . . . *перс.* дерадзегъ.
Пожаръ . . . . Зидзъ.
Полдень . . . Ардагъ-банъ.
Полночь . . . Ардагъ-ахзавъ.
Пла́чу . . . . . Кaунъ.
Печать . . . . Карта.
Продаю . . . . Вои-кханинъ.

Р.

Радуга	Арв-ардинъ.	
Рѣка	Донъ, тунъ.	
Ровъ, яма . .	Джикъ	*перс.* чугъ; *курд.* чагъ.
Ружье	Топъ	*тур.* топъ.
Рука	Кухъ	*перс.* кефъ.
Рано	Ради, рансо . . .	*лит.* ритасъ; *лет.* и *лив.* рицъ.

С.

Сталь	Андоунъ	*вот.* анданъ.
Серебро . . .	Афзистъ	*вот.* асвасъ; *курд.* зифъ.
Сегодня	Абонъ.	
Сапоги	Цирките	въ *Сибири* употребл. черки.
Сердце	Серде	*лив.* сирде; *лит.* сирденъ.
Сердиться . .	Масткханинъ . .	*перс.* мастъ (неистовый).
Сплю	Хусинъ	*вал.* кузгъ.
Слонъ	Пиль	*перс.* пилъ.
Стрѣла	Фатъ.	
Сила	Тихъ.	
Счастье . . .	Амондъ.	
Снѣгъ	Митъ, цити . . .	*лап.* муотъ.
Скала	Кудзахъ.	
Святый	Сидагъ.	
Соль	Цахъ	*перс.* сакъ; *вот.* сякъ;
Сестра	Хо	*бретан.* гоаръ.
Солнце	Хурръ	*перс.* хуръ.
Степь	Бедиръ.	
Стадо	Комѳъ.	
Старый	Сарондъ	*морд.* сыре.

Т.

Туманъ	Михъ	*перс.* мигъ.
Трупъ	Губинъ.	
Тѣло	Фидъ.	
Тепло, жаръ .	Цахаръ, топаръ,	*перс.* табдаръ.

Трубка . . . . . Лулегъ . . . . . . *тур.* лулегъ; *малорос.* люлька.

Табакъ . . . . . Тамако.

У.

Утка . . . . . . Бабишь . . . . . *черк.* бабишь; *тат ног.* папи.

Усы . . . . . . Рихи . . . . *курд.* рихъ; *перс.* ришъ.

Ухо (уши) . . . Кхусъ (кхусти) . *перс.* гушъ; *зенд.* геошъ.

Убиваю . . . . Маронъ.

Х.

Хорошо . . . . Хорсъ . . . . . . *пер.* хошь.

Холодъ . . . . Иханъ.

Хлѣбъ . . . . . Дзулъ.

Ц.

Цѣпь . . . . . . Балласъ . . . . . *перс.* баллуфъ; *курд.* палутъ.

Цвѣтъ . . . . . Хузъ.

Ч.

Часъ . . . . . Саатъ . . . . . . *араб.* соатъ.

Человѣкъ . . . Лягъ; во множественномъ числѣ — лети . . . . . *нѣм.* лейте.

Честь . . . . . Цифъ.

Черный . . . . Санъ, савъ . . . *перс.* сiагъ; *санскр.* сiаге.

Ш.

Шапка . . . . Худъ . . . . *нѣм.* гутъ; *груз.* куди.

Шея . . . . . Барзеи.

Ѣ.

Ѣмъ . . . . . . Харинъ . . . . *зенд.* хоре.

Я.

Яйцо . . . . . Цасте . . . . . *перс.* чечмъ.

Языкъ . . . . Авзагъ.

Названіе мѣсяцевъ.

Январь — Тенге́ман.
Февраль — Хомахзанъ, т. е. время игръ.
Мартъ — Цекенне́ ман.
Апрѣль — Сашсе́.
Май — Сердевра ман (по дугорски *никола ман*, т. е. мѣсяцъ св. Николая.)
Іюнь — Фистиссера́ ман.
Іюль — Сузенне́ ман, т. е. мѣсяцъ палящій голову.
Августъ — Икина ман.
Сентябрь — Рахана ман.
Октябрь — Кефта ман, т. е. рыбный мѣсяцъ.
Ноябрь — Георгуба, т. е. св. Георгія.
Декабрь — Циппурсъ.

Названіе недѣльныхъ дней.

Воскресенье — Хуцави-бонъ, т. е. день Господа.
Понедѣльникъ — Мархау.
Вторникъ — Дичагъ.
Среда — Артичегъ.
Четвергъ — Ципаремъ.
Пятница — Меремъ бонъ, т. е. день Св. Маріи.
Суббота — Сабтъ.

Счетъ.

Одинъ — Ю; *по перс.* екъ; *зенд.* ёо.
Два — Дуэ; *перс.* и *курд.* ду; *зенд.* дуэ́.
Три — Арте.
Четыре — Цуппаръ; *араб.* чигаръ; *зенд.* четвере́.
Пять — Фонзъ; *перс.* пенджь; *зенд.* пенче́.
Шесть — Ахзесъ; *перс.* шешь; *зенд.* хшуешь.
Семь — Авдъ; *курд.* афтъ; *перс.* гафтъ; *зенд.* гапте.
Восемь — Астъ; *курд.* агстъ; *перс.* гаштъ; *зенд.* аште́.
Девять — фарастъ.
Десять — Дезъ; *зенд.* дезе́.

Почти въ каждомъ племени или колѣнѣ Осетинцевъ сохраняется свой отличительный выговоръ.

Одиннадцать — Ю-дезъ.
Двѣнадцать — Дуа-дезъ, и т. д.
Двадцать — Зедзъ.
Двадцать одинъ — Ю-ама-зедзъ, т. е. одинъ и двадцать
Тридцать — Дезъ-ама-зедзъ, т. е. 10 и 20.
Тридцать два — Ду-ама-дезъ-ама-зедзъ.
Сорокъ — Дуи-зедзи, т. е. два — двадцать.
Пятьдесятъ — Дезъ-ама-дуи-зедзи.
Сто — Задда. *перс.* и *курд.* задъ; *зенд.* зетé.
Тысяча — Дезъ задда. Употребляется и *мингъ*.

Почти въ каждомъ племени или колѣнѣ Осетинцевъ сохраняется свой отличительный выговоръ.

МАРТЫНЪ ПУШКАРЬ.

1657—1658.

Де-жъ ты, Пушкарю,
Храбрый козаче,
Що по тоби, друже,
Украина плаче?

Кистки у могили,
Самъ у Господа Бога!
Ой, плачь, Украино,
Сирото небога!

Твою ясну долю
Росшарпавъ Выговьскій,
Що сердьце мовъ каменъ,
А разумъ бисовьскій.

Народн. пѣсня.

I.

Поютъ бандуристы много думъ, поютъ и такую:

—Ой пійшла тяжка жаль-недоля, та по всіей Украині, якъ сталася смута у городі у Чигрині, що панъ гетьманъ Хмельницькій Богданъ тяжко занедуговавъ, до себе

— Ой пошла тяжелая горе-бѣда по всей Украйнѣ, когда смутно стало въ городѣ Чигринѣ, когда тамъ панъ гетманъ Богданъ Хмельницкій тяжко занемогъ. Соби-

уси́хъ старшинъ, сотники́въ та полковники́въ нззывавъ, та на ради́ изо вси́ми опрощенье мавъ; привиты клавъ, що усю Украйну миромъ зоставлявъ, до послиди-годины зохожавъ; словами промолблявъ:

«Ой и вы, панове молодци́, хоробрыи сотники и полковники, уси́ вы, старшины козацьки́ молодецьки́! що треба та вамъ раду рушати, соби́ гетьмана избирати; бо уже я вельми недугую, до посли́днёго часа дохождати мушу, Богови милосердному передати свою гри́шну душу мушу..... Панове молодци́! добре себе дбайте, соби́ гетьмана наставляйте... Коли хочете, панове, Антона Волочая кіевськаго, або Грицька Костыря миргородскаго, або Филона Чичая кропивянськаго, або Мартына Пушкаря полтавськаго.»

—То козаки тее зачували, смутно себе мали, тяжко вздыхали, словами промовляли:

«Не треба намъ Антона Волочая, ни Грицька Косты-

ралъ онъ къ себѣ всѣхъ старшинъ, сотниковъ и полковниковъ, и на радѣ прощался со всѣми. Благодарилъ онъ Бога, что оставляетъ Украйну въ мирѣ, приближаясь къ смерти; и такъ молвилъ:

«Ой, вы, паны молодцы, храбрые сотники и полковники, всѣ вы старшины казацкіе молодецкіе! нужно вамъ раду созвать, себѣ гетмана избрать; а я уже больно боленъ, къ смерти приближаюсь, милосердому Богу долженъ свою грѣшную душу отдать. Паны молодцы! думайте, гадайте, гетмана избирайте! Хотите, изберите, паны, Антона Волочая кіевскаго, или Григорья Костыря миргородскаго, или Филона Чичая кропивянскаго, или Мартына Пушкаря полтавскаго.»

— Услышали это казаки и горевали, и тяжко вздыхали, и молвили такія рѣчи:

«Не нужно намъ ни Антона Волочая, ни Григорья

ря, ни Филона Чичая, ни Мартына Пушкаря, а хочемъ мы сына твого Юруся молодого, козака лейстрового.»

«Винъ, панове молодцí, молодый разумъ мае, звычаевъ козацькихъ не знае.»

«Будемъ мы старыхъ людей бíля ёго держати; будуть вони его научати; будемъ его добре поважати, от тебе батька нашого гетьмана споминати.»

«Тíльки прошу я васъ, панове молодцí, спочинку на Украинí не рушати, розумомъ себе управляти, та усíмъ у одно стояти. Тимъ и сталась по всему свíту страшенная козацькая сила, що у всíхъ у васъ, панове молодцí, була воля й дума една... А тобí, хоробрый Пушкарю полковниче, завíтъ покладаю: якого не зберуть паны молодцí собí гетьмана, усякому свою думу покладай, спочинокъ по Украинí удержуй, козацьку славу шануй.»

Отъ-тіи рíчи казавши, Богданъ Хмельницькій Богови моливсь, козакамъ па-

Костыря, ни Филона Чичая, ни Мартына Пушкаря; хотимъ сына твоего, молодаго Юрія, реестроваго казака.»

«У него, паны молодцы, разумъ молодъ, не знаетъ онъ обычаевъ казацкихъ.

«Будемъ при немъ старыхъ людей держать; будутъ они его учить; будемъ его чтить, вспоминая тебя, гетмана отца нашего.»

«Только прошу васъ, паны молодцы, не нарушайте мира въ Украйнѣ, управляйтесь разумомъ, стойте всѣ за одно. Тѣмъ и стала страшна сила казацкая, что у всѣхъ у васъ, паны молодцы, была и дума и воля одна... Тебѣ же, храбрый Пушкарь полковникъ, завѣщаю: кого бы паны молодцы не избрали себѣ гетманомъ, всякому говори свою думу прямо, храни миръ въ Украйнѣ, чти славу казацкую.»

И досказавши эти рѣчи, Богданъ Хмельницкій молился Богу, кланялся каза-

намъ молодцамъ поклонивсь, та й доспокоивсь.

То не чорнíи хмары ясне сонце заступали, не буйныи вíтры въ темнíмъ лузí бушевали: козаки Хмельницькаго ховали, батька свого оплакали.

Ему жъ Богдановí повíчная слава, промíжъ козакíвъ и простыхъ и старшихъ, и царей и посполитыхъ людей, и мíжъ князьями повíки. Аминь.

камъ, панамъ молодцамъ, и успокоился навѣки.

Не черная гроза заволакивала ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ мрачныхъ лѣсахъ: казаки Хмельницкаго погребали, по своемъ отцѣ рыдали.

Ему же Богдану и слава навѣки межъ казаковъ простыхъ и старшихъ, и межъ селянъ, и межъ князей, и межъ царей. Аминь!

II.

Богданъ Хмельницкій умеръ 15 Августа 1657 года.

Юрія въ то время не было въ Чигринѣ: онъ гулялъ, говоритъ преданіе, подъ Бѣлою Церковью, и вовсе не зналъ о смерти отца. Генеральный писарь Выговскій, управлявшій всѣми дѣлами гетманщины, вызвалъ его и провозгласилъ себя главнымъ опекуномъ. Еще были два опекуна: обозный, Носачь и судья генеральный, Лѣсницкій, но то были люди счастливые и тѣмъ, что могли жить и дѣйствовать умомъ лукавоумнаго Выговскаго, и были опекунами только по имени. Мартынъ Пушкарь былъ не таковъ, былъ самъ себѣ голова, и голова благородноумная надъ сердцемъ благородногордымъ, а потому его отстранили отъ опеки, оставили въ покоѣ въ его милой Полтавѣ.

Но Пушкарь не остался въ покоѣ. Не могъ онъ равнодушно смотрѣть на самоуправство Выговскаго и написалъ къ нему:

«Не намъ, товарищъ, съ тобою быть гетманами, наслѣдниками славнаго имени Богдана. Если генеральный судъ повѣрилъ тебѣ Юрія Хмельниченка, то береги его, а не дѣйствуй за него; остерегай его отъ худаго, а не дѣлай худаго его именемъ. Знай, что и на судью всей Украйны есть судьи не слѣпые, не нѣмые, не увѣчные!»

Кто знаетъ, что думалъ Выговскій, читая эти строки прямодушнаго Пушкаря. Въ иныхъ обстоятельствахъ, онъ, можетъ быть, презрѣлъ бы ими; но не могъ презрѣть ими теперь, когда ему нужно было еще пріобрѣсти довѣренность, опутать всѣхъ въ сѣти свои.... Выговскій, притворяясь невинно оскорбленнымъ, прочелъ письмо Пушкаря на первомъ засѣданіи генеральнаго суда. Принося жалобу на неправую обиду, онъ говорилъ: «Не какъ Выговскій, простой казакъ, товарищъ войска запорожскаго, прошу призору, а какъ опекунъ молодого гетмана, какъ избранный всѣмъ войскомъ быть защитникомъ юноши. Дѣла мои всѣ предъ очами вашими: судите меня, и осудите невиннаго, если любо вамъ распрями поминать память вашего покойнаго благодѣтеля» — говорилъ Выговскій рѣшительно, дерзко, будучи твердо увѣренъ, что его приверженцы, которыхъ число было уже очень значительно, станутъ за него, или изъ усердія къ нему, или за деньги, или изъ боязни, или изъ ненависти къ Пушкарю, который не только ни пе-

редъ кѣмъ не унижался, но и не хотѣлъ никого знать, презиралъ сплетнями, и во всякомъ случаѣ, былъ правдивъ и стоекъ. Хотя или нехотя они помогутъ мнѣ достигнуть цѣли, думалъ Выговскій, а цѣль, которая занимала его себялюбивый умъ, еще при жизни гетмана, была сдѣлаться гетманомъ, и потомъ....

Начало пошло для Выговскаго удачно: всѣ члены суда взяли его сторону. Теперь ему можно было дѣйствовать.

Мало по-малу Выговскій получилъ сначала позволеніе только брать съ собою клейноты гетманскіе, бунчукъ и булаву, когда случай заставитъ его итти на войну; потомъ онъ сталъ подписываться *«Гетманомъ на той часъ войска запорожскаго;»* наконецъ удаливъ Юрія въ Кіевъ, какъ говорятъ, учиться, провозгласилъ себя гетманомъ на три года, и началъ самовольно управлять войсковою казной.

И вотъ онъ мало-по-малу чуть не полный гетманъ. Давно ли онъ былъ простымъ плѣнникомъ. Желтоводская битва, 5-го апрѣля 1648 года, сдѣлала его, ничтожнаго шляхтича польскаго, ничтожнымъ плѣнникомъ Хмельницкаго. Когда же ему пришлось выбирать одно изъ двухъ, казнь или свободу, онъ выбралъ свободу, и сталъ слугой Хмельницкаго, врагомъ своей родной Польши. Выговскій сдѣлался казакомъ, но съ умомъ коварнымъ, съ нравомъ уклончивымъ, съ себялюбіемъ, презиравшимъ всѣхъ для достиженія своихъ цѣлей, онъ не могъ остаться только казакомъ. Онъ

возвысился; снискалъ любовь и довѣренность Хмельницкаго; имѣлъ на него постоянное вліяніе, вліяніе, которое всегда умѣлъ обращать къ своей личной пользѣ; не мудрено ему было подписать наконецъ имя свое подъ именемъ Богдана Хмельницкаго, съ титломъ *войсковаго писаря*. А теперь онъ уже гетманъ, по-крайней-мѣрѣ, будетъ гетманомъ.

Онъ гетманъ; а Пушкарь? Горько было Пушкарю, всегда вѣрному сыну Украйны, давно славному въ его народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ, ему горько было видѣть булаву въ рукахъ пришлеца-прошлеца, а себя, какъ будто изъ жалости оставленнымъ, и то, можетъ быть, на время только, въ темномъ уголкѣ его родной Полтавы. Пушкарь снова написалъ къ Выговскому, что его крамолы довольно понятны, что его желаніе быть гетманомъ не есть желаніе всего войска.... Въ то же время онъ написалъ въ генеральный судъ, извѣщая его о дошедшихъ слухахъ, будто Выговскій захватилъ въ свое распоряженіе деньги войсковой казны у Юрія Хмельниченка, доставшіяся ему отъ отца (какъ пишутъ, около милліона), и окончилъ свое донесеніе такъ: «Чудно, что генеральный судъ ничего этого не знаетъ, или зная, позволяетъ собою шутить и не помнитъ послѣдней воли гетмана.» Пушкарь не забылъ и Царя, и послалъ въ Москву гонца Мартына Юнко́вича съ извѣщеніемъ о смятеніяхъ въ Украйнѣ. Напрасно! Юнковичъ былъ схваченъ и заморенъ голодомъ, а генеральный судъ не обратилъ никакого вниманія на слова

вѣрнаго сына Украйны, если только оно дошло до него. Закрутилъ Пушкарь свой черный усъ.

III.

Между тѣмъ въ Москвѣ, при дворѣ, не знали, что дѣлалось въ Украйнѣ: знали только, что Хмельницкаго уже не было на свѣтѣ. Царь послалъ въ сентябрѣ 1657 г. полковника и стрѣлецкаго голову Артамона Сергѣевича Матвѣева и дьяка Перфилья Оловянникова съ выговоромъ генеральному писарю Выговскому и старшинамъ, не увѣдомившимъ его величество о смерти гетмана, и съ приказаніемъ, чтобы казацкое посольство отправилось въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ примиренію съ Россіянами.

Выговскій нашелъ оправданіе. Онъ увѣрялъ Царя, что въ самый день кончины Хмельницкаго, приказано было ѣхать тремъ служителямъ въ Москву съ этой вѣстію, но что начальные люди стали бунтовать и говорить, будто онъ, желая получить гетманство, отправляетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ всего войска запорожскаго, и что по этому онъ могъ увѣдомить о смерти Хмельницкаго только кіевскаго воеводу Андрея Васильевича Бутурлина и князя Григорья Григорьевича Ромадановскаго для донесенія его царскому величеству. Къ шведскому двору онъ обѣщалъ немедленно писать чрезъ посланцевъ, чтобы король не надѣялся на запорожское войско, которое будетъ дѣйствовать противъ него, если онъ не примирится съ Россіею.

Вслѣдъ за Матвѣевымъ прибыли въ Москву казацкіе посланники Есаулъ Юрій Миневскій и сотникъ Ефимъ Коробка, съ извѣстительнымъ письмомъ Выговскаго о избраніи его въ гетманы, съ просьбою къ Царю отъ всего войска запорожскаго объ утвержденіи въ семъ достоинствѣ новаго ихъ предводителя.

Выговскаго знали при дворѣ, какъ человѣка преданнаго, усерднаго, искренняго, какимъ онъ казался. и посланники казацкіе возвратились въ Украйну съ царскою милостивою грамотою и съ увѣдомленіемъ о назначеніи ближняго окольничаго и намѣстника ржевскаго, Богдана Матвѣевича Хитрово, для приведенія избраннаго гетмана къ присягѣ.

IV.

Закрутилъ Пушкарь свой черный усъ и созвалъ вольную раду.

«Презрѣнный Полякъ владѣетъ нами, говорилъ Пушкарь своимъ товарищамъ. Чего добраго! онъ предастъ насъ въ руки католиковъ, и снова настанетъ для нашей родины страшная година Остряницы и Полтора-Кожуха. И мы будемъ молча повиноваться его вѣроломной волѣ; и мы добровольно предадимъ на поруганіе и себя, и женъ, и дѣтей нашихъ; и мы равнодушно склонимъ головы подъ ярмо враговъ!»

Предсказанія Пушкаря начали оправдываться скорѣе, чѣмъ собирались воины подъ его знамя. Выговскій завелъ переговоры съ крымскимъ ха-

номъ и Поляками; дворъ польскій обольстилъ его обѣщаніями и вырвалъ у него клятву присоединить Украйну снова къ владѣніямъ польскимъ. Не много значила клятва Выговскаго, не трудно было Выговскому забыть о ней, но эта клятва, дававшая ему помощь Поляковъ противъ Русскаго Царя, была для него самого выгодна. Ему нечего было сомнѣваться въ полученіи достоинства гетманскаго: онъ сталъ думать о другомъ, о княжествѣ. . . .

Пушкарь собиралъ войско, а между тѣмъ послалъ къ Царю доносъ съ гонцомъ Яковенкомъ (6 февр. 1658).

И что же!

Пронырливый Выговскій умѣлъ отвратить отъ себя тучу: узналъ о доносѣ, и предупредилъ и его гибельныя послѣдствія, и сборы Пушкаря. Облекшись личиной вѣрноподданнаго, онъ извѣстилъ Царя, будто Поляки, соединясь съ княземъ Раго чіемъ и ханомъ крымскимъ, хотятъ напасть на Россію; онъ ласково принялъ боярина Хитрово, поспѣшавшаго пріѣхать въ Украйну для слѣдствія по доносу: онъ, повидимому, искренно раскаялся во всѣхъ проступкахъ, отказываясь не только отъ гетманства, но даже и отъ опекунства; онъ успѣлъ до того обмануть бояръ, что его утвердили гетманомъ.

Собиралась въ Переяславлѣ рада, въ соборной церкви, въ присутствіи боярина Хитрово, кіевскаго митрополита Діонисія и важнѣйшихъ старшинъ казацкихъ. Выговскій присягнулъ передъ

Евангеліемъ на вѣрноподданническую службу Царю, и получилъ булаву изъ рукъ Хитрово. Такъ разразилась для него туча доноса. Оставались сборы Пушкаря; но что значили они передъ доносомъ! Пушкарь уже выступилъ было съ дружиной, уже дошелъ было до Лубенъ.... какъ вдругъ царскій указъ, повелѣвавшій ему оставаться въ полномъ послушаніи у Выговскаго. Пушкарь былъ вѣрный слуга Царя, не могъ ослушаться указа и возвратился мирно въ Полтаву. Что чувствовалъ онъ въ то время — кто знаетъ? а Выговскому онъ писалъ вотъ что:

«Царь утвердилъ тебя гетманомъ нашимъ: быть такъ. Я подъ твоимъ началомъ, и буду вѣрно служить тебѣ; но, помни, только до тѣхъ поръ, пока ты самъ не укажешь мнѣ пути итти противу долга присяги.

V.

И мирно жилъ Пушкарь. Выговскій самовольничалъ, оскорблялъ Пушкаря чѣмъ могъ; Пушкарь молчалъ; Выговскій распоряжался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, безъ совѣщаній на радѣ; презиралъ совѣтами старшинъ казацкихъ—Пушкарь молчалъ.

Но Выговскій не могъ скрыть подъ завѣсою тайны своихъ коварныхъ, клятвопреступныхъ замысловъ: скоро вся Украйна заговорила о его сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ. Украйна стала волноваться, и начало тревогъ положили храбрые Липчаевцы. . . .

Липчаевцы, подобно казакамъ слободской Украй-

ны, хранили твердо привязанность къ престолу русскому. Много ихъ погибло за это отъ Поляковъ, много замучено въ темницахъ Выговскимъ; но духъ, оживлявшій ихъ кравчину, не упалъ отъ преслѣдованій, и Линчаевцы, именемъ Царя и Руси не только выступили на Поляковъ, какъ на враговъ православія, но и грабили, разбойничали въ Польшѣ. Несчастіе и правота Пушкаря привлекли ихъ на его сторону. Нѣсколько тысячъ вольныхъ ратниковъ явилось къ нему, предлагая свои услуги, обѣщая истребить Выговскаго, весь родъ его, всѣхъ друзей его. «Всѣ погибнемъ, говорилъ ихъ атаманъ Өедоръ Линчай, всѣ погубимъ души наши; но не попустимъ погибнуть вольной гетманщинѣ отъ рукъ злодѣевъ. Богъ, Царь, твоя правота и сабля наша спасутъ тебя, и да не будетъ Выговскаго!» Кошевой гетманъ Барабашъ сталъ также за-одно съ Линчаевцами. Пушкарь могъ перестать молчать, однако и тутъ все еще не смѣлъ преступить указа царскаго. Можетъ быть, втайнѣ онъ дѣйствовалъ за-одно съ Барабашемъ и Линчаемъ; но явные свои поступки ограничилъ одними жалобами.

Линчаевцы продолжали свое дѣло, и повсюду сражали приверженцевъ Выговскаго. Выговскій почиталъ всему виною Пушкаря, жаловался на него Царю, угрожалъ ему тюрьмою; наконецъ, думая, что эти жалобы и угрозы не будутъ имѣть на Пушкаря ни какого вліянія, и зная его, какъ человѣка богобоязненнаго, вздумалъ устрашить его и властію духовною, угрожалъ неблагословленіемъ

чрезъ митрополита кіевскаго. Пушкарь и на это отвѣчалъ мирно: «Если ваша пастырская милость, —писалъ онъ въ отвѣтъ митрополиту,—будетъ карать своимъ неблагословеніемъ, то да караетъ она того, кто служитъ царямъ невѣрнымъ, а у насъ одинъ православный Царь.

VI.

Наконецъ терпѣніе Пушкаря должно было кончиться: о сношеніяхъ Выговскаго съ Поляками говорили не одни слухи: въ Чигринъ съѣхались послы шведскіе, польскіе и волошскіе, и замыслы Выговскаго стали очевидны. Пушкарь отнесся къ Царю съ новымъ доносомъ, а самъ открыто поднялъ оружіе.

Выговскій узналъ о доносѣ, узналъ о рѣшительномъ возстаніи Пушкаря.... Отправить къ Царю нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича съ жалобою на мятежничество Пушкаря, и съ извиненіемъ, что возмущенія и нужда охранять Украйну отъ Поляковъ не позволяютъ ему самому ѣхать въ Москву: вотъ что придумалъ Выговскій на первый разъ, и нужно было все коварство Выговскаго, чтобы умѣть отклонить этотъ новый ударъ. Царь началъ уже сомнѣваться въ вѣрности Выговскаго, и послалъ подъячаго Якова Портомоина съ милостивой грамотой гетману, давъ Портомоину приказаніе наблюдать за поступками Выговскаго. Выговскій конечно проникнулъ намѣреніе Царя, обласкалъ Портомоина, и, пользуясь милостивой грамотой, послалъ къ Царю

новаго посланца. Полковникъ миргородскій Григорій Лѣсницкій поѣхалъ въ Москву съ просьбою о помощи войскомъ противъ Пушкаря и Барабаша; а всѣ замыслы, всѣ переговоры съ Польшей были искусно задернуты туманомъ. Труднѣе было ему сладить съ Пушкаремъ, особенно, когда полки нѣжинскій и стародубскій, которымъ гетманъ велѣлъ выступить на мятежниковъ, ослушались и отказались поднимать оружіе на братьевъ; но Выговскій не терялъ и тутъ надежды. Онъ выставилъ наемное войско изъ Сербовъ и Поляковъ; онъ не отчаялся и тогда, когда эти наемники, разбитые Пушкаремъ неподалеку отъ Полтавы, при рѣчкѣ Грунѣ, обращены были въ бѣгство, и когда самъ господарь гордяцкій Тимоша взятъ былъ Пушкаремъ въ плѣнъ со многими другими старшинами. Новымъ наемнымъ войскомъ онъ замѣнилъ старое. Между тѣмъ подошла ему подмога и изъ Москвы: Царь послалъ къ Пушкарю и Барабашу грамоты съ стольникомъ Ольфимовымъ и дворяниномъ Волковымъ, запрещавшія имъ бунтовать; а Ромадановскому велѣно было итти въ Украйну съ войскомъ усмирить волненіе.

Выговскій ожидалъ коммисаровъ польскихъ въ Гадячь для послѣднихъ переговоровъ, долженъ былъ сорвать личину, которую носилъ передъ Царемъ такъ успѣшно; но и тутъ онъ надѣялся найтись.

Пушкарь видѣлъ все, видѣлъ, какъ искусно Выговскій пользуется обстоятельствами, какъ искусно обманываетъ Царя, и не зная другаго сред-

ства, какъ продолжать начатое, не зналъ другаго средства, какъ ослушаться указа царскаго, надѣясь, что послѣдствія оправдаютъ его предъ Царемъ. . . . 30,000 ратниковъ стало подъ его начальствомъ: Пушкарь надѣялся достигнуть цѣли.

VII.

Оба надѣялись — одинъ на честность дѣла, другой на коварство; оба надѣялись, и междоусобная брань разразилась въ Украйнѣ со всѣми ужасами.

Пушкарь повелъ свои 30,000, и побѣды пошли съ нимъ. Выговскій терпѣлъ, и выдумалъ, что сдѣлать. Онъ выдвинулъ орду Крымцевъ и цѣлыя полчища бродягъ польскихъ; онъ распустилъ слухъ, что Царь хочетъ сдѣлать важную перемѣну въ устройствѣ войска запорожскаго, убавить число казаковъ и обратить многихъ въ драгуны, что уже высылаетъ войско для занятія Украйны, и съ помощію Пушкаря начнетъ скоро свои распоряженія: и то и другое не осталось безъ успѣха. Крымцы не въ первый разъ грабили Украйну; а Пушкарь напрасно разубѣрялъ казаковъ: казаки стали стекаться подъ знамена Выговскаго, оставлять Пушкаря не сотнями, а тысячами, и смѣло выступилъ Выговскій на дружины, оставшіяся преданными Царю. Сраженіе завязалось у Липовки: Пушкаревцы бились храбро, но храбрость уступила силѣ; Пушкарь долженъ былъ отступить къ Полтавѣ. Города же пылали, Татары грабили, уводили въ плѣнъ беззащитныхъ, Ляхи убивали.

VIII.

Не день, не два Выговській гетьманъ
До Полтавы сгучивъ.
У самого сорокъ тысячъ,
Та ще й Ляхивъ вивъ.
Ой куды-то пресучій Выговській
Ляхивъ вивъ?
Ой вивъ вивъ Ляхивъ
Супротивъ козакивъ;
Ой вивъ вивъ Ляхивъ
Супротивъ Пушкаря,
Що стоитъ вивъ за виру православну
Та за билаго Царя.
— Ой Мартыне Мартыне, сучій ты сыне.
Що ты задумавъ, загадавъ,
Що Выговськаго гетьмана
Рушати зачавъ!
Що у тебе, сучій сыне?
Лятвою-латва;
А у мене й Ляхи й козаки
И татарская орда. —

Не день и не два гетманъ Выговскій шелъ на Полтаву.

У него у самаго сорокъ тысячъ, да еще и Ляховъ велъ.
Куда же то поганецъ Выговскій велъ своихъ Ляховъ?
Онъ велъ своихъ Ляховъ на казаковъ; онъ велъ своихъ Ляховъ на Пушкаря, затѣмъ, что тотъ защищаетъ православную вѣру и Бѣлаго Царя.

— Мартынъ, Мартынъ, говоритъ онъ, песій ты сынъ! что ты задумалъ, что загадалъ, возставши на гетмана Выговскаго? У тебя, говоритъ онъ, дранью-дрань, а у меня и казаки, и Ляхи, и татарская орда. —

И осажденный въ самой Полтавѣ, Пушкарь бился не на-животъ а на-смерть, быть можетъ, уже безъ надежды, а только съ ядовитымъ отчаяніемъ. Онъ изумлялъ своею храбростію и отвагой: во время одной вылазки отнялъ не только пушки и обозъ у непріятеля, но и гетманскую булаву; въ другой разъ обратилъ Выговскаго въ бѣгство; но ничто не помогло.

Выговскій возвратился съ 40,000 Татаръ подъ начальствомъ Карамбея, и Полтава запылала.

Воины Пушкаря всѣ пали, палъ и онъ — Пушкарь, изнемогшій, весь покрытый смертными ранами.

Часть дружины Пушкаря заняла было Лубны и Гадячь, но Выговскій отрядилъ туда нѣжинскаго полковника Григорія Гуляницкаго, и города взяты приступомъ. Оставалось еще нѣсколько сотъ Пушкаревцевъ подъ Глуховымъ, но они всѣ казнены. Царское войско съ Ромадановскимъ вступило въ Украйну; но Выговскій поблагодарилъ Царя, извѣщая его, что онъ уже не имѣетъ нужды въ вспомогательномъ войскѣ, и Ромадановскій получилъ повелѣніе возвратиться.

IX.

Безвѣстна могила Пушкаря, за то память его свѣжа въ народѣ.

Тече ричка невеличка,
Борскломъ прозываютъ;
Про ту ричку невеличку
Старци й дити знаютъ.
Умiютъ про ту ричку
Писню спивати,
Люблятъ про ту ричку
И думку гадати.
Думонько, ты думо!
Щось сталося сумно!
Думонько, ты думо!
Не сталося бы шумно.
А де-жъ вы, панове
Козаки-молодци?
Кистки у могили
А шабли въ болотци.
Де-жъ ты, Пушкарю,
Хоробрый козаче,
Що по тоби, друже,
Украина плаче?
Кистки у могили,
Самъ у Господа Бога.

Течетъ рѣчка небольшая,—зовутъ ее Борклой: о той рѣчкѣ небольшой знаютъ и старики и дѣти. Умѣютъ о ней пѣсню пѣть, любятъ о ней и думу думать. Дума, ты дума! не довела бъ ты до горя! Дума, ты дума! не привела бы ты къ тревогѣ. А гдѣ вы, паны казаки-молодцы? кости въ могилѣ, а сабли въ болотѣ! Гдѣ жъ и ты, Пушкарь, храбрый казакъ? не по тебѣ-ли, другъ, плачетъ Украйна? Кости въ могилѣ, самъ у Господа Бога. Плачь, Украина,

Ой плачь, Украина,
Сирото небога!
Твою ясну долю
Розшарпавъ Выговській,
Що сердце мовъ камень,
А розумъ бисовській.

плачь, бѣдная сирота! твою ясную долю оиедолилъ Выговскій: у него ли сердце не камень, у него ли умъ, не чортовъ умъ!

Безвѣстна могила Пушкаря; но преданія о немъ свѣжи въ народѣ. Помнятъ о его великодушіи, о его вѣрности непоколебимой къ бѣлому православному Царю. И знаютъ, что Выговскій не добромъ началъ, не добромъ и кончить долженъ былъ.

И. Срезневскій.

ЦЕРКОВЬ

СПАСА НЕРУКОТВОРЕННАГО,

ВЪ ПОЛТАВѢ.

Полтавская битва была величайшимъ дѣломъ Петра, вѣнцемъ его многолѣтнихъ трудовъ, усилій и тяжелыхъ войнъ; плодомъ всей силы его генія и напряженія его дѣятельности. Она сдѣлала Россію страшною для Европы, обезопасила и упрочила ея благоденствіе. Подъ Полтавою въ первый разъ билась *правильнымъ боемъ* русская армія, созданная Великимъ Петромъ, и въ одной могилѣ погребла надежду Карла и силу Швеціи.

На другой день битвы, на томъ же полѣ, одна могила приняла останки нашихъ полтавскихъ героевъ, и надъ ней воздвиглась высокая насыпь, которую и теперь называютъ *Шведчиной* и Шведской Могилой. У этой могилы молился Петръ за успокоеніе душъ падшихъ его сподвижниковъ, и, колѣнопреклоненный, положилъ три земные поклона.

Оставивши поле битвы, Петръ прибылъ въ Полтаву, верхомъ на той лошади, которая была

подъ нимъ во время сраженія. У городскихъ воротъ встрѣтилъ его, съ избранными гражданами, старикъ Келинъ, выдержавшій такъ непоколебимо всѣ бѣдствія осады. Онъ привѣтствовалъ Царя такою рѣчью: «Видя, храбрѣйшій Александра, милостивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочестивѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ! Маѳусаиловыхъ тебѣ лѣтъ житія и Августова обладательства отъ Бога желаемъ.» Царь выслушалъ эту рѣчь, снявши шляпу; сошелъ съ лошади, поцѣловалъ нѣсколько разъ въ лобъ стараго воина, и громко сказалъ: «почтенная глава, свершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня!» И потомъ, снова сѣвши на коня, Царь, при торжественныхъ звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ, проѣзжалъ по городу, среди рядовъ защитниковъ Полтавы, о которую разбилась сила и воля Карла. Торжествуя, Царь достигъ до соборной церкви Спаса Нерукотвореннаго, и здѣсь принесъ благодареніе Богу, прославившему имя русское, положившему прочное начало благоденствію нашего отечества.

Возблагодаривши Бога, Петръ Великій щедро наградилъ Келина и почестями и деньгами; духовенство одѣлилъ также деньгами и богатыми матеріями; всѣхъ жителей города освободилъ отъ податей и повинностей на цѣлый годъ; гарнизону выдалъ не въ зачетъ двойное жалованіе, и многихъ отличилъ медалями; не были забыты и жены и дѣти убитыхъ: имъ было назначено жало-

ваніе мужей и отцовъ, первымъ по смерть, другимъ до совершеннолѣтія.

Велики и справедливы были награды великаго Государя; велики были и бѣдствія осажденной Полтавы. Почти за мѣсяцъ до битвы, 1-го іюня, подъ заревомъ пожара, произведеннаго непріятельскими бомбами, Шведы поднялись уже на валы; но Полтавцы, покинувши на произволъ пламени свои жилища, бросились на враговъ и отбили ихъ, съ значительнымъ урономъ. Съ этого дня приступы усиливались, опасность возрастала, Петръ поддерживалъ мужество защитниковъ и вѣрно и смѣло готовился къ битвѣ. Карлу была необходима Полтава, и онъ велѣлъ побѣдить или умереть. Въ полночь на 22-е іюня, изнеможенные защитники города едва одолѣли Шведовъ, едва сбили ихъ съ крѣпостныхъ валовъ; но вскорѣ, вмѣсто отбитаго отряда, явился новый, и побѣдные клики непріятеля раздались въ изнемогшемъ городѣ. . . . Тогда-то возстала Полтава во всей красѣ, во всемъ величіи войны. . . Старцы, жены, дѣвы, дѣти, всѣ, одушевленные святымъ чувствомъ любви къ родинѣ, ринулись на торжествующаго врага съ камнями, косами, дубинами. . . . Валы были завалены трупами, залиты кровью, и враги уступили. Это было послѣднее испытаніе, послѣдній ужасъ войны для Полтавы. Жители, лишившись въ одномъ этомъ дѣлѣ до 900 защитниковъ, молились въ соборномъ храмѣ за спасеніе города.

Многіе изъ жителей погибли при защитѣ го-

рода; изъ 4000 гарнизона не осталось и половины; разбитыя насыпи заваливали разломанными домами; пороху почти не оставалось; осажденные утомились отъ безпрерывныхъ битвъ, изнемогли отъ іюнскихъ жаровъ, а побѣдоносный Карлъ стоялъ со всѣмъ своимъ войскомъ и посылалъ на новые приступы отрядъ за отрядомъ, и эти приступы стоили ему болѣе 6000 воиновъ, и наша бѣдная Полтава, съ ея деревянными хатами, съ ея земляными укрѣпленіями, выдержала всѣ непріятельскія усилія, претерпѣла всѣ бѣдствія войны и приготовила для отечества полтавскую побѣду.

И вотъ, предъ нами видъ бѣдной, ветхой, деревянной церкви, въ которой возсылались моленія полтавскихъ жителей за спасеніе города и всего близкаго сердцу, въ которой Великій Петръ преклонился предъ всемогущимъ Богомъ и молился за отечество.

Эта церковь построена изъ дубовыхъ брусьевъ; вышиною она не болѣе пяти или шести саженей; основаніе ея составляетъ продолговатый четырехугольникъ, около 30 арш. длиною и слишкомъ 15 шириною. Внутренность ея раздѣлена на шесть частей: небольшія сѣнцы, за ними притворъ, далѣе церковь и алтарь, а направо отъ входа въ сѣнцы, вѣроятно, какой-нибудь придѣлъ, теперь уже обветшавшій и назначенный для складки ветхихъ церковныхъ вещей; а за нимъ, рядомъ съ алтаремъ, или придѣлъ или церковная ризница, по-крайней-мѣрѣ, теперь находятся тамъ церковныя книги и вещи.

Украшенія церкви бѣдны и просты; на иконостасѣ не видно драгоцѣнныхъ окладовъ; но въ первомъ ряду, хорошей живописи икона Божіей Матери и Спасителя, съ главами, увѣнчанными коронами; еще икона Божіей же Матери и Спаса Нерукотвореннаго. Во второмъ ряду также изображенія Спасителя и Матери Божіей, и рядъ апостоловъ, а съ ними Моисей и нѣсколько святыхъ; надъ царскими дверьми позолоченой рѣзной работы большое распятіе, надъ нимъ Положеніе Христа во гробъ, и выше всего Воскресеніе Господне. По стѣнамъ развѣшаны вселенскіе соборы, рисованные на полотнѣ; предъ мѣстными образами Спасителя и Божіей Матери сдѣланы навѣсы: одинъ рѣзной работы съ золотыми листами, а другой съ гладкими голубыми колонками, по которымъ вдлину вырѣзаны золотые жолобки.

Въ алтарѣ установлено нѣсколько иконъ также простой живописи; на престолѣ два Евангелія: одно новое, другое въ ветхомъ переплетѣ изъ зеленаго бархата, съ мѣдными посеребреными бляхами, изъ которыхъ на одной вырѣзаны слова: «кости и знакъ смерти, зракъ зритъ всякъ, будетъ такъ:» а на другой сторонѣ благословляющій Спаситель, и, при его подножіи, падшій и взирающій на него человѣкъ, подъ которымъ вырѣзано слово «*Петръ.*» Это даетъ поводъ догадываться, что Евангеліе подарено Великимъ Государемъ, и вѣроятно, послѣ полтавской битвы.

Между многими книгами, сохраняемыми въ придѣлѣ церкви, находятся:

Трифологъ, печатанный въ 1651 году.

Ключъ разумънія, печатанный въ 1665 году во Львовѣ.

Четья-Минея, печатанная по повелѣнію Петра Великаго.

Толкованіе въ кратче на псалмы Давыдовы, собранное отъ многихъ богодухновенныхъ учителей Церкви.

Въ притворѣ подлѣ алтаря находится икона святителя Афонасія, котораго мощи почіютъ въ Лубенскомъ Монастырѣ. Изъ надписи, сдѣланной на иконѣ, видно, что она писана вскорѣ послѣ кончины святаго, а именно въ 1665 году, а поновлена въ 1813.

Подлѣ этой же церкви была другая, большая и также деревянная, во имя Преображенія Господня, но она сгорѣла, какъ записано въ Трифологѣ, неизвѣстно чьей рукою, около 1705 г., сентября 6-го дня, и, по народному преданію, не была окончена постройкою во времена полтавской битвы, а на памяти старожиловъ, за ветхостію разобрана, и вся утварь и иконы перенесены изъ нее въ описанную нами церковь Спаса Нерукотвореннаго. На мѣстѣ же, гдѣ былъ престолъ, положенъ большой камень, который хранится неприкосновенно. Налѣво отъ Спасской церкви, видна бѣдная колокольня, поставленная на нѣсколькихъ столбахъ съ кровлею отъ дождя.

Вотъ еще памятникъ Петрова времени, нашъ русскій памятникъ: остатокъ зданія, близкій сердцу русскому, богатый воспоминаніями. Эта

церковь современна нашей побѣдѣ, начатой еще при Великихъ Князьяхъ, и озаренной нашимъ бѣдствіемъ подъ Нарвою, побѣдѣ, стоившей немного жертвъ, но смѣло рѣшившей тяжбу между Европою и Россіею (*).

Свершивши свой подвигъ и возблагодаривши Бога, Великій Петръ пробылъ нѣсколько времени въ деревянномъ домикѣ, близъ церкви. Теперь нѣтъ этого домика: его, за-ветхостію, растащили на починку хатъ и заборовъ; но на его мѣстѣ поставленъ каменный столбъ, съ надписью: «Здѣсь Петръ I-й покоился послѣ трудовъ своихъ, 27-го іюня 1709. Благоговѣй—мѣсто свято есть.»

Въ настоящее время, съ особенною заботливостію устроивается площадь около бѣдной старинной церкви, какъ около святыни для каждаго русскаго; а самая церковь, уже обреченная, по незнанію, на уничтоженіе, скоро предохранится отъ разрушенія просвѣщеннымъ вниманіемъ и дѣятельностію высшаго мѣстнаго начальства.

(*) Надѣемся вскорѣ передать читателямъ Очерковъ Россіи полтавское дѣло, пользуясь на мѣстѣ преданіями и пѣснями.

СЕЙМЫ.

SNĚMY.

Въ тотъ самый годъ, когда открыта была Вацлавомъ Ганкой знаменитая краледворская рукопись, заключающая въ себѣ остатки старинныхъ чешскихъ пѣснопѣній и уже извѣстная хотя нѣкоторымъ читателямъ русскимъ по переводу А. С. Шишкова (1), въ тотъ самый 1819 годъ, въ національный пражскій музеумъ явился *кто-то* съ приношеніемъ подобной драгоцѣнности.

Четыре пергаменовыхъ листочка, исписанныхъ латинскими литерами, и литеры *continue sunt*, т. е. тянутыя непрерывною нитью, и почеркъ X или начала XI вѣка, и чернило зеленое, въ иныхъ мѣстахъ съ красными подчерками, и пергаменъ замачканъ, кое-гдѣ obтертъ: такова была эта драгоцѣнность.

Рукопись разобрали, и нашли, что она заключаетъ въ себѣ два отрывка лиро-эпическихъ стихотвореній, одинъ въ IX-ть, другой въ CXI де-

сятисложныхъ стиховъ. Рукопись обратила на себя ученое вниманіе. Въ томъ же году, іюня 30, Іосифъ Юнгманнъ, одинъ изъ изыскателей древностей славянскихъ, извѣстный наиболѣе «Исторіей Чешской Литературы» и «Чешскимъ Словаремъ (²),» писалъ къ пану Скороходу-Маевскому, другому знатоку славянщины, основывая на этой рукописи кое-какіе выводы; потомъ Раковецкій напечаталъ ее два раза, въ 1820 и 1822 годахъ, въ своемъ изданіи Правды Русской (³); потомъ она вновь издана въ 1822 году въ журналѣ «Крокѣ» съ объясненіями; наконецъ Мацѣевскій, въ наши годы, не замедлилъ воспользоваться ею въ своей Исторіи Славянскихъ Законодательствъ (⁴). Съ другой стороны сыскались люди, которые стали доказывать подложность рукописи, и въ ихъ ряду сталъ самъ препрославленный Добровскій, напечатавши критику на нее въ апрѣльской книжкѣ Берлинскаго Архива Исторіи и пр.» на 1824 годъ. Добровскій надѣялся доказать; но его доказательствамъ не повѣрили: «Zagisté ne dúwodné!» отвѣчали Чехи на критику, и продолжаютъ считать эту рукопись драгоцѣннымъ памятникомъ своей старины.

У насъ на Руси она неизвѣстна, и вотъ почему, кажется, не мѣшаетъ удѣлить для нее нѣсколько строкъ въ «Очеркахъ Россіи.» Тутъ же она будетъ не неумѣстна, и какъ памятникъ родной намъ славянщины западной, и какъ матеріялъ для будущихъ соображеній о старинѣ русской, въ которой много останется необъясненнымъ, по-

*

ка наши историки и филологи не примутся изучать старину другихъ славянскихъ народовъ.

Привожу эту рукопись въ подлинникѣ и въ русскомъ чтеніи, раздѣливъ въ первомъ *litterae continue* на слова, а во второмъ наблюдая смыслъ; попытаюсь перевести по-русски и сдѣлать нѣсколько мимолетныхъ замѣчаній, представляя другимъ исправлять и дополнять мой опытъ.

Отрывокъ 1-й ([5]).

Подлинникъ.	*Чтеніе.*
Usac ot suei celedi uoeiuod...	Всякъ отъ своей челеди воевод...
Muse pasu seni rubi stroia.	Муже пашу, жены рубы строя.
I umreli glaua celedina	И умрели глава челедина,
Deti use tu sbosiem u iedno uladu;	Дѣти всѣ ту сбожьемъ въ едно владу;
Uladicu si z roda uiberuce,	Владыку си зъ рода выберуче,
Ki plezne dle u snemi zlauni hodi	Ки плезне длѣ въ снеми славни ходи,
Hodi s cmetmi, s lehi, uladicami—	Ходи съ кметьми, съ лѣхи, владыками.
Ustahu cmete, lesi i uladiki—	Встаху кмети, лѣси и владыки—
Pohualihu pũdu po zakonu.	Похвалиху правду по закону.

Переводъ.

Во всякомъ домѣ свой воевода; мужья пашутъ, жены приготовляютъ одежду; если же умретъ глава дома, дѣти всѣ за-одно владѣютъ богатствомъ, выбравши себѣ изъ своего рода владыку, который для общей пользы ходитъ на славные сеймы, ходитъ съ кметами, ляхами и владыками. Встали кметы, ляхи и владыки, похвалили правду по закону.

Отрывокъ 2-й (6).

Подлинникъ.	*Чтеніе.*
Aí, Uletauo ce mutisi uodu?	Ай, Влетаво! че мутиши воду?
Ce mutisi uodu strebropenu?	Че мутиши воду стребропѣнну?
Za te luta rosulaiase bura,	За тѣ люта розвлаяше бѵря,
Sesipausi tucu sire nebo	Зесыпавши тучу шире небо,
Oplacausi glaui gor zelenih,	Оплакавши главы горъ зеленыхъ,
Uiplacausi slatopescu glinu,	Выплакавши златопеску глину.
Cacobih iaz uodi ne mutila,	Како быхъ язъ воды не мутила,
Kegde se uadita rodna bratri,	Кегде се вадита родна братри,
Rodna bratri o dedini otue,	Родна братри о дѣдини отнѣ,
Uadita se cruto mezu sobu:	Вадита се круто межу собу:
Luti hrudos no otaue criue,	Лютый Хрудошъ по Отавѣ кривѣ
Na otaue criue zlatonosne,	На Отавѣ кривѣ златоноснѣ,
Staglau braber na radbuze hladne,	Стяглавъ храберъ на Радбузѣ хладнѣ, —
Oba bratri, oba clenouica	Оба братри, оба Кленовича
Roda stara tetui popeloua,	Рода стара тетвы Попелёва,
Iense pride s pleki s cehouimi,	Ѣнъ-же приде съ плеки съ чеховыми,
Usese sirne ulasti pres tri reki.	Взѣ сѣ ширне власти презъ три рѣки.
Pletese drusna ulastouica,	Прилетѣше дружна властовица,
Pletese ot otaui criui,	Прилетѣше отъ Отавы кривы,
Sede na okence rozlozito	Сѣде на океньцѣ розложито
U lubusine otne zlate sedle,	Въ Любушинѣ отнѣ златѣ сѣдлѣ,
Sedle otne suete uisegrade,	Сѣдлѣ отнѣ свѣтѣ Вышеградѣ,
Beduie i naricaie mutno,	Бѣдуе и нарикае мутно.
Cdi se zlise ieiu rodna sestra,	Кды же слыше ею родна сестра,
Rodna sestra u lubusine duore,	Родна сестра въ Любушинѣ дворѣ,
Spsi cneznu utr uisegrade	Спроси кнѣжну утръ Вышеградѣ
Na pop̃siu ustauiti pũdu;	На попражью уставити правду;
I pognati bratri ieia oba,	И поняти братри ея оба,
I suditi ima po zakonu.	И судити има по закону.
Case cnezna uipũiti posli:	Каже кнѣжна выправити послы:
Po zutoslai ot lubice bele	По Святославъ отъ Любице бѣле,
Idese su dubrauini une;	Иде-же су дубравины унѣ;
Po lutobor s dobroslauska hlemca	По Лютоборъ съ доброславска хлемка,

Idese orlicu laba pie;	Иде-же Орлицу Лаба пie;
Po ratibor ot gor creconsi,	По Ратиборъ отъ горъ Креконоши,
Idcse trut pogubi san lutu;	Иде-же Трутъ погуби сань люту;
Po radouan ot kamena mosta ;	По Радованъ отъ камена моста;
Po iarosir ot bred uletorecnih ;	По Яросиръ отъ брѣдъ влѣторѣчныхъ;
Po stresibor ot sazaui hladni ;	По Стрежиборъ отъ Сачавы хладни ;
Po samorod se mse strebronosne;	По Самородъ се Мже стребросне;
Po use cmeti, lchi i uladiki,	По всѣ кмети, лѣхи и владыки,
I po hrudos i staglau bratri,	И по Хрудошъ и Стяглавъ братри,
Rasuadena o dedini otne.	Разведена о дѣдини отне.
Cda se snehu lesi i uladiki	Кда сѣ снѣху лѣси и владыки
U uisegrade.	Въ Вышеградѣ . . . .
Peni stupi rosenia dle suego.	Прокныйступи роженья длѣ свего.
Stupi cnesna u belestuuci rize,	Ступи кнѣжнавъ белествучи ризѣ,
Stupi na stol oten u zlaune sneme,	Ступи на столъ отень у славне снеме,
Due ueglasne deue.	Двѣ вѣгласне дѣве. . . . .
Uiucene uescbam uitzouim:	Выучене вѣщбамъ витзовымъ:
U iednei su deski pũdodotne,	У едней су дески правдодотне,
U uterei mec criudi carauici;	У втерей мечъ кривды караючiй;
Ptiu im plamen pũdozuesten	Противъ има пламень правдозвѣстенъ,
I pod nima zuatosudna uoda.	Изъ подъ нима святосудна вода.
Poce cnesna s otna zlata stola:	Поче кнѣжна съ отна злата стола:
Moi cmete, lesi i uladiki!	Мои кмете, лѣси и владыки!
Se bratroma rozresite pũdu,	Се братрома розрѣшите правду,
Ia se uadita se odedini,	Я же вадита сѣ одѣдини,
Odedini otne mezu sobu,	Одѣдини отне межу собу,
Po zaconu uecosiznih bogou!	По закону вѣкожизныхъ боговъ!
Budeta im oba u iednoulasti,	Будета имъ оба въ едновласти,
Ci se rozdelita rounu meru	Чи сѣ роздѣлита ровну мѣру?
Moi cmete, lesi u uladiki!	Мои кмете, лѣси и владыки!
Rozresite moie uipouedi :	Розрѣшите мое выповѣди:
Budete li u uas po rozumu!	Будете ли у васъ по разуму!
Ne budetel u uas po rozumu!	Не будете ль у васъ по разуму!

Ustauite ima noui nalez,	Уставите има новый налезъ,
Ki bi smeril rosuadena bratri!	Кій бы смерилъ розвадена братри!
Clanechu se lesi i ulaudiki	Кланеху сѣ лѣси и владыки,
Pocehu tiho gouoriti:	Почеху тихо говорити:
Guoriti tiho mezu sobu	Говорити тихо межу собу
I hualiti uipouedi ieie.	И хвалити выповѣди ее.
Usta lutobor s dobroslausca hlemca	Вста Лютоборъ съ доброславска хлемка
Iese taco slouo gouoriti :	Ѣше тако слово говорити:
Zlauna cnesno ! s otna zlata stola	Славна кнѣжно! съ отна злата стола
uipouedi tuoie rosmislehom	Выповѣди твое размыслехомъ.
Seber glasi po narodu suemu!	Себерь гласы по народу свему!
I sebraste glasi deue sudne,	И себрасте гласы деве судне,
Sberaste ie u osudie zuate,	Сберасте е въ осудіе святе,
I daste ie lehom ‚puolati.	И дасте е лѣхомъ проволати.
Usta radouan ot camena mosta	Вста Радованъ отъ камена моста
Iese glasi cizlem ‚pgledati	Ѣше гласы числемъ преглѣдати
I uecinu ‚puolati u narod,	И вѣчину проволати въ народъ,
U narod c rozuzenu na snem sboren.	Въ народъ къ разсуженью на снемъ сборенъ.
Oba rodna bratri clenouica,	Оба родна братри Кленовича,
Roda stara tetui popeloua,	Рода стара тетвы Попелёва,
Ieuse pride z pleki s cehouimi,	Ѣнъ же приде съ преки съ чеховимы,
Usese sirne ulasti ‚ps tri reki	Взѣ же ширне власти презъ три рѣки
Smeratase taco o dedini:	Смиратасѣ тако о дидини:
Budeta im oba u iednoulasti.	Будета имъ оба въ едновласти.
Ustanu hrudos ot otaui criui	Встану Хрудошъ отъ Отавы кривы ,
Zlec se iemu rozli po utrobe	Жлечь сѣ ему розли по утробѣ,
Trasehuse lutostu usi udi.	Трясехусѣ лютостью вси уды.
Mahnu recu, zarue jarim turem:	Махну реку, зарве ярымъ туремъ:
Hore ptencem, c nimse zmia u nori,	Горе птенцамъ, къ нимъ сѣ змія въ нори!
Hore musem, im se sena ulade!	Горе мужёмъ, имъ же жена владе!
Musu ulasti musem zapodobno,	Мужу власти мужемъ заподобно,

Preuencu dedinu dati p̃a.
Sta lubusa s otna zlata stola
Uece: cmete, lesi i uladiki!
Sliseste zde poganenie moie?
Sudte sami po zaconu p̃du;
U ne budu uam suditi suadi!
Uolte musa mezu sobu rouna,
Ki bi uladl uam po selezu:
Deuce ruca na ui c ulade zlaba.
Usta ratibor ot gor creconosi,
Iese taco slouo gouoriti:
Ne hualno nam u nemceh iscati p̃du
U nas p̃da po zaconu suatu
Iuse prinesehu otci nasi
Use se.....

Превенцу дѣдину дати правда.
Ста Любуша съ отна злата стола
Вѣче: кмете, лѣси и владыки!
Слышесте здѣ поганенье мое?
Судьте сами по закону правду;
У не буду вамъ судити свады!
Вольте мужа межу собу ровна,
Кій бы владлъ вамъ по желѣзу:
Дѣвче рука на вы къ владѣ слаба.
Вста Ратиборъ отъ горъ Креконоши,
Ѣше тако слово говорити:
Не хвально намъ въ Нѣмцехъ искати правду!
У насъ правда по закону святу,
Юже принесеху отцы наши,
Всѣ же.......

Переводъ.

О Влетава! (7) что мутишь ты воду? что мутишь ты сребропѣнную воду? За тобою завыла лютая буря, осыпала тучей пространное небо, смочила слезами вершины зеленыхъ горъ, смочила слезами золотопесчаную глину. Какъ же бъ я водъ не мутила, когда въ раздорѣ братья родные за отчее наслѣдіе, въ раздорѣ жестокомъ межъ собою: одинъ-то лютый Хрудошъ съ Отавы кривы, съ Отавы кривы златоносной (8), другой-то храбрый Стяглавъ съ хладной Радбужи (9); и оба они братья, оба Клеповичи (10), древняго рода колѣна Попеля (11), который пришелъ съ чешскими полками и овладѣлъ обширными землями межъ трехъ рѣкъ (12). Прилетѣла дружняя ласточка, прилетѣла съ Отавы кривы, сѣла на широкомъ оконцѣ въ Любушиномъ отчемъ золотомъ дворцѣ,

въ золотомъ дворцѣ въ свѣтломъ Вышеградѣ ([13]), и горюетъ, и смутно предвѣщаетъ горе. Услышала ее родная сестра, родная сестра въ Любушиномъ дворѣ, попросила княжну на утро въ Вышеградѣ на вѣчѣ правду править, и призвать обоихъ братьевъ ея, и судить ихъ по закону. Приказываетъ княжна ([14]) пословъ послать: за Святославомъ въ бѣлой Любицы ([15]), гдѣ много красивыхъ дубравъ; за Лютоборомъ съ доброславскаго холма ([16]), гдѣ Орлицу Лаба впиваетъ; за Ратиборомъ съ горъ Крконоши ([17]), гдѣ Трутъ погубилъ лютаго змія; за Радованомъ съ каменнаго моста; за Яросиромъ съ бродовъ влѣтюрѣчныхъ; за Стрежиборомъ отъ Сачавы хладной ([18]); за Саморадомъ съ Межи среброносной ([19]); за всѣми кметами, ляхами и владыками, и за Хрудошемъ и за Стягловомъ братьями, споривщими объ отчемъ наслѣдіи. Всѣ ляхи и владыки вышли и въ Вышеградѣ..... Каждый занялъ мѣсто по роду. Взошла и княжна въ свѣтозарной ризѣ, взошла на отчій престолъ въ славный сеймъ. Двѣ мудрыя дѣвы... вѣдавшія витезевы прорицанія ([20]): одна держитъ доски законовъ, другая мечъ, неправду карающій; а предъ ними пламень вѣщающій правду, а за ними святосудная вода. Молвила княжна съ того золотаго престола: мои кметы, ляхи и владыки! разберите правду у братьевъ, спорящихъ о наслѣдствѣ, объ отчемъ наслѣдствѣ межъ собою, по закону вѣчныхъ боговъ разберите ([21]): владѣть ли имъ вмѣстѣ не дѣля его, или раздѣлить на ровныя части? Мои кметы, ляхи и вла-

дыки! исполните мою волю—достанетъ ли у васъ разума, или не достанетъ у васъ разума, но дайте имъ новый распорядокъ, чтобъ помирились враждующіе братья. Кланялись ляхи и владыки, стали тихо говорить, тихо говорить межъ собою и хвалить ея волю. Всталъ Любоборъ съ доброславскаго холма, началъ такъ говорить: славная княжна! разсудили мы твою волю, высказанную намъ съ отчаго золотаго престола! Собери голоса у народа твоего! И дѣвы судныя собрали голоса, сбирали ихъ въ святые сосуды, и дали ляхамъ провозглашать. Всталъ Радованъ съ каменнаго моста, сталъ перечитывать голоса и рѣшенье провозглашать народу, народу на разсужденье на общемъ сеймѣ. Оба родные братья Кленовичи, стараго роду колѣна Попеля, пришедшаго съ чешскими полками и овладѣвшаго обширными областями помежъ трехъ рѣкъ, такъ примириться должны о наслѣдствѣ: будетъ оно у нихъ въ общей власти. Всталъ Хрудошъ съ Отавы кривы; разлилась у него желчь по утробѣ, и отъ злости встряслись всѣ члены. Махнулъ онъ рукой, заревѣлъ ярымъ туромъ: горе птенцамъ, къ нимъ же прокралась змѣя! горе мужамъ, ими же владѣетъ жена. Мужами долженъ повелѣвать мужъ, первенцу отдать наслѣдство законъ велитъ. Стала Любуша съ отчего золотаго престола, такъ говоритъ: кмети, ляхи и владыки! Вы слышали здѣсь мое посрамленіе? Блюдите же сами собою правду по закону, а я уже не стану разбирать ваши споры. Избирайте межъ собою равнаго вамъ мужа, который бы властво-

валъ надъ вами желѣзомъ: дѣвичья рука владѣть вами слаба. Всталъ Ратиборъ съ горъ Креконоши и началъ такія рѣчи говорить: стыдно намъ искать правды въ Нѣмечинѣ! у насъ правда по закону святому, принесенному предками, и всѣ они. . . . . »

Предполагаю, что въ чтеніи и переводѣ, мною представленныхъ, есть ошибки; но избѣгнуть ихъ было мудрено, если и было возможно избѣгнуть: если жъ иныя ошибки моя вина, то да извинятъ меня и исправятъ.

Покамѣстъ я представляю себѣ состояніе чешской земли временъ Любуши, по этимъ пѣснопѣніямъ, въ такомъ видѣ.

По рѣкамъ Эльбѣ (Лабѣ) и Молдавѣ (Влтавѣ) съ Сачевой и Межой и по другимъ небольшимъ рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ, на юго-западъ отъ хребта Горъ Исполиновыхъ (Креконоши), жили тогда Чехи, еще не христіане, но уже осѣдлые и имѣвшіе общественное устройство.

Центръ ихъ народнаго союза, метрополь — былъ Вышеградъ.

Четыре главныя основанія ихъ общественнаго устройства очень замѣтны: 1) власть старѣйшинъ (владыкъ), 2) власть народа на общихъ сеймахъ, 3) власть монархическая Дѣвы-Корицы Любуши, 4) власть законовъ.

1. Власть старѣйшинъ (владыкъ) была патріархальная. Въ этомъ отношеніи Чехи раздѣлялись на семьи, управляемыя старшими въ родѣ, и потомъ на фамиліи (челеди), изъ которыхъ каждая

состояла, вѣроятно, изъ нѣсколькихъ семей кметей (земледѣльцевъ), имѣла своихъ ляховъ (дворянъ-воиновъ) и своего главнаго воеводу (владыку, главу челедину). Едва ли можно принимать кметей, ляховъ и владыкъ за три отдѣльныя кастообразныя сословія, раздѣленныя не только занятіями, названіемъ и важностію сана, но и коренными правами; скорѣе можно предположить, что сословій было два, и то не сословій-кастъ, а сословій-званій: сословіе селянъ-земледѣльцевъ (кметей) и сословіе дворянъ-воиновъ (ляховъ). Земледѣльцы въ отношеніи къ воинамъ были простолюдины, почитавшіе знатныхъ; немудрено, что ихъ повиновеніе было отнюдь не рабское, равно какъ и власть надъ ними воиновъ-дворянъ была вовсе не самопроизвольная, а очень ограниченная.

2. Эта ограниченность власти однихъ и зависимости другихъ явственно выражалась въ сеймахъ народныхъ. Знатные люди могли на сеймахъ занимать первыя мѣста, имѣть нѣкоторыя привилегированныя обязанности; но чуть ли не этимъ и ограничивались ихъ преимущества. Народъ собирался въ Вышеградъ на вѣче (попражье), и тутъ судилъ по закону, правилъ правду вольнымъ голосомъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ всего народа, рѣшались всѣмъ народомъ, если даже касались и до благородныхъ; а ляхи только провозглашали это большинство голосовъ (вѣчину), даже не собирали ихъ, что предоставлено было боговдохновеннымъ суднымъ дѣвамъ. Явственно,

что власть народныхъ сеймовъ была главная гражданская власть. Впрочемъ и она была ограничена.

3. Она была ограничена монархическою властію Дѣвы Любуши. Любуша была высокаго рода, и получила верховную власть и престолъ своего отца въ наслѣдство. Эта верховная монархическая наслѣдственная власть, ограничивая власть народа, имѣя въ своей зависимости созываніе сеймовъ и первый голосъ въ рѣшеніи споровъ, была сама ограничена тѣми же народными сеймами, и, можетъ быть, еще нѣкоторыми знатными и сильными домами.

4. Такимъ образомъ всѣ власти были ограничены однѣ другими. Немудрено, что сила общественнаго устройства сосредоточивалась во власти законовъ. Эта власть одна была неограниченная, безусловная, утвержденная вѣками, святостію памяти предковъ и воли боговъ. Не знаемъ, каковы были эти законы, чего касались, что повелѣвали: знаемъ только, что на сеймахъ судили по нимъ, и что они были писаны на доскахъ, сохраняемыхъ одною изъ судныхъ дѣвъ. Можно также догадываться, что они опредѣляли права наслѣдства, а слѣдовательно и собственности, и что основаніемъ сихъ правъ была семейная общность владѣній и власть старшихъ въ родѣ, а не дѣленіе на участки, для Чеховъ чуждое и противозаконное. Еще можно догадываться, что эти законы опредѣляли и образъ судопроизводства, находившагося подъ вѣдѣніемъ судныхъ дѣвъ. Эти

судныя дѣвы пророчицы и жрицы витезя, изъ которыхъ одна хранила доски законовъ, другая мечъ, карающій неправду, имѣли также въ своемъ вѣдѣніи и судъ огнемъ и водой—судъ Божій. Еще можно догадываться . . . но вмѣстѣ съ тѣмъ и пожалѣть, что пѣснопѣнія, по которымъ желали бы мы развѣдать старину чешскую, заставляютъ догадываться, а не говорить ясно.

Впрочемъ и того, что они пересказали объ общественномъ устройствѣ старой Чехіи, для такихъ небольшихъ отрывковъ слишкомъ довольно.

Досадно, что нельзя извлечь изъ нихъ столько же свѣдѣній и объ общественной образованности тогдашнихъ Чеховъ: въ этомъ отношеніи они слишкомъ малословны. Извлекаемъ важнѣйшее:

1) Чехи вели жизнь осѣдлую: мужья занимались земледѣліемъ, поручая женамъ приготовленіе одеждъ.

2) Они знали уже употребленіе желѣза, золота и серебра.

3) Жили они, конечно, въ хижинахъ; впрочемъ имѣли уже дворы, замки, каменные мосты.

4) Они вѣрили вѣковѣчнымъ богамъ, ихъ промыслу и безсмертію.

5) Вѣрили въ предвѣщанія, въ чудеса.

6) Имѣли уже грамоту.

7) Праздновали законность единоженства.

8) Понятія о семейственности были очень развиты между ними, и даже приведены въ законную форму.

9) Все это, вмѣстѣ съ народными собраніями и святостію памяти предковъ, укрѣпляло силу ихъ народнаго союза.

Можно бы еще сдѣлать нѣсколько выводовъ, можно бы разсмотрѣть разбираемые нами отрывки въ отношеніи къ языку, въ отношеніи ко времени, когда они были сочинены и написаны, или ко времени, которое описываютъ; но это завлекло бы далеко. На первый разъ довольно и этого (22).

Любите, храните, Чехи, свои народныя драгоцѣнности, и защищайте ихъ отъ нападковъ всеразрушающей критики, если по совѣсти признаете ихъ того достойными. . . .

И. Срезневскій.

ИЗБОРНИКИ.

Старина, старина!
Съ мозгомъ была.

Въ библіотекѣ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго Монастыря нашелся когда-то Изборникъ: писанъ былъ онъ, этотъ Изборникъ, повелѣніемъ Князя Святослава Ярославича, того самаго, который почти за 800 лѣтъ до нашего 1838 года такъ удало храбровалъ на Руси, когда не стало въ ней Ярослава Великаго, и потомъ «преставися отъ рѣзанія желвве»; (1) писанъ былъ этотъ Изборникъ діакомъ Іоанномъ въ 1073 году на пергаменѣ въ листъ, уставомъ на 264 листахъ, прилежно и узорочно. Стоитъ взглянуть на него: книга пергаменовая, старая, — старинная, не нашей памяти, длинная, и на всякой страницѣ по два столбца, изрисованныхъ, какъ двѣ египетскихъ колонны, всею роскошью древняго письменства; и на оборотѣ перваго листа, будто снимокъ съ одного изъ барельефовъ нильскихъ пещеръ: все семейство Святослава, и самъ онъ съ усами, въ зеленыхъ

сапогахъ, въ кафтанѣ и княжеской мантіи, и сама княгиня въ покрывалѣ, и всѣ его пять дѣтокъ-сыновей отъ велика до мала въ высокихъ синихъ шапкахъ, и надъ ними золотыми буквами: «*Господи, не презьри, нъ пріими ны вся и помилуй ны!*» И потомъ—чего нѣтъ на страницахъ этого Изборника.... Когда же увидите его, то приглядитесь къ нему: онъ — старѣйшій своего рода, онъ — дѣдушка цѣлаго народа — семейства нескончаемаго, неисчетнаго, неоцѣненнаго, славнаго во всѣхъ концахъ православной нашей Руси.

Былъ онъ, а за нимъ было ихъ, сборниковъ и изборниковъ, писанныхъ и уставомъ, и полууставомъ, и скорописью, столько, что ни перечесть ни пересказать. Какъ же посмотрите на нихъ, какъ присмотритесь къ нимъ, сами скажете: «Старина, старина, съ мозгомъ была!» О чемъ не прочтете, и чѣмъ не полюбуетесь! найдете и роскошныя парафы, и картины въ золотѣ и во всѣхъ красках, и красивыя страницы, тщательно исписанныя чернымъ, краснымъ и зеленымъ черниломъ; а на этихъ страницахъ найдете повѣсти и размышленія, басни и проповѣди, небылицы и были въ лицахъ обо всемъ, что было любопытно и питательно для ума, сердца и воображенія старинного русскаго человѣка, весь запасъ, имъ припасенный для поддержанія и услажденія своего духовно-нравственнаго бытія. Онѣ разскажутъ вамъ, какъ онъ жилъ душею, какъ молился, какъ думалъ, о чемъ и надъ чѣмъ задумывался, чѣмъ «*бавилъ свою крѣпкую думу, свое раздумьице великое*» въ тихій

часъ уединеннаго вечера; или скромныя бесѣды съ пріятелемъ, чѣмъ блестѣлъ, какъ добрый думца на сходкѣ думныхъ, разумныхъ головъ; онѣ передадутъ вамъ все его познаніе былаго, всѣ его вѣрованія и надежды на будущее, весь итогъ его мыслей, понятій, взглядовъ на міръ и человѣчество и на жизнь въ семьѣ и въ обществѣ.

Вотъ драгоцѣнность нашихъ сборниковъ и изборниковъ. Это золотыя жилы (2) съ примѣсью веществъ разнородныхъ, но золотыя жилы; и немудрено будетъ какому-нибудь Гумбольдту сыскать въ ней и алмазъ. «Старина, старина! съ мозгомъ была!»

И старинный русскій человѣкъ дорожилъ этимъ кладомъ. Для него, бѣднаго книгами печатными, даже церковными и богослужебными, изборники и сборники были почти единственными книгами, куда онъ могъ заглядывать отъ души, гдѣ онъ могъ найти для нея пищу: какъ же ему не дорожить было ими?

За то и было ихъ многое множество, такое множество, что въ числѣ всѣхъ рукописныхъ книгъ нашихъ они занимаютъ по-крайней-мѣрѣ третью часть, а если выключить изъ общаго числа книги божественныя, то останутся почти только одни изборники да сборники.

Но почему же изборники и сборники были почти единственными книгами старой Руси? Почему русскій человѣкъ въ нихъ любилъ заглядывать преимущественно?

Уже ли это случайность? Или вся причина этого въ несовершенствѣ нашего стараго,—до-петровскаго—образованія и просвѣщенія? Или, наконецъ, тутъ виною всему и оправданіемъ всему русскій умъ?

Случайность! Семь столѣтій (возьмемъ меньшую мѣру періода нашихъ изборниковъ и сборниковъ, только писанныхъ)—семь сотъ лѣтъ, хоть бы и въ жизни такого великаго народа, какъ нашъ русскій, былъ бы слишкомъ долгій вѣкъ для случайности. Да полно и есть ли случайности въ дѣлахъ народовъ? Сошлются, пожалуй, иные на несовершенство нашего стараго образованія и просвѣщенія, сошлются на варварство нашихъ предковъ. Но доказано ли оно? И не доказано, и не докажетъ множества нашихъ изборниковъ и сборниковъ. Притомъ же, кончился ли вѣкъ сборниковъ и изборниковъ на Руси, или только разъигривается и расцвѣтаетъ? По мнѣ, такъ онъ идетъ, идетъ, и ему еще долго идти—конца пути не видно: только и разницы стараго отъ новаго, что вмѣсто устава и вліянія Греціи византійской, какъ было встарь, зацаревала у насъ гражданская печать да съ запада вѣтерокъ. И такъ что же? Ужели русскій умъ, его природа—рѣшатъ загадку?

Кажется, что такъ. Русскій человѣкъ, по природѣ, по невольному требованію ума своего, всегда любитъ и всегда предпочтетъ всякой другой книгѣ изборникъ или сборникъ, потому что онъ всего болѣе удовлетворитъ его требованіямъ, его

вкусу, его врожденному понятію о книгѣ. Это вовсе неудивительно, хоть и сами разсудите.

Умъ русскаго самобытенъ, самоволенъ: есть *память въ тѣлѣ,* есть *хотѣніе въ сердцѣ*, есть *и мысль во лбу: «око видитъ далеко, а мысль еще дальше.»* Умъ русскаго знаетъ самъ себя, думаетъ самъ за себя и самъ по себѣ: У него *«и кафтанъ хоть сѣръ, а умъ не кто съѣлъ.»* Убѣждайте его— не убѣдите, если онъ самъ себя не убѣдитъ; не переувѣрите его, пока онъ самъ въ себѣ не переувѣрится: *«на чужой,* скажетъ онъ, *коровай ротъ не разѣвай, а свой затѣвай; а скоморохъ хоть голосъ на гудкѣ и настроитъ, да житья своего не установитъ.»* И онъ скорѣе сдѣлаетъ по вашему, нежели станетъ думать по вашему; скорѣе откажется отъ всякой думы, нежели промѣняетъ свою на чужую. Ему нуженъ умъ чужой только на подмогу, только для цитаты, какъ сказалъ бы ученый докторъ; только для того, что *«умъ хорошо, а два лучше»;* а впрочемъ онъ и безъ него готовъ обойтись: вольная душа, некупленный и неподкупный, самъ онъ знаетъ, какъ о чемъ когда думать, самъ умѣетъ разсуждать, что хорошо, а что худо. Болѣе всего ему нужны возбуждающія средства, мысли чужія, чтобы онъ ихъ повѣрилъ, или призналъ или осудилъ, задумавшись надъ ними; еще болѣе мыслей нужны ему событія изъ жизни дѣйствительной и божественнаго ученія; факты, чтобы онъ могъ ихъ сообразить, чтобы онъ могъ пробудить или развить въ себѣ какую-нибудь мысль, которая навела бы его на думу, или раз-

вила предъ нимъ свитокъ фантазіи. Такимъ образомъ, принимаясь за книгу, чего русскій отъ нея требуетъ, что въ ней надѣется найти? Подмогу и возбужденіе своему уму, а не путеводителя, не наставника, не законодателя. У него есть одинъ законъ, *законъ Божій и Государевъ*, и не нужно ему инаго: «*Все Божіе да Государево, все во власти Божіей и Государевой*», молвитъ онъ, и встрѣчая въ книгѣ законъ Божій или Государевъ, глядитъ на него не какъ на часть книги, но какъ на фактъ изъ жизни міра, который не можетъ не быть, точно такъ, какъ и на всякой другой фактъ, который и долженъ былъ быть, потому что былъ, и не былъ бы, если бъ не долженъ былъ быть, по повѣрью: «*чему быть, тому не миновать.*» Ему нужны эти факты, ему дороги они для соображенія, для возбужденія его размышленій. «*Умная голова, разбирай Божіи дѣла; молись да злаго берегись, да и знай, что про все вѣдаетъ Богъ да Царь.*» Такъ вѣритъ русскій и дорожитъ книгой, сохраняющей ему факты, «вѣданій» Божіихъ и Царевыхъ, дорожитъ ею не какъ законодательницей и наставницей, а какъ сокровищницей законовъ міровыхъ, которые и безъ нея существовали, и безъ нея могли быть ему извѣстны, и безъ нея могли быть имъ забыты, и съ нею всегда предъ нимъ. Потомъ, богатый фактами, онъ желалъ бы знать изъ книги, какъ кто о чемъ думалъ, однако вовсе не для того, чтобы самому также думать, а опять для обогащенія себя фактами; для подмоги и возбужденія своихъ умственныхъ силъ,

надѣясь встрѣтить и думца, сходно съ нимъ думавшаго, и случай пораздумать о неправдѣ словъ тѣхъ, которые думали не такъ какъ онъ. Наконецъ, русскій желалъ бы, чтобы та же книга и повеселила его, подарила его краснымъ словцомъ, позабавила его остроуміе, развернула крылья разгульному его воображенію. И болѣе отъ книги онъ ничего не потребуетъ, развѣ только того, чтобы онъ могъ сказать о ней, прочетши ее: «*малъ золотникъ, да дорогъ*!» Какая же книга можетъ удовлетворить всего лучше, всего вѣрнѣе, желанію такого прихотливаго ума? Ужъ вѣрно не отдѣльное образцовое сочиненіе, большое и цѣлое, не сочиненіе писателя-оратора, который, не жалѣя бумаги и головы своей, поведетъ его по всѣмъ путямъ своей мысли, по всему поприщу своего размышленія, поведетъ, да того и гляди, заведетъ или въ лѣсъ безъ выходу, или въ болото безъ берега. «Русскому останется непонятно терпѣніе читать цѣлые фоліанты чужихъ умствованій; русскаго утомитъ такое невольническое путешествіе, гдѣ умъ его долженъ не въ-шутку быть дитятью на помочахъ у нянюшки-матушки, или ея внучки красавицы—сѣнной дѣвушки. Какая же книга будетъ какъ разъ пригодна русскому человѣку? Изборникъ или сборникъ всего лучше, всего пригоднѣе: тутъ все лучшее избрано и собрано, и всего много, и всего немного, «*и малъ золотникъ да дорогъ, и дорогъ затѣмъ что малъ, затѣмъ что не всякое лыко въ строку строчилось, а иное и въ сторону металось.*» Въ изборникѣ или сбор-

никѣ онъ найдетъ все,—и любимыя мѣста изъ св. Писанія, и дѣянія старины, и сказанія о достопримѣчательностяхъ всѣхъ странъ, всѣхъ царствъ природы, всѣхъ народовъ, все. и повѣсти, и размышленія, и басни и проповѣди, и были и небылицы.

Вотъ почему, думаю, изборникъ или сборникъ будетъ всегда любимъ русскимъ человѣкомъ, всегда предпочтенъ всякой другой книгѣ; вотъ почему и были они всегда любимы и предпочитаемы на Руси всѣмъ другимъ книгамъ; вотъ почему и было ихъ многое множество.

Такъ и въ Святославомъ Изборникѣ діакъ Іоаннъ изволилъ написать:

Державный властитель Великій Князь Святославъ пожелалъ усладить разумъ свой въ глубинѣ многотрудныхъ сихъ книгъ премудраго Василія, и повелѣлъ мнѣ немудрому перевести ихъ, соблюдая близость мыслей, и подобно любодѣльной пчелѣ, собирающей все въ одинъ сотъ, собрать въ мудрое сердце свое и проливать изъ устъ своихъ, какъ сладкій медъ, предъ боярами, для внушенія тѣхъ мыслей, дѣлаясь новымъ Птоломеемъ, не столько вѣрою, какъ желаніемъ, и такъ собралъ разныя чест-

«Великый въ князихъ Князь Святославъ въжделаніемь зѣло въжделавъ дьржаливый Владыка бавити покръвеныя разумы въ глубинѣ многостръпътьныхъ сихъ книгъ премудраго Василіа въ разумѣхъ, повелѣ мнѣ немудрувѣдію премѣну сътворити рѣчи инако, набъдяща тожьство разумъ его, яже акы бъчела любодѣльна съ всякаго цвѣта псанію събравъ акы, въ единъ сътъ въ вельмысльное сердце свое, проливаетъ акы сътъ сладъкъ изъ устъ своихъ предъ боляры на вразумѣнье тѣхъ мысльмъ, явля-

ныя божественныя книги, и наполнивши ими свои клѣти, наставилъ себѣ незабвенную память.

яся имъ новый Птоломей, не вѣрою, нъ желаніемъ паче, и събора дѣля многочостьныихъ божествьныхъ кънигъ всѣхъ, ими же и своя клѣти испълнь, вѣчьную си память сътвори, еже памяти вину въсприяти.»

Такъ и въ другомъ сборникѣ, который хранится (въ уставной копіи) у меня, новѣе Святославова семью вѣками, написано:

Здѣсь же между дѣяньями написаны на нѣкоторыхъ страницахъ различныя духовныя бесѣды, наставительныя и наблюдательныя. Писаны же онѣ, какъ уже я сказалъ, для себя, и гдѣ встрѣчаются толкованія на божественное Писаніе, то я написалъ ихъ потому, что они казались мнѣ, по простотѣ моей, хорошими или полезными для души. И подобно, какъ собираютъ въ одинъ сосудъ золото, серебро, жемчугъ или какія-нибудь дорогія вещи, такъ и я собиралъ, вкратцѣ, въ одну эту книжечку, все, что только собрать могъ. Да пошлетъ Богъ читающимъ и слушающимъ

«Здѣже межь дѣяніи на нѣкіихъ лѣстѣхъ и иная различная по прілучаю бы толковательная ̀ово разсмотрительная духовная бесѣда положишася.... Писашася бо, яко-же рѣхъ себѣ ради, токмо неже прилучится зъдѣ Божественнаго Писанія толкованія, моему худоумію мнящѣеся быти изрядно же, или душе моей полезное, то и написахъ здѣ; *якоже бо кто злато и серебро и жемчюгъ и что-либо отъ драгихъ вещей во единъ ковчежецъ влагати, сице азъ собирая же различныхъ въедину сию книжицу вкратце вложихъ елико собрати возмогохъ.* Богъ и да дастъ чтущимъ и

усердіе къ чтенію и слушанію для снисканія душевной пользы.	внимающимъ оусердие къ чтенію и внятию въ снискание душевныя пользы.»

Упоминать ли наконецъ о томъ, что пристрастіе русскаго ума къ изборникамъ и сборникамъ дѣлало то, что и тѣ книги русскія, которыя не предназначались быть сборниками или изборниками, превращались въ нихъ тѣмъ или другимъ случаемъ и какъ будто ненарокомъ, по какому-то невольному, безотчетному желанію «списателя,» а иногда и по его явному желанію угодить читателямъ. Сами лѣтописи наши,—что онѣ, если не изборники и сборники? Онѣ всѣ сшиты изъ лоскутьевъ, собранныхъ тамъ и сямъ, такъ и сякъ, и непривычный, перечитывая ихъ, встрѣтитъ въ нихъ часто то, чего вовсе не ожидалъ и что покажется ему совершенно неумѣстнымъ. Я уже не говорю о другихъ нашихъ старыхъ книгахъ богословскихъ, философскихъ и проч. и проч.

Немудрено, что наши сборники и изборники хранятъ въ себѣ весь запасъ стариннаго русскаго человѣка, имъ припасенный для поддержанія и услажденія своего духовно-нравственнаго бытія, что они «сокровищники, ковчегъ, сотъ» его вѣрованій, его думъ и мыслей, его знаній, его понятій о мірѣ, человѣчествѣ, отечествѣ и о самомъ себѣ.

Отсюда переходъ легокъ и естественъ къ справедливому заключенію о разнообразіи нашихъ изборниковъ и сборниковъ; потомъ къ заключенію о возможности найти правильность частей и от-

дѣловъ въ хаосѣ этого разнообразія, о возможности раздѣленія всѣхъ сборниковъ и изборниковъ по вѣкамъ, по мѣстностямъ, по классамъ грамотнаго общества: хотя и правда, что «всякъ молодецъ на свой образецъ,» что «всякъ по своему нраву работаетъ.» Однако и то правда, что «гдѣ сосна выросла, тамъ она и красна» и что «во всякомъ подворьи свое повѣтье.»

Предметъ любопытный, предметъ поучительный и важный для русскаго этнолога, изслѣдовать это раздѣленіе изборниковъ и сборниковъ на роды и виды, по ихъ содержанію, по мысли, ими выражаемой, по ихъ мѣстности и времени въ отношеніи къ классу народа, для котораго они «описывались.»

Оставимъ это до другаго времени, до другой статьи; а теперь пожелаемъ этому новому сборнику: «Очеркамъ Россіи,» всего добраго: были бы они сокровищницей, ковчегомъ, сотомъ свѣдѣній о нашемъ великомъ отечествѣ, были бы они сборникомъ истинно русскимъ, достойнымъ народа русскаго, были бы душѣ русской угодны, съ любовью читаемы, съ любовью вспоминаемы; иначе и желать нечего.

И. Срезневскій.

ЗАМѢЧАНІЯ и ВЫПИСКИ.

I. **О замерзаніи и вскрытіи рѣкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи.** Россія отъ Морей Чернаго и Азовскаго до Бѣлаго Моря простирается тысячи на двѣ верстъ. Такое направленіе даетъ понятіе о разности климата въ двухъ противуположныхъ странахъ этого пространства. Положеніе горъ и близость морей производятъ только нѣкоторыя измѣненія въ общемъ ходѣ годовыхъ временъ. Извѣстно, что средняя Россія лежитъ большею частію на возвышенности, называемой *Плоскою,* которая соединяется на востокѣ съ отраслями Уральскихъ, а на западѣ съ отраслями Карпатскихъ Горъ. Самыя возвышенныя мѣста средней Россіи занимаютъ губерніи тверская, смоленская и московская. Онѣ болѣе другихъ открыты со стороны сѣвера и со стороны юга. Здѣсь рѣки обыкновенно замерзаютъ до *половины ноября* и вскрываются въ *первыхъ числахъ апрѣля.* Къ этому разряду губерній принадлежатъ, съ укло-

неніями едва замѣтными, тверская, калужская, тульская, орловская, рязанская, нижегородская, владимірская, костромская и ярославская.

Отъ этихъ губерній возвышенность постепенно склоняется на сѣверъ, и тѣмъ болѣе открываетъ расположенныя на ней губерніи для холодныхъ вѣтровъ и нѣсколько закрываетъ отъ вліянія южнаго вѣтра. Здѣсь рѣки замерзаютъ ранѣе, и вскрываются позже, нежели въ средней Россіи, такъ что въ архангельской губерніи, удаленной отъ Москвы, почти на тысячу верстъ, по прямой линіи, и совершенно открытой для сѣверныхъ непогодъ, рѣки замерзаютъ *около 1-го ноября* а вскрываются *не ранѣе первыхъ чиселъ мая.*

Напротивъ, южная покатость Плоской Возвышенности, замѣтно склоняясь къ полудню отъ курской губерніи, открываетъ губерніи для южныхъ вѣтровъ и для большаго вліянія солнца. Здѣсь, т. е. на широтѣ харьковской губерніи и южной части курской, рѣки замерзаютъ *около 1-го декабря* и вскрываются *до половины марта.* Самыя южныя страны, т. е. область бессарабская, Новороссійскій Край и южная часть Донской Земли, по географическому положенію и мѣстности, принадлежатъ къ разряду губерній жаркаго климата Россіи. Здѣсь рѣки замерзаютъ *около 1-го января* и вскрываются *около 1-го марта.*

Иногда въ архангельской губерніи рѣки вскрываются въ апрѣлѣ и въ концѣ мая; иногда въ Новороссійскомъ Краѣ вскрываются въ половинѣ февраля. Но вообще во всѣхъ пространствахъ Рос-

сіи, т. е. въ южномъ, среднемъ и сѣверномъ, такія исключенія бываютъ рѣдки.

И такъ: 1) въ сѣверной полосѣ Россіи, къ которой принадлежатъ губерніи: архангельская, олонецкая, вологодская, вятская, пермская и др., рѣки бываютъ покрыты льдомъ, приблизительно, отъ 1-го ноября до 1-го мая, т. е. не менѣе *полугода*. Другіе полгода остаются для весны, лѣта и осени.

2) Въ средней полосѣ Россіи, къ которой принадлежатъ губерніи: московская, калужская, смоленская, тульская, рязанская, владимірская, орловская, курская, часть Малороссіи и др., рѣки бываютъ покрыты льдомъ приблизительно, отъ половины ноября до первыхъ чиселъ апрѣля, т. е. *четыре съ половиною мѣсяца*.

3) Въ южной части Россіи, къ которой принадлежатъ: Малороссія, Новороссійскій Край, часть Донской Земли и др., рѣки бываютъ покрыты льдомъ, приблизительно, отъ 1-го января до 1-го марта, т. е. въ продолженіе *двухъ или двухъ съ половиною мѣсяцевъ, а почти* 10 *мѣсяцевъ* остаются для весны, лѣта и осени, такъ, что во время первыхъ лѣтнихъ жаровъ въ странѣ прибрежной къ Черному Морю рѣки сѣверной Россіи только что очищаются отъ льда. При этомъ не приняты въ разсмотрѣніе воды южной части губерніи таврической и самыхъ отдаленныхъ мѣстъ архангельской и пермской губерній.

Всѣ рѣки, которыя текутъ съ юга на сѣверъ, вскрываются, какъ говорится въ народѣ, *дружно*,

потому что вершины ихъ скорѣе подвергаются бо́льшему вліянію солнца, а устья, по своей ширинѣ, легко пропускаютъ ледъ, и онъ, почти не растаивая, несется далѣе на сѣверъ; напротивъ, всѣ рѣки, которыя текутъ съ сѣвера на югъ, вскрываются постепенно, потому что устья ихъ, при сильномъ вліяніи солнца, очищаются очень скоро, а средина теченія и вершины, простираясь на сѣверъ, очищаются, смотря по мѣстности, все позже и позже, такъ что вскрытіе одной и той же рѣки при устьѣ часто бываетъ мѣсяцемъ и полуторами ранѣе, нежели при верховьѣ, и ледъ большею частію, не доходя до моря, таетъ, ломается и исчезаетъ.

II. **Предѣлъ южныхъ и сѣверныхъ растеній и животныхъ въ харьковской губерніи.** Изъ сѣверныхъ растеній далѣе харьковской губерніи не встрѣчаются: *обыкновенная сосна, рябина* и *клюква.* Изъ южныхъ растеній не переходитъ *ковыль.* Изъ сѣверныхъ звѣрей и птицъ не встрѣчаются далѣе харьковской губерніи *лѣсной заяцъ* или *бѣлякъ* и *пуночка*, а изъ южныхъ *желтощекій жаворонокъ, земляной заяцъ* и звѣрекъ *слѣпецъ* или *зиньское щиня*, который впрочемъ принадлежитъ почти исключительно одной харьковской губерніи. Обыкновеннаго *сѣвернаго рака* также нѣтъ, а водится *тонкопалый* (astacus leptodactilus), который уже передвигается въ курскую губернію и все болѣе тѣснитъ на сѣверъ обыкновеннаго рака. И какъ эта губернія служитъ довольно рѣзкимъ предѣломъ распространенія нѣкоторыхъ растеній

и животныхъ, такъ и сама она, по климату, не принадлежитъ собственно ни къ сѣвернымъ или среднимъ ни къ южнымъ губерніямъ, и, открытая для всѣхъ вѣтровъ, сильно зависитъ отъ ихъ перемѣны и температуры другихъ губерній. Иногда въ январѣ, при постоянномъ южномъ вѣтрѣ, во многихъ мѣстахъ обнажаются поля и начинаетъ зеленѣть хлѣбъ, какъ было въ 1835 году, и въ тотъ же годъ, при продолжительномъ сѣверномъ вѣтрѣ, въ маѣ мѣсяцѣ морозъ истребилъ большую часть фруктовыхъ садовъ и даже много молодыхъ простыхъ деревьевъ. Такія сильныя перемѣны въ состояніи воздуха и такая зависимость отъ вѣтра не столь замѣтна въ другихъ губерніяхъ. Впрочемъ, несмотря на эту зависимость, средняя теплота въ харьковской губерніи, *по десятилѣтней сложности*, составляетъ 13° а средній холодъ 10°.

III. **Зимнія торговыя дороги отъ Москвы до Харькова и отъ Харькова до Одессы.** Не только иностранцы, но многіе изъ нашихъ соотечественниковъ привыкли думать, что наши зимнія дороги, по скорости и легкости перевозки товаровъ, замѣняютъ, почти на цѣлые полгода, всѣ усовершенствованные торговые пути; что природа приготовляетъ для насъ удобства, до которыхъ въ другихъ мѣстахъ доходятъ съ великими трудами и тратой огромныхъ капиталовъ; что наши зимнія дороги ровны, гладки и чуть ли не замѣняютъ чугунныхъ. Быть можетъ, это *до нѣкоторой степени* справедливо въ отношеніи къ не-

многимъ изъ сѣверныхъ губерній Сибири, которая тянется отъ запада къ востоку, и главные ея пути лежатъ почти подъ однимъ градусомъ широты, подъ однимъ климатомъ; но такое мнѣніе, относительно внутренней Россіи, — средоточія ея промышлености, — совершенно неосновательно. Возьмемъ частный случай, одинъ торговый оборотъ: харьковскую крещенскую ярмарку, на которую тянутся обозы почти за 700 верстъ, изъ Одессы, и за 750 верстъ, изъ Москвы, съ товарами, на сумму 20,000,000 рублей.

Крещенская ярмарка начинается обыкновенно въ первыхъ числахъ января и оканчивается 28 числа того же мѣсяца. Товары отправляются изъ Москвы и Одессы до Рождества, чтобы не опоздать къ урочному времени. Въ это время въ Москвѣ бываютъ постоянные морозы отъ 15 до 20° и болѣе, а въ Одессѣ рѣдко доходятъ до 5 или 10°, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней сильныхъ морозовъ; напротивъ, чаще случается совершенная оттепель, и во всякомъ случаѣ, всѣ товары идутъ на колесахъ. Хотя и въ харьковской губерніи бываютъ въ январѣ сильныя оттепели, но дороги до Москвы всегда остаются санными. Самый скорый перевозъ товаровъ дѣлается въ 12 и даже 10-ть дней; но обыкновеннѣе въ 15 и даже 20 дней. Одна эта разница въ торговомъ дѣлѣ, которое требуетъ вѣрныхъ и быстрыхъ движеній, нисколько не въ пользу нашихъ зимнихъ дорогъ, а бываютъ годы, какъ напр. 1837, когда товары тащутся отъ Москвы до Харькова по три и по

четыре недѣли и съ какимъ тяжкимъ трудомъ и мучительною работою для лошадей. Проѣзжая по этой дорогѣ, жалко было видѣть, какъ цѣлыя сотни возовъ едва-едва тащились изнуренными, избитыми лошадьми, какъ часто на цѣлые десятки верстъ дорога казалась замерзнувшими волнами рѣки: такъ она была выбита и испорчена, и по этимъ выбоямъ нырялъ возъ за возомъ: то напиралъ со всею силою на лошадь, то раскатившись, тащилъ ее въ сторону, и она, падая, сбивая себѣ колѣна, карабкалась на крутизну выбоя, и обезсилѣвшая, сбитая, часто сваливалась въ ухабъ, изъ котораго безъ пособія нѣсколькихъ человѣкъ не могла ни встать ни вытащить своей тягости. Тогда останавливался цѣлый обозъ, особенно въ ночное время, и начиналась работа, а иногда починка саней. Иногда цѣлый обозъ пробирался между двумя рядами деревъ, которыми обсажена дорога, и тутъ лошади оступались въ канавы, сани безпрерывно бились о деревья и такимъ образомъ портили или даже совершенно ихъ уничтожали. Подъ каждой горою вы навѣрное могли видѣть по нѣскольку лошадей сбитыхъ въ сугробъ снѣга или прижатыхъ санями, и около нихъ въ хлопотахъ толпу извощиковъ. Многіе принуждены были прикупать или даже покупать новыхъ лошадей, и несмотря на это, немногимъ удалось доставить товары въ срочное время, а это, быть можетъ, разорило не одного подрядчика перевозки, и разстроило торговые обороты купечества. Путь изъ Одессы въ Харьковъ не менѣе неудобенъ: отпра-

вившись съ товарами на колесахъ, извощики часто цѣлыя сотни верстъ тащутся по снѣгу; колеса глубоко врѣзываются въ него, деготь застываетъ и лошадь едва-едва тащитъ тягость въ 20 или 25 пудовъ; часто по тому и другому пути подъ кладь въ 30 или 35 пудовъ запрягаютъ по тройкѣ, чтобы поспѣть на срокъ и сберечь скотъ. При разъѣздѣ съ ярмарки, размѣнявшись товарами, перевозка ихъ бываетъ еще труднѣе, особенно, если не перепадетъ нѣсколькихъ хорошихъ снѣговъ. Тогда московская дорога портится до крайности, а одесская становится ни санною, ни колесною. Прибавьте къ этому внезапныя перемѣны температуры на пространствѣ обоихъ путей, то оттепель съ мокрымъ снѣгомъ то назавтра 20° морозы, или и дождь и снѣгъ, и тепло и морозъ, какъ случается на пути въ Одессу. Прибавьте страшныя мятели не только въ Новороссійскомъ Краю, но въ губерніяхъ курской, орловской и даже тульской: дорога исчезаетъ среди дня, и часто совершенно не видно деревъ, которыми она обсажена. Отъ такихъ случайностей, обыкновенно, то неожиданно возвышается то неожиданно понижается цѣна за перевозку съ пуда, и всегда почти во вредъ или извощикамъ или купечеству, а о томъ, что купецъ возьметъ всѣ издержки съ покупателя, кажется, нечего и говорить. Это ли торговые пути, на которыхъ должно быть все вѣрно и быстро, по которымъ небольшою силою влечется большая тягость, и которые даютъ вѣрный расчетъ для торговыхъ предпринимате-

лей. Одна русская предпріимчивость и необходимость заработывать въ праздное зимнее время, вызываютъ цѣлыя тысячи людей изъ ихъ семействъ на такую тяжкую работу.

IV. **О переселеніи животныхъ.** Не одни люди цѣлыми племенами переходятъ изъ страны въ страну, изъ одной части свѣта въ другую; въ такія же странствія пускаются животныя всѣмъ своимъ населеніемъ: такъ переходятъ зайцы, бѣлки и другіе звѣри. Въ Сибири, по какому-то чудному предчувствію или по признакамъ незамѣтнымъ для человѣка, бѣлки предузнаютъ неурожай кедровыхъ орѣховъ, и оставляя лѣса, пускаются несчетнымъ множествомъ въ другія мѣста, за сотни верстъ, но почти всегда въ направленіи на югъ или сѣверъ. Онѣ пробираются неизмѣнно по прямой линіи, и если встрѣтится на пути городъ, то идутъ чрезъ него иногда два и три дня, и тогда почти на каждомъ деревѣ, на каждомъ домѣ можно ихъ видѣть десятками; если имъ встрѣтится рѣка, хотя въ версту шириною, онѣ плывутъ чрезъ нее, употребляя пушистый хвостъ вмѣсто паруса, и несмотря ни на какія преграды, достигаютъ до лѣсовъ, въ которыхъ остаются по тому же предузнанію продовольствія. Такимъ образомъ переселяются изъ страны въ страну и зайцы: они идутъ разсѣяннымъ стадомъ и болѣе ночью въ глубокую осень; но попадаются и днемъ въ самыхъ городахъ, по садамъ и огородамъ. Въ одно изъ такихъ переселеній въ Сибири изъ тобольской губерніи въ томскую, жители рѣшили,

что тобольскій лѣшій проигралъ въ карты всѣхъ своихъ зайцевъ томскому, и гонитъ ихъ къ новому владѣльцу.

V. Архангельскія промышленники. Архангельскіе морскіе промыслы составляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ промышленостей цѣлой Россіи: отсюда идетъ во внутреннія губерніи китовый жиръ, ворвань, треска, вязига, новага, семга, тюленьи и моржевыя кожи и другіе предметы. Многіе изъ нихъ отправляются за границу. Ловъ морскихъ звѣрей и рыбъ производится у береговъ Новой Земли, около береговъ Сѣвернаго Океана, направо и налѣво отъ Бѣлаго Моря, и въ самомъ Бѣломъ Морѣ. Всѣ мы, вѣрно неразъ пользовались удовольствіями и удобствами отъ промысловъ архангельскихъ рыбаковъ, но не всѣ знаемъ, какія опасности соединены съ этими промыслами, какъ смѣло идетъ на нихъ, и съ какою рѣшительностію и отвагою преодолѣваетъ ихъ нашъ архангельскій рыбакъ. Бури и жестокіе морозы, опасная ловля китовъ и появленіе бѣлыхъ медвѣдей, которые часто нападаютъ на рыбацкія хижины, —это одинаковая опасность для всѣхъ промышленниковъ въ сѣверныхъ моряхъ, но опасности конушинскаго промысла даны въ удѣлъ нашимъ Архангельцамъ.

На сѣверъ отъ Архангельска, при самомъ устьѣ Бѣлаго Моря, земля вдается длиннымъ и крутымъ уступомъ, который называютъ Конинскимъ Носомъ. На этотъ конецъ земли отправляются рыбаки съ февраля по май, иногда за тысячу верстъ

отъ своего жилья, на промыслъ морскихъ звѣрей. Какъ долженъ быть великъ въ это время холодъ въ мѣстахъ, незащищенныхъ даже лѣсомъ, совершенно открытыхъ для вѣтра и удаленныхъ отъ Архангельска въ глубину сѣвера, по прямой линіи, слишкомъ на триста верстъ, какъ неудобны пути по этой снѣговой пустынѣ,—и все это не мѣшаетъ русскому рыбаку ѣхать на его любимую охоту. Здѣсь собираются промышленники и каждый ждетъ своего роковаго часа: когда сильнымъ приливомъ обломаетъ закраины прибрежныхъ льдовъ, и огромныя льдины съ ужасною быстротою мчатся отливомъ мимо уступовъ Канинскаго Мыса, въ это время рыбаки поодиночкѣ бросаются каждый на свою льдину, и съ какими пособіями?—съ ножемъ, дубиною, обвязанные ремнемъ, съ котомкою хлѣба, и иногда съ лыжами или *ламбами*. Ступивши на свою льдину, охотникъ предается на волю вѣтра и стремленія океана. Часто отливъ относитъ его далеко отъ земли; берега теряются изъ виду, и только вѣтеръ да волны гуляютъ съ отважнымъ рыбакомъ; но рыбакъ не боится непогоды, бѣгаетъ по своей льдинѣ и бьетъ моржей и тюленей, а иногда выдерживаетъ бой и съ бѣлымъ медвѣдемъ. И если его льдина сталкивается съ другою, которая богаче звѣрями, то рыбакъ перебѣгаетъ на нее и снова начинаетъ свою охоту до тѣхъ поръ, когда новый приливъ возвратитъ его землѣ вмѣстѣ съ добычею, которую товарищи помогаютъ ему выгрузить на берегъ. Но часто сильный вѣтеръ навсегда уноситъ его

отъ земли, или запираетъ льдомъ, или раздробивши льдину, губитъ въ волнахъ океана. А съ новой весною идутъ на Конинскій Носъ новые охотники рыбаки, и снова начинаютъ свой отважный и гибельный промыслъ.

VI. **Курганы и городища, по преданіямъ народнымъ.** По всей южной Россіи отъ Прута до Волги и далѣе на востокъ черезъ степи до Байкала разсѣяно много насыпей, извѣстныхъ подъ названіемъ кургановъ или могилъ и городищъ. По преданію народа, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ нашей исторіи. Въ кіевской губерніи есть огромный курганъ близъ Каневскаго лѣса, въ виду Днѣпра, недалеко отъ селенія Пикарей. Онъ называется *Княжою Горою.* Всходъ на него затруднительный; площадь на его вершинѣ не менѣе 10-ти саженъ въ длину и столько же въ ширину; на этой площадкѣ видны слѣды жилья и остатки подвала. По преданію народа, здѣсь былъ теремъ Великой Княгини Ольги.

Въ томъ же уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Семчевскаго, есть остатки землянаго укрѣпленія, которое называютъ Паланкою или Полянкою. По преданію народа, это было укрѣпленнымъ мѣстомъ Татаръ, куда они проводили плѣнныхъ христіанъ и отсюда отводили толпами въ свои владѣнія. Теперь насыпи покрыты огромнымъ дубовымъ лѣсомъ и невдалекѣ отъ нихъ замѣтны остатки колодезя, которые также покрыты кустарникомъ.

Недалеко отъ Паланки, въ лѣсу помѣщика Тарновскаго, между урочищами Лѣнницемъ и То-

пиловымъ есть насыпь вышиною саженей до 10-ти; она обсажена кругомъ валомъ, въ окружности съ полверсты, а при самой подошвѣ идетъ другой валъ со рвомъ; на вершинѣ городка замѣтны остатки подвала. Саженяхъ въ пятидесяти отъ городка лежитъ въ рытвинѣ камень величиною сажени въ полтоды, занесенный пескомъ и землею. По преданію народа, это было въ половинѣ прошедшаго вѣка укрѣпленнымъ становищемъ Гайдамаковъ. Теперь все это мѣсто покрыто лѣсомъ.

VII. **Пѣсня Черноморцевъ.** Когда Императрицѣ Екатеринѣ II, послѣ многихъ своевольствъ запорожскихъ казаковъ, угодно было уничтожить главный ихъ притонъ, сѣчу, въ это время загрустила малороссійская вольница, жалѣла о заселеніи нынѣшняго Новороссійскаго Края и въ пѣснѣ такъ взывала уже къ покойному князю Григорью Алевсандровичу Потемкину:

Та встань, батьку, великій гетьмане,
Милостивый нашъ вельможный пане!
Та встань, Грицьку, промовъ за насъ слово,
Попроси Царици — буде усе намъ готово:
Дасть грамоту на вичность намъ жити;
Мыжь ій будемъ вирнійше служити.

И когда вмѣсто Приднѣпровья дали имъ для житья Тамань или Черноморье съ разными льготами, то обрадованные казаки разгулялись и запѣли:

Ой, годи намъ журитися, Пора перестати! Заслужили у Царици За службу заплаты.	Полно намъ печалиться, Пора перестать: Заслужили отъ Царицы За службу награды.

Дала хлибъ, силь и грамоту
За вирныя службы.
Отъ теперь мы, милы братья,
Забудемъ вси нужды.
Въ Тамани жить, вирно слу-
жить,
Границю держати;
Рыбу ловить, горилку пить
Ще й будемъ богаты.
Тай щежъ треба женитися
И хлѣба робити;
А кто прійде изъ невирныхъ
То якъ врага бити.
Слава Богу й Царици
И покой гетьману,
Заличили въ сердцяхъ нашихъ
Великую рану.
Благодаримъ мы Царици,
Помолимось Богу,
Що вона намъ указала
На Тамань дорогу.

Дали хлѣбъ, соль и грамоту
За вѣрныя службы.
Вотъ теперь мы, милые братья,
Забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно слу-
жить,
Границу охранять,
Рыбу ловить, вино пить
И будемъ богаты.
Да еще надо жениться
И хлѣбъ добывать;
А кто прійдетъ изъ невѣрныхъ,
Того какъ врага бить.
Слава Богу и Царицѣ
И покой гетману,
Залечилъ въ серцахъ нашихъ
Великую рану.
Благодаримъ мы Царицу,
Молимся Богу,
Что она намъ указала
На Тамань дорогу.

VIII. **Употребленіе ваннъ въ Малороссіи.** Въ Малороссіи простой народъ не знаетъ бань; даже у рѣдкихъ помѣщиковъ найдете кой-какую баню, которую топятъ не по нашему православному обычаю—каждую субботу, а только передъ большими праздниками или по особеннымъ обстоятельствамъ. Зато вы увидите Малороссіянина каждое воскресенье въ чистой сорочкѣ съ отложнымъ воротникомъ, и эта частая перемѣна бѣлья замѣняетъ нѣсколько бани—хотя не можетъ замѣнить ихъ совершенно,—и отъ этого недостатка часто встрѣчаются у простолюдиновъ накожныя болѣзни, особенно весною, когда теплота воздуха свободнѣе расширяетъ поры, а весеннія работы

приводятъ въ сильное движеніе всѣ органы. Кромѣ того, наши бани, замѣняются здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ваннами. Занеможетъ ли кто одышкой или животомъ, заболитъ ли у кого поясница, для него готовятъ большую кадь теплой воды, кладутъ въ нее *зори, чебрецу, душицы*, и другихъ пахучихъ травъ, сажаютъ туда больнаго и даютъ ему сидѣть около получаса и даже болѣе.

Каждая родильница на девятый день послѣ родовъ должна садиться въ легкую ванну изъ травъ, между которыми необходима въ этомъ случаѣ *золотникъ трава*.

Слабаго ребенка купаютъ въ теплыхъ ваннахъ съ сухою травою молодой ржи, сорванной раннею весною, когда трава не пошла въ колосъ. Это купанье, по словамъ достовѣрнымъ, приноситъ скорую и вѣрную помощь.

Употребляютъ ванны и въ другихъ случаяхъ и почти всегда съ пользою. Иногда купаются въ ванной взамѣнъ бани; но это бываетъ рѣдко.

IX. **Нѣкоторыя повѣрья Финовъ, живущихъ въ Петербургской губерніи.** Фины вѣрятъ въ *вампировъ*, и для удержанія ихъ появленія на землѣ, разрываютъ могилу покойника, оборачиваютъ его трупъ внизъ лицемъ и заколачиваютъ въ пяты желѣзные гвозди. Вѣрятъ въ *домовыхъ*, что они обогащаютъ и разоряютъ хозяина дома, смотря по расположенію къ нему. Вѣрятъ въ *русалокъ* и представляютъ ихъ женщинами съ волосами до земли и съ длинными висящими грудями. Вѣ-

рятъ въ *лѣшихъ* и воображаютъ ихъ мужчинами или даже безполыми существами, потому что призывая его въ помощь, поютъ: «*мецёнъ итти, мецёнъ атти*! *мецёнъ култанинъ кунигасъ*! *туле нутъ минунъ тюкони*! т. е.: отецъ лѣсной, мать лѣсная! ты добрый царь лѣсной, поди ко мнѣ!» Этотъ лѣшій, по ихъ понятіямъ, выростаетъ и сокращается какъ захочетъ. Кто не припомнитъ при этомъ о нашемъ лѣшемъ, который по лѣсу идетъ—съ лѣсомъ ровенъ, по травѣ идетъ,—съ травою ровенъ.

X. **Наказаніе невѣрныхъ женъ у Черкесовъ.** По черкесскому обычаю, мужья видятся съ женами только ночью, приходятъ къ нимъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ, и уходятъ до свѣта. Если кто-нибудь посторонній прокрадется въ домъ Черкеса, то хозяинъ дома можетъ безнаказанно его убить, а по *шеріату*, или суду старшинъ, обязанъ привязать пойманнаго къ столбу и сначала обрѣзать у него одно ухо и бросить собакамъ, потомъ другое, и рѣзать его такимъ образомъ до смерти. Ежели откроется, что и жена его виновна въ невѣрности, то мужъ можетъ безнаказанно убить ее, а по суду старшинъ, долженъ, разрѣзавши ей кинжаломъ обѣ щеки и обстригши волосы, прогнать изъ дому. Такую изгнанницу уже никто не возьметъ замужъ и она живетъ у родныхъ. Если же измѣнитъ жена князя, то князь можетъ убить ее, но по суду старшинъ, долженъ отвести ее на высокую гору, запречь въ *арбу*, или большую одноколку, и столкнуть въ пропасть; но

если и послѣ этой страшной казни жена останется жива, то мужъ добиваетъ ее камнемъ. Такіе обычаи исполняются вѣрно, и Черкесъ страшится унизиться прощеньемъ женщины.

XI. **Кавказскій прометей.** Почти всѣ наши горскіе народы вѣрятъ въ горныхъ духовъ. Абхазцы разсказываютъ, что на вершинѣ Эльбруса есть страшная пропасть, въ которой раздаются стоны и слышны звуки цѣпей: тамъ лежитъ прикованный великанъ, и если кто изъ смертныхъ заглянетъ въ пропасть, то онъ спрашиваетъ: «что дѣлается на высотѣ? зеленѣетъ ли трава? мирно ли живутъ семейства? вѣрна ли жена мужу? покорна ли дочь матери? сынъ отцу?» Ему отвѣчаютъ: «*да*» и снова слышится стонъ, и великанъ говоритъ: «долго оставаться мнѣ въ неволѣ.»

ПРИМѢЧАНІЯ.

═

1. ПОЛОЖЕНІЕ ГОРЪ ВЪ РОССІИ.

При обозрѣніи горъ Россіи сочинитель руководствовался отдѣльнымъ сочиненіемъ Палласа о переворотахъ земли въ отношеніи къ горамъ, находящимся въ Россіи; путешествіями, его же, Палласа, Гмелина, Лепехина, Рычкова, Зуева, Крашенинникова, Литке, Горнымъ Журналомъ, сочиненіями Кювье; въ особенности о переворотахъ на земномъ шарѣ; путешествіями Гумбольдта по Сибири и къ Каспійскому Морю, Ледебура и др. по Алтайскимъ Горамъ; новыми атласами, картами Риттера, частными картами, приложенными при разныхъ путешествіяхъ и собственными замѣчаніями, которыя удалось сдѣлать въ проѣздъ по Сибири и поѣздкахъ по разнымъ губерніямъ Россіи, преимущественно въ средней и южной ея полосахъ.

2. ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

1. Лѣт. Нестора по Лаврент. списку, стр. 4, 5.
2. Тамъ же, 47, 48.
3. Истор. Госуд. Рос. Изданіе IV. Т. I, стр. 103, 104.
4. Клородворская рукопись.
5. Несторъ по Лавр. списку, стр. 47, 48.
6. Тамъ же.
7. — Стр. 54.
8. 9, 10, 11. Тамъ же, стр. 34, 35.
12. Исторія Госуд. Рос. Т. I, стр. 120.
13. Сказанія всѣхъ лѣтописей о княженіяхъ Игоря, Ольги и Святослава.
14. Несторъ по Лав. списку, стр. 52, 53.
15. Тамъ, стр. 74.
16. Тамъ же.
17. Собраніе простонародныхъ думъ и пѣсень Кирши-Данилова.
18. Несторъ по Лав. списку, стр. 90.
19. Тамъ же, стр. 81.
20. Тамъ же.
21. Тамъ же, стр. 82.
23. Тамъ же.
24. Кіевскій Синопсисъ, стр. 50.
25. Несторъ по Лаврент. списку, стр. 34.
26. Тамъ же, стр. 83.
27. Русскія Достопамятности, 1815. Часть I, стр. 114.
28. Сочиненіе преосвященнаго Тихона, 1825. Изданіе 2-е, стран. 26.
29. Кіево-Печерскій Патерикъ, стр. 1 на оборотѣ.
30. Тамъ же, стр. 2.
31. Тамъ же, стр. 2, 3, 4.
32. Тамъ же, стр. 5, 6.
33. Тамъ же, стр. 113.

34. Тамъ же, стр. 194.
35. Описаніе Кіево-Печерской Лавры митрополита Евгенія. 1831, стр. 14, 15.
36. Кіево-Печерскій Патерикъ, стр. 3.
37. Тамъ же, стр. 6 на оборотѣ.
38. Тамъ же, стр. 44 на оборотѣ.
39. Тамъ же, стр. 39 на оборотѣ.
40. Тамъ же, стр. 53 на оборотѣ.
41. Тамъ же, стр. 55 на оборотѣ.
42. Тамъ же, стр. 205 на оборотѣ.
43. Тамъ же, стр. 146.
44. Тамъ же, стр. 96.
45. Тамъ же.
46. Тамъ же, стр. 103 на оборотѣ.
47. Несторъ по Лав. списку, стр. 7, 8.
48. Патерикъ, стр. 174.
49. Тамъ же.
50. Русскія Достопамятности, стр. 116.
51. Описаніе Кіевопечерской Обители, гл. IX.
52. Тамъ же, глав. XII.
53. Тамъ же, стр. 32.
54. Простонародныя пѣсни, собранныя Киршею-Даниловымъ.
55. Несторъ по Лавр. списку, стр. 92.
56. Акты, томъ 1, стр. 260.

3. ПРАЗДНИКЪ КУПАЛО.

1. Annales des Voyages 1810. III. V-me lettres sur la Suede, p. 207, 208. Доставленіемъ этой выписки обязанъ я И. И. Срезневскому.

2. Es saß am Hügel und schlug die Harfe
Der riesinn Hirte, der frohe Edger;

Da kräht vor ihm auf Baumes Gipfel
Der purpurrothe Birkenhahn.
In Asgard krähte der Goldgekämmte,
Der dort die Helden Odins weckt;
Im Abgrund krähte der grauliche,
Unter der Erde in Hela's Saal (*).

3. Русскіе простонародные праздники, г. Снегирева, выпускъ I, стр. 79.

4. Геогр. описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. Госуд. народовъ, 1799. Томъ I, стр. 25.

5. Заимствовано изъ разсказовъ колонистовъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ Краѣ.

6. Русскіе простонарод. праздники, выпускъ I, стр. 73.

7. Хиджеу, въ статьѣ о Румунахъ, помѣщенной въ Молвѣ за 1833 годъ.

8. Снегиревъ.

9. Idem.

10. Idem.

11. Выписка изъ сочиненій г. Ходаковскаго, помѣщенная въ примѣчаніяхъ III тома Исторіи Малороссіи Д. Н. Бантыша-Каменскаго.

12. Нѣть возможности передать выговоръ какого-нибудь языка словами и буквами другаго. Напѣвъ рѣчи (intonation), ударенія на слова при различномъ ихъ употребленіи, произношеніе ихъ, часто зависящее отъ гортаннаго устройства органовъ цѣлаго племени, все это непередаваемо ни какими знаками. Одно практическое изученіе языка, и то на мѣстѣ его живаго употребленія, продолжительныя и близкія сношенія съ народомъ и знаніе его дѣйствительной жизни, мо-

---

(*) Доставленіемъ этой выписки я также обязанъ И. И. Срезневскому.

жетъ познакомить съ языкомъ, силою, особенностями и оттѣнками. Въ малороссійскомъ языкѣ такъ много особеннаго, національнаго, принадлежащаго однимъ Малороссіянамъ, выражающаго одинъ характеръ Малороссіянина, его взглядъ на міръ и его домашній бытъ, что никто, не усвоивши себѣ малороссійской народности, не можетъ знать малороссійскаго языка и чувствовать въ немъ жизни народной, а передать эту жизнь знаками невозможно. Притомъ же во многихъ отношеніяхъ еще неизвѣстно, должно ли придерживаться общаго славянскаго правописанія, или вести его ближе къ русскому, или, что всего вѣроятнѣе, малороссійскій языкъ долженъ имѣть свое особенное. Всѣ правила правописанія, введенныя до сихъ поръ, служатъ только средствами облегчить выговоръ и частію сохранить корень слова, но ни одно изъ нихъ недостаточно и не всѣ удобны. Наприм., слово *войско*, пишутъ *війско*, совѣтуютъ выговаривать вісько и затемняютъ корень слова *войско*, война и пр. Пишутъ: *ходылы*, *вечерныцы*, *що* и пр., въ то время, когда *ы* въ двухъ первыхъ словахъ слишкомъ грубо для малороссійскаго языка и должно быть ближе къ *и*, а *що* не скажетъ ни одинъ настоящій Малороссіянинъ, смягчая *щ* буквою *ш* или *шш*; слово *пишовъ* и подобныя также непередаваемы по выговору, зависящему отъ свойства языка: русскій выговариваетъ его *пишофъ*, а Малороссіянинъ дѣлаетъ густое и твердое удареніе на *шовъ*. Въ избѣжаніе этого, я хотѣлъ употребить, для сохраненія выговора, различные знаки, которые бы сгущали, утончали, сокращали слова и ударенія; но эти знаки, совершенно запестривши слова, не передали бы выговора; предполагалъ еще писать, сообразуясь съ

русскимъ правописаніемъ, но оно часто не соотвѣтствуетъ характеру малороссійскаго языка, для котораго предлежитъ еще много грамматическихъ и филологическихъ вопросовъ, и потому предстояло сообразоваться съ живымъ употребленіемъ языка, по возможности соблюдая и выговоръ и корень слова, и предпочитая въ крайности первый послѣднему, чтобъ для всѣхъ облегчить чтенье, и въ надеждѣ, что нѣсколько желающихъ ученыхъ могутъ найти корни и начала не только въ малороссійскихъ словахъ но и въ предметахъ, гораздо болѣе затруднительныхъ. Знаю, что и мой способъ только *временный*, недостаточный и, можетъ быть, неопредѣленъ; но я не знаю ни одного постояннаго, удовлетворительнаго и правильнаго, особенно изъ тѣхъ, по которымъ слова, утрачивая корень, вмѣстѣ съ тѣмъ передаются далеко отъ русскаго и малороссійскаго выговора.

12. Еще должно замѣтить, что въ малороссійскихъ пѣсняхъ слова часто принимають для плавности и созвучія другія ударенія, нежели въ обыкновенномъ разговорѣ. Въ переводахъ я старался соблюдать почти дословную вѣрность; несмотря на это, многія выраженія не могли быть переданы буквально, и слова, имѣющія обширное значеніе, передавались въ значеніи умѣстномъ по смыслу пѣсни; такъ наприм., *шпички* значитъ и *спицы*, и *сухія прутья*, и *вязальныя иглы*; *лугъ* значитъ лѣсъ только близъ воды, на низменныхъ мѣстахъ; *зилье* значитъ трава, вообще цѣлебныя травы, цвѣты и пр. Нѣкоторыя выраженія переведены простонароднымъ же оборотомъ русскимъ, какъ наприм., на Ивана, вмѣсто на Ивановъ день, или наканунѣ Иванова дня. Въ Россіи часто употребляется: на Спаса, на Святую недѣлю, вмѣ-

сто на Спасовъ день или предъ Святою недѣлею и проч.

13. Простонародные русскіе праздники, Снегирева, выдача I.

14, 15. Тамъ же, выдача I.

4. ПОѢЗДКА ВЪ ПУТИВЛЬ.

1. Маржереть, стр. 32. Сказаніе современниковъ о Самозванцахъ.
2. Истор. Госуд. Рос , стр. 234. Томъ II.
3. И. Г. Р. Томъ II, стр. 299 и томъ III, стр. 45.
4. И. Г. Р. Томъ II, стр. 261 и 352.
5. Тамъ же. Т. II, стр. 271.
6. Тамъ же. Т. II, стр. 375.
7. Тамь же. Т. II, стр. 401.
8. Тамъ же.

5. ОСЕТИНЦЫ.

Эта статья составлена преимущественно по руководству А. Клапрота, путешествовавшаго по Кавказу за 30 лѣтъ до нашего времени. Онъ сообщилъ много подробныхъ свѣдѣній вообще о всѣхъ кавказскихъ племенахъ и древностяхъ; знакомитъ съ грузинскими, арабскими и татарскими лѣтописями, такъ необходимыми для изученія Кавказа. Кромѣ этихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ его *Voyage au mont Caucase et en Georgie*, достовѣрность которыхъ подтверждается большею частію новѣйшихъ путешественниковъ и людьми, бывшими въ близкихъ отношеніяхъ съ кавказскими народами, служили пособіями его же *Tableaux historiques de l'Asie*; нѣкоторые изъ древнихъ географовъ, преимущественно *Страбонъ*; свѣдѣнія о Кавказѣ папскихъ посланниковъ къ монгольскимъ

ханамъ; записки Гюлденистеда и другихъ академиковъ, посѣтившихъ Кавказъ, и общія новѣйшія свѣдѣнія, собранныя частію на самомъ Кавказѣ. Изъ картъ служили пособіями: карта, приложенная при путешествіи Клапрота и карта *Кавказскаго Края,* съ пограничными землями, составленная при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса (*).

6. СЕЙМЫ.

1. Rucopis Kralodworsky sebranj Liricko-Epickich narodnich' zpewu. W Praze. 1819. 8. Рукопись Кралодворская съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями А. С. Шишкова, 3 изданія: одно въ «Академическихъ извѣстіяхъ», другое въ Полномъ собраніи сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, третье отдѣльною книжкой. С. П. б. 1820. 8. Несмотря впрочемъ на эти изданія, Кралодворская Рукопись у насъ вообще еще мало извѣстна.
2. Historie Literatury Čescé pracj Sosefa Sungmanna, w Piase, 1825, 8. Здѣсь см. о древнѣйшихъ памятникахъ Чешской литературы: стр. 24—30, Slownik Česko-Německý, w Praze, 1835, 36. Еще не оконченъ. Изданіе чрезвычайно важное для Словенской филологіи.
3. Prawda Ruska przez Rakowieckiego. Warszawa. 1820—22, 2-го тома. 4. Это изданіе, мало извѣстное въ Россіи, заключаетъ въ себѣ много любопытнаго въ историко-философическомъ отношеніи.
4. «Исторія Славянскихъ Законодательствъ» Мацѣевскаго нѣсколько извѣстна по отрывкамъ, переведеннымъ въ Телескопѣ 1835 года, No 1—2, и кромѣ того, по

(*) Всѣ мѣста, отмѣченныя вносными знаками, переведены изъ сочиненія Клапрота *Voyage au mont Caucase* etc.

обѣщаніямъ гг. Погодина и Хиджеу издать полный переводъ этого сочиненія, важнаго для Славянской Исторіи, по-крайней-мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи. Жаль только, что были отрывки, были обѣщанія — и только.

5. Я не соединилъ двухъ отрывковъ этой пѣсни въ одно цѣлое вовсе, не потому, что почитаю ихъ отрывками изъ двухъ разныхъ пѣсень, а только потому, что между 1 и 2 отрывкомъ долженъ быть какой-нибудь пропускъ. Отрывокъ 1-й:

1. Въ словѣ uoieuod пропушена буква *i* или *a* — смыслъ впрочемъ понятенъ. Можно однако, позволивши себѣ вольность, понимать его и такъ: «всякой (ot) своимъ домомъ (celedi) правитъ (uoieuodi).

2. Stroia, по опискѣ или недочету, вмѣсто (*stroiu*).

4. Sbosie (сбожье, сбожина богатство, небога убогій) — имущество, dedina — наслѣдство.

7. *Kmet*. См. прекрасное объясненіе этого слова въ Словарѣ Чешскомъ Югманна II, стр. 81, также у Линде, Slownik ęzyka Polskiego. Warszawa. 1808, 1, стр. 1027 — 28. Вообще о кметахъ, ляхахъ и владыкахъ у Раковѣцкаго, II, стр. 157 — 58.

9. *P͂du* вмѣсто praudu: знакъ ˜ надстрочный означалъ пропускъ буквъ *ra*.

6. Отрывокъ 2-й.

24. *Tetni*, нѣкоторые читаютъ: uetui (вѣтви).

25. ‚*pde* вмѣсто pride: знакъ (передъ *p* значитъ пропускъ буквъ *ri* или *ro* (какъ напримѣръ въ стихѣ *s‚psi* вмѣсто *sprosi*) или же *re*, какъ въ стихѣ 91, ‚pgledati вмѣсто pregledati).

26. *Sirne* ширне (широкія, пространныя) иные читаютъ жирне.

30. *Sedlo*, кажется дворецъ, за́мокъ.

35. *Visegrade*, вмѣсто *vuisegrade*: предлогъ *v* пропущенъ.

36. На *popsiu*, т. е. на *poprasiu*—на попражьи, на вѣчѣ, на сеймовой площади, за порогомъ замка.

40. Zutoslai — кажется, Святославъ. *Otlubice* — съ Любицы: западная славянская форма, замѣняющая *von*, или наши фамильныя прозванія.

42. *S Dobroslavska hlemca*, съ доброславскаго холма: та же форма.

57. *Stol*—столъ, вмѣсто престолъ: въ этомъ смыслѣ слово «столъ» употребляется и у насъ на Руси, а потому и Кіевъ назывался стольнымъ.

58. *Wehlas*, *wehlasnost* — мудрость.

76. *Nalez*—уставъ, распорядокъ, впрочемъ не законъ.

91. Cislem cpglidat: что-то въ родѣ техническаго выраженія: переглядывать по числу, узнавать большинство.

92. *Uecina*—голосъ народа, рѣшенье.

105. *Hore musem im se sena ulade*: Даніилъ Заточникъ говаривалъ, что не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ жена владѣетъ. (И. Г. Р. VIII, прибав., стр. 154).

107. *Pá*—вмѣсто prauda: смѣлое сокращеніе, въ родѣ нашего оца.

112. *u*, вмѣсто *use* — уже.

7. *Влетава*, Молдава, важнѣйшая рѣка въ Богеміи, извилисто протекающая вдоль отъ юга на сѣверъ почти во всей Богеміи и впадающая въ Эльбу, выше Праги верстахъ въ трехъ ниже Мельника.

8. *Отава крива*, излучистая, Отава нынѣ *Отава стара* или *Вотава*. Вытекаетъ изъ Рахельберга и впадаетъ въ Молдаву слѣва, выше Писека, при развалинахъ замка Звыкова.

9. *Радбужа*, рѣка, впадающая справа въ Межу, неподалеку отъ Пильзена. Истоки обѣихъ рѣкъ, Отавы и Радбужы, довольно близки.

10. Кленовичи, фамилія извѣстная въ Исторіи Чешской, Гаскъ пишетъ: leta 649 to gest po cogitij Czechowïe do té zemie leta patégo: roskazal gest knijze Czech na mijstie gednom pod horau rzecenu Grip Lesposckati, a tu sobie duom ne wysoki postawiti, a od swého syna kterémuz *Klen* gmeno bylo *Klenec* gmenowati: ginij také az wlasstie znamenitiegssij pro milost, kternōz mieli k Czechowi Knijzcti swému, pri temz domie neb *Klenci*, také sobie domy a dwory stawieli. Впрочемъ о спорѣ братьевъ Кленовичей ничего не извѣстно, хотя упоминается о подобномъ происшествіи у разныхъ лѣтописцевъ. Dubravins, Aeneas silvius (Hist. Bohem. ed Hanov. 1602, p. 7 и 122) и Козьма Пражскій (Edit. Hanov. Lib. 1, p. 5) говорятъ о немъ безлично. Гаскъ подъ 721 говоритъ и упоминая лице, но не Стяглава, а Рогона и Миловича.

11. О Попеляхъ есть много преданій: см. ихъ у Нарушевича. Historya Naroda Polskiego. Warszawa. 1824. I, стр. 763—784. Кадлубекъ разсказываетъ, что Попель I былъ племянникъ Юлія Цезаря и владѣтель всѣхъ Славянъ, и что по смерти его владѣнія раздробились между 20 его сыновьями.

12. *Между трехъ рѣкъ*, между Вислой, Одеромъ и Эльбой, по предположенію Раковѣцкаго.

13: Вышеградъ.

14. Разныя преданія о *Любушѣ*, см. у Нарушевича, стр. 56, 655, 713, 746. Любуша, по преданію, была дочь Крака. Преданіе о Кракѣ см. у Нарушевича, стр. 669—714; у Раковѣцкаго, II, стр. 161—166.

15. *Любица*, мѣсторожденіе св. Войцѣха.
16. *Доброславскій холмъ* между Эльбой (Лабой) и Адлеромъ (Орлицей) Koniginngrätz.
17. *Горы Креконоши*, Исполиновы, Riesengibirge. Тутъ лежитъ старинный городокъ *Трутновъ*, въ которомъ и доселѣ сохранилось преданіе, что въ этихъ мѣстахъ жилъ когда-то страшный змѣй, и что былъ онъ умерщвленъ великимъ Трутомъ, который въ воспоминаніе своего подвига заложилъ, на мѣстѣ убіенія змія, городъ Трутново. Въ гербѣ Трутнова и понынѣ видѣнъ змій.
18. *Сачава* рѣка, впадающая въ Молдаву справа и вытекающая изъ Моравскихъ Горъ.
19. *Межа*, вытекаетъ изъ лѣсу Шумавы въ пильзенскомъ округѣ, и впадаетъ въ Молдаву, слѣва.
20. *Витезевы* прорицанія—не Святовитовы-ли? (Нарушевичъ), стр. 459—470. Раковѣцкій, I, стр. 167.
21. *О святомъ законѣ* Чеховъ любопытны замѣчанія Раковѣцкаго, во 2 томѣ его изданія Русской Правды.
22. Я не сравнивалъ фактовъ, представляемыхъ этими отрывками, съ фактами, которые даютъ лѣтописи, или Краледворская рукопись: это должно быть предметомъ особеннаго труда. Прошу извиненія и за бѣдность примѣчаній: многихъ книгъ не доставало подъ рукою.

7. ИЗБОРНИКИ.

1. 27 декабря 1076.
2. Софійскій Временникъ Предисловіе. Т. I, стр. 14.

Къ сей книгѣ приложены:

1) Барельефная Карта Россіи.
2) Видъ Кіевопечерской Обители.
3) Видъ Крещатика.
4) Планъ Кіевопечерской Обители.
5) Видъ праздника Купалы въ Малороссіи.
6) Снимокъ съ надгробнаго памятника Князя Василія Георгіевича.
7) Видъ церкви Спаса Нерукотвореннаго, въ Полтавѣ.
8) Внутренность той же церкви.
9) Ноты къ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ статьѣ: Праздникъ Купалы.

СОДЕРЖАНІЕ.